
ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Слава тебе, Герман Титов— отважный сын советского народа!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

3 (1782) № 33 (1782)

ГУСТА 1961 13 АВГУСТА 1961

39-й год издания

ЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД, ВСЕ ПРОГРЕ

ВАШ ПОДВИГ, КАК ПРИМЕР МУЖЕСТВА

Утро 7 августа. Сразу посл приземления космонавта Н. С Хрущев беседовал по телефон с Г. С. Титовым.

Н. С. ХРУЩЕВ. Слушаю Ва Герман Степанович. Здравст вуйте, сердечно поздравляю!

СВЕРКАЮЩИЕ ОРБИТЫ

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Все эти 25 часов человечество переживало судьбу советского человека как свою собственную судьбу. В эти часы мысли миллионов людей были сосредоточены на одной человеческой жизни, жизни советского коммуниста, совершающего новый изумительный полет в космическом пространстве. Он обнимал Землю витками своего корабля, в котором мощно воплотился рабочий творческий гений советского народа.

Этот полет воспринимался людьми планеты как творение коммунизма, знаменующее начало осуществления гигантских дел,

(Продолжение на 4-й стр.)

Г. С. ТИТОВ. ...Докладыва что задание партии и прав тельства выполнено.

Фото В. Володкина и М. Скурихиной.

ССИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БУДУТ ПОМНИТЬ В ВЕКАХ

И ОТВАГИ, ВО ИМЯ СЛУЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ Н. С. ХРУЩЕВА МАЙОРУ ТИТОВУ ГЕРМАНУ СТЕПАНОВИЧУ

ГОЛОС РАЗУМА

Товарищ Н. С. Хрущев выступает по радио и телевидению 7 августа 1961 года.

Фото А. Устинова.

Таков закон нашего общества: радости и заботы, победы и трудности партия, правительство делят с народом. Всегда. Каждый день, каждый час.

7 августа страна слушала выступление Никиты Сергеевича Хрущева по радио и телевидению. Глава правительства говорил о новом выдающемся подвиге советского народа на пути освоения космоса, о добрых вестях с заводов и полей, о грандиозных перспективах развития народного хозяйства, изложенных в проекте Программы Коммунистической партии. Это был разговор о наших трудовых буднях, потрясающих планету великими свершениями. Это был разговор о мире.

Да, для мира поднимаем мы ввысь леса невиданных строек. Для мира будоражим гудками тепловозов вековечную тишь тайги. Для мира украшаем землю новыми городами, одеваем ее в золото пшеничных полей. Для мира!

Но есть на Западе агрессивные круги, готовые на все, чтобы сорвать наши планы, планы строительства коммунизма, утверждения на земле Мира, Труда, Свободы, Равенства и Счастья народов. Эти круги раздувают ядерный психоз, они вооружают опаснейших врагов мира и демократии — западногерманских реваншистов. «По воле западных держав в центре Европы скопилось больше горючего материала, чем в каком-либо другом районе мира. Отсюда вновь грозит пробиться пламя мировой войны»,— предостерегающе прозвучал в эфире голос Никиты Сергеевича Хрущева.

Наше поколение хорошо помнит дымящиеся развалины имперской канцелярии, где провел свои последние часы обезумевший нацистский главарь. Помнит гром праздничного салюта, прозвучавшего в честь Победы. Помнит знамена отборных гитлеровских дивизий, брошенные к подножию Мавзолея. Но мы помним и другое. Как сбегались под крылышко западных оккупационных властей недобитые военные преступники. Как прибирали к рукам свои заводы и шахты рурские короли угля и стали, на чьей совести две мировые войны. Как тихий городок на Рейне — Бонн — превращался в мрачную цитадель милитаризма.

Мирный договор не заключен — и вчерашние эсэсовцы грозят кулаком на Восток и на Запад, требуя для себя новых территорий, нового «жизненного пространства».

Мирный договор не заключен — и сколачивается реваншистская армия, поставленная под командование генералов «третьего рейха».

Мирный договор не заключен — и Западный Берлин стал сегодня центром провокаций и шпионажа, а завтра может превратиться в новое Сараево.

ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО ПРОИЗОЙТИ!

Вот почему Советский Союз предлагает:

ПОДПИСАТЬ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Такое решение отвечает интересам всех народов. Договор должен быть заключен. Он будет заключен.

В западных столицах сейчас раздаются вопли о каких-то «угрозах» со стороны Москвы. Но разве предложение заключить Мирный договор с обоими германскими государствами и решить на этой основе вопрос о Западном Берлине — военный ультиматум? Разве стремление ликвидировать остатки прошлой войны и не допустить возникновения новой — это угроза? О какой «капитуляции Запада» твердят некоторые безответственные политики, имея в виду заключение договора? О капитуляции перед разумом, перед доброй волей? Да, логики здесь не ищи... «Нигде наше политическое банкротство не проявлялось столь очевидно и столь опасно, как в связи с Берлином»,— сокрушенно признает английская газета «Дейли геральд».

Советский Союз предлагает выход из тупика, созданного западными державами. Этот выход — переговоры.

«...Мы еще раз обращаемся к правительствам Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции: давайте по-честному сядем за круглый стол переговоров, давайте не создавать психоза войны, очистим атмосферу, будем опираться на разум, а не на силу термоядерного оружия»,— услышал мир твердые, уверенные слова Н. С. Хрущева.

У советского народа есть все, чтобы на силу ответить силой, чтобы сокрушить любого агрессора. Партия и правительство приняли необходимые меры для укрепления обороны страны. Но мы не считаем, что должны заговорить ракеты и пушки.

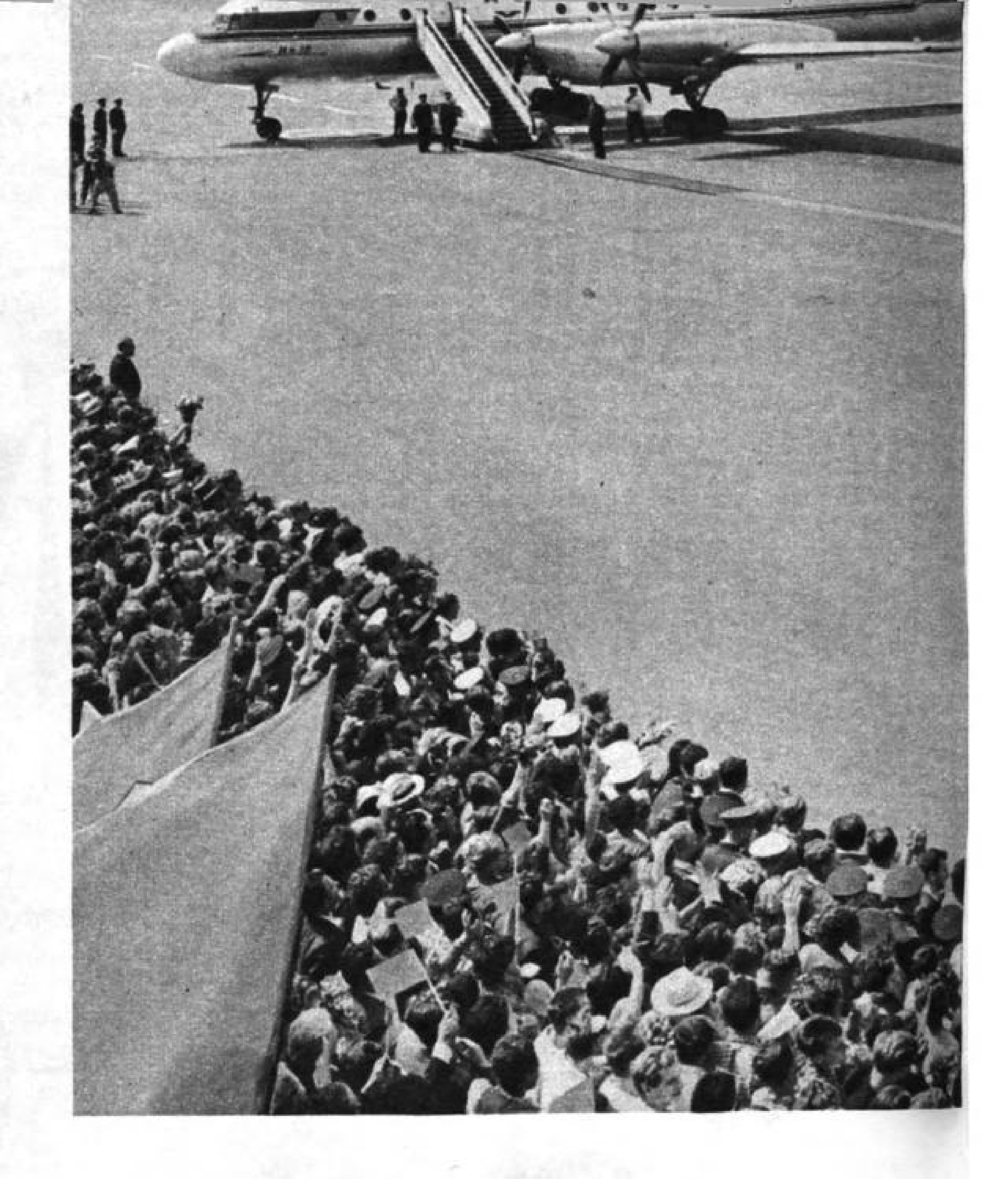
Пусть заговорит разум.

ПРОЕКТ НОВОГО УСТАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Опубликован проект Устава Коммунистической партии Советского Союза.

В сообщении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в связи с опубликованием проекта Устава говорится, что проект одобрен июньским Пленумом ЦК КПСС. В соответствии с решением Пленума проект Устава КПСС публикуется для всеобщего ознакомления и обсуждения всеми членами и кандидатами в члены КПСС. Итоги обсуждения будут учтены при окончательном рассмотрении проекта Устава.

Новый Устав партии вносится на рассмотрение и утверждение XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

ВНУКОВСКИЙ

АЭРОДРОМ. 9 АВГУСТА 1961 ГОДА

Фото И. Тункеля и Б. Кузьмина.

СВЕРКАЮЩИЕ ОРБИТЫ

(Начало см. на 1-й стр.)

предначертанных великой хартией нашей Коммунистической партии.

Имя этого человека стало гордостью мира. Подвиг его возвысил каждого человека.

Наш космонавт — сын народа, частица его великого целого. Он — коммунист.

Космический корабль был частицей нашей Отчизны.

Наедине со Вселенной космонавт работал в своем корабле все 25 часов, и так же вдохновенно работала эти сутки вся наша страна — работала на коммунизм.

Человечество вновь убедилось, с какой неукоснительной точностью выполняется советской наукой и техникой победная программа научных исследований космоса.

Человечество имело возможность еще раз убедиться, с какой великой точностью выполняется советским народом программа создания материально-технической базы коммунизма. Именно с этой базы уходят в космос советские космонавты, советские комсолеты — эталоны всемогущества науки и техники Страны Советов.

Многие народы мира успели лично познакомиться с Юрием Гагариным, и для них он стал обаятельным воплощением образа советского человека. Теперь рядом с Гагариным встал Герман Титов.

И если люди Запада изумляются чертам советского человека, ставшего всемирно известным, то для матери-Отчизны это один из миллионов ее сыновей, ее плоть и кровь, это она сама в одном из миллионов своих человеческих воплощений.

Партия существует для народа и служит народу. Высшее счастье для человека — отдать всего себя служению великому делу партии. Это счастье в полной мере познают герои нашего народа, герои-космонавты.

Я пишу эти строки на братской земле Болгарии. Здесь, в Варне, сейчас много работников печати из многих стран мира. Среди них герои — борцы-антифашисты, бывшие узники Освенцима и Бухенвальда с татуировкой на руке — номерными знаками узников. Все мы профессионалы своего дела. Многое видели мы в жизни и всегда умели держать свои личные чувства в узде. Но в эти дни все мы утратили свою журналистскую невозмутимость.

Почти оцепенение охватило нас в эти сутки. И когда Герман Титов своим радиокосмоголосом объявил человечеству о своем намерении поспать и пожелал счастливого сна всем жителям планеты, мы не могли уснуть. Как многие миллионы людей, мы заболели бессонницей. Со стесненным дыханием бродили мы по бессонным многолюдным улицам Варны, где молчаливые толпы стояли возле репродукторов и ждали пробуждения космонавта.

Я не буду пересказывать все слова восхищения и преклонения, какие говорились о советском космонавте в эти часы здесь, в Варне. Я приведу слова только одного человека, оставшегося случайно живым в лагере смерти. Он сказал, глядя в светящееся космическими мирами небо:

— Сегодня человечество совершило свой великий шаг в будущее, и самые злые силы антикоммунизма бессильны остановить его.

Как было воспринято сообщение ТАСС о благополучном приземлении Германа Титова? В эти мгновения люди чувствовали себя отцами и матерями, сестрами и братьями его.

Нет ничего выше этой любви человечества к человеку. Здесь, на болгарской земле, в семье братьев из социалистических стран, я увидел, почувствовал, как прекрасно, как изумительно прекрасно чувство интернационального единства, интернациональной гордости.

Когда наступили сумерки, тысячи людей снова стояли у репродукторов: болгары, немцы, чехи, поляки, венгры и мы, советские люди, слушали родной голос, спокойный, мудрый, проникновенный.

Единая правда нового мира звучала с победоносной силой, вселяя в сердца человеческие уверенность в неотвратимом счастье грядущего.

Гений коммунизма идет по Земле во плоти своих великих созиданий. Он и в космосе утверждает себя сверкающими орбитами советских космических кораблей.

Варна, 9 августа (по телефону).

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 9 АВГУСТА 1961 ГОДА. Небесным

Прием в Большом Кремлевском дворце. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил майору Г. С. Титову медаль Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина, а также специальный нагрудный знак «Летчик-космонавт СССР».

братьями назвал Н. С. Хрущев славных космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова.

Фото А. Гостева.

Товарищи Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев среди членов семьи Г. С. Титова.

Фото А. Бочинина.

НЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ПРЕДЕЛОВ, ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГ

Событие мирового значения

Д-р Ференц МЮННИХ,
Председатель Революционного Рабоче-Крестьянского правительства Венгерской Народной Республики

Сейчас, когда майор Титов, проделав семнадцать раз блестящий путь Гагарина, благополучно вернулся на нашу Землю, я думаю о том, что эти отважные люди являются сыновьями страны, которая все свои научные и технические достижения использует для защиты мира. Об этом хорошо знают сотни миллионов честных людей не только стран, строящих социализм, но и всего мира, и это еще больше увеличивает авторитет Советского Союза и советского народа, укрепляет доверие и любовь, которые народы питают к самому главному защитнику мира.

Полет майора Титова является решающим доказательством того, с какой огромной научной и технической точностью был подготовлен этот смелый подвиг.

Я желаю дальнейших успехов советской науке и технике, а майору Титову — доброго здоровья.

Я убежден, что это новое событие мирового значения будет способствовать достижению самого заветного желания, самой главной цели каждого честного человека: миру.

Восхищены, поздравляем!

Элвис СМИТ, Тюдор УОТКИНС, Лесли СПРИГГС,
члены парламента Великобритании

Полет майора Титова — замечательный вклад в дело научных исследований, в дело завоевания космоса. Люди, участвовавшие в подготовке этого выдающегося достижения, Советское правительство и советский народ заслужили самых восторженных поздравлений всего прогрессивного человечества.

Для нас было большой радостью встретить сообщение о полете космического корабля «Восток-2» в Москве, вместе с советскими людьми ждать новых известий из космоса и, наконец, улышать о благополучном приземлении космонавта. Мы тут же отправили мистеру Титову телеграмму: «Восхищены, поздравляем с великим подвигом».

Обращаемся с этими же словами ко всем советским людям.

Звездные дни

Профессор Юзеф ГЕЛЛЕР,
директор Института биохимии и биофизики Польской Академии наук

Человечество пережило поистине звездные дни. С волнением ожидали мы после полета Гагарина нового космического эксперимента. И вот он состоялся. Программа научных исследований с блеском выполнена, космонавт здоров и бодр.

Научная мысль устремляется уже к тем временам, когда к далеким звездам уйдут «многонаселенные» корабли. Новые грандиозные перспективы открывают перед мировой наукой достижения советских ученых, инженеров, рабочих — творцов великолепных космических машин.

Радуемся вместе с вами, дорогие советские друзья!

СЧАСТЬЕ ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ МЕЧТЫ

Ганс ШЕРФИГ,
датский писатель

Радио доносит до нас восторг всего человечества.

Мы торжествуем не только потому, что услышали о новом выдающемся рекорде. Нет, здесь важнее другое. Полет майора Титова и все, что обеспечило успех этого полета, подтверждают: нет таких вершин и глубин познания, которые недоступны для человека. Вот почему победа советских людей — победа всего человеческого рода.

Ясно и другое: это победа социализма. Подобные достижения возможны только в социалистических условиях. Лишь в социалистическом обществе уровень развития науки становится таким, что для нее уже нет ничего невозможного. Социализм превращает в реальность самые смелые мечты.

Великие свершения социализма подводят всех мыслящих людей к неизбежному выводу о превосходстве социалистической системы над капиталистической.

Уже не существует вопроса: социализм или капитализм? Вопрос состоит в другом: как долго отсталый капиталистический строй сможет просуществовать?

Мы услышим еще о многих чудесах, рожденных к жизни социализмом. Мы увидим преображенную, прекрасную Землю. Землю, с которой будут уходить к далеким звездам, в непостижимые дали космоса корабли, пилотируемые людьми — нашими современниками.

Нас не удивляют новые и новые вести о подвигах советских людей, об их великих гуманистических победах. Нас это уже не удивляет. Но снова и снова восхищает!

С глубочайшей благодарностью, с радостью и гордостью мы следили за фантастическим полетом. Мы словно заглянули в будущее. И еще раз подумали: нет для тебя пределов, человек социалистического сегодня!

ТРУД КОСМО

Алексей ГОЛИКОВ, Иван СМИРНОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Почему у нас становятся космонавтами только летчики? — спрашиваем мы у врача, сотрудника научного учреждения, где Герман Титов готовился к космическому рейсу.

— Тут дело в специфических требованиях, которые предъявляет к человеку космический полет, — отвечает он. — Смелость, хладнокровие, быстрота реакции, необходимые космонавту, — у летчиков качества профессиональные, проверенные.

Кроме того, приборы и управление космического корабля-спутника имеют общее с приборами и управлением современного сверхзвукового самолета. Естественно, что космонавт должен научиться управлять своим кораблем, а это сделать гораздо легче летчику. Он как бы переходит с одного летательного аппарата на другой.

Американцы, кстати сказать, поднимают в верхние слои атмосферы на ракетах не только летчиков. Шепард, например, военный моряк. Ну, да им навыков в пилотировании и не требуется: ведь это не полет по орбите.

— А в чем заключалась подготовка Германа Титова? — спрашиваем мы.

— Программа большая, — отвечает врач и достает объемистую тетрадку.

На первой странице написано: «Титов Герман Степанович, возраст 26 лет. рост 166 сантиметров, вес 61 килограмм, жизненный объем легких 4 500 куб. см». И о характере космонавта: «Спокойный, рассудительный, очень целеустремленный, умеет хладнокровно оценить обстановку, а приняв решение, выполнять его с железным упорством». И дальше: «Техника пилотирования отличная, летает уверенно...»

— Герман Титов, — рассказывает далее врач, — летал регулярно, совершенствуя навыки управления самолетом. А на другой. специально оборудованной машине его поднимали в воздух, чтобы организм привыкал к ощущению невесомости. Кратковременная невесомость создается при выполнении фигуры параболической горки. В это время будущий космонавт выполнял специальные упражнения по координации движений. В определенной последовательности он попадал карандашом в отверстие специального прибора, в центр небольшого кольца, установленного на доске, и так далее.

Нам дают прочитать отзыв Титова о первом таком полете. «В условиях невесомости испытываю необычайную легкость, упражнения на точность координирования движений выполняю без затруднений. хорошо и без ошибок. Невесомость — приятная штука! Легко дышать. хочется петь. Все предметы плавают...»

— Огромное значение для длительного космического полета имел опыт, полученный Гагариным, — говорит врач. — Было несколько неясных медицинских вопросов, которые препятствовали длительному полету. Врачи опасались, что в условиях невесомости расстроится вестибулярный аппарат человека, от которого зависит равновесие. Предполагалось, что даже легкий поворот головы может вызвать приступы морской болезни, а это для космонавта в герметическом скафандре может оказаться гибельным.

Опасались и другого воздействия невесомости на человеческий организм. При тренировках на самолетах после кратковременной невесомости сопротивляемость человека к перегрузкам падала. А ведь Герману Титову при возвращении с орбиты в земную атмосферу предстоял переход от полной длительной невесомости к очень высоким перегрузкам.

И еще мы, врачи, опасались пагубного влияния на человеческий организм космического излучения, хотя полеты кораблей-спутников совершаются ниже пояса радиации, расположенного вокруг Земли.

Юрий Гагарин, проложив первую космическую трассу, рассеял эти опасения. Стало ясно, что космическое излучение не представляет опасности в длительном полете при условии нормального состояния Солнца. Если же на этом светиле происходят взрывы, то радиация возрастает и представляет уже угрозу. Вот, например, недавно, когда на Солнце были особенно сильные взрывы, полет Германа Титова не мог бы состояться.

Опыт Гагарина помог нам более точно узнать степень перегрузок в космическом полете, их характер и в соответствии с этим внести изменение в методику тренировки космонавтов.

...Врач ведет нас в лаборатории, где установлены различные аппараты и тренажеры, показывает, как на некоторых из них тренируются космонавты.

Побывав в этих лабораториях, понимаешь, почему от космонавта требуется стопроцентное здоровье, сила, выносливость. Герман Титов — отличный гимнаст, разносторонний спортсмен, велосипедист.

— У него не только железные мускулы и выносливость, — говорит врач, — но и атлетическая нервная система, какая должна быть у космонавта. Ведь в полете на него ложится огромная психическая нагрузка: сознание невиданной удаленности от родной планеты и постоянная готовность к встрече с неожиданными опасностями...

Вот, например, тишина, — продолжает врач. — Кажется, какое приятное состояние! Многие жители больших городов мечтают о ней. Но космическая тишина — полная, абсолютная — плохо переносится человеком. Ведь от появления на свет и до смерти мы живем среди звуков. И без них чувствуем себя ненормально.

Космонавт привыкает к одиночеству и тишине в специальном помещении — сурдокамере. Сейчас вы ее увидите.

Через массивные двери мы входим в комнату с толстыми стенами, без окон. Внутри ее помещается другая комната с еще более толстой, тяжелой дверью. Открываем ее — и перед нами опять дверь. Врач пропускает нас вперед. и мы оказываемся в небольшом помещении.

— Это и есть сурдокамера?

— Да. Она подвешена на амортизаторах среди звукоизолирующего материала.

— А почему подвешена?

— Иначе своим весом она спрессует звукоизолирующий слой, свойства его изменятся, и тишина нарушится.

— Можно побыть в этой камере хотя бы полчасика? — просим мы.

— Пожалуйста, только поодиночке.

Странное испытываешь чувство, когда двери закрываются и остаешься наедине с самим собой в сурдокамере, освещенной ровным сиянием ламп дневного света.

О СЕГОДНЯ!

НАВТА

Уже через несколько минут создается впечатление, что ты оглох. Хлопаешь в ладоши — звук получается очень сильный, передвинул стул — тоже громкий шум. А замираешь без движения — и опять ощущение глухоты и какой-то угнетенности. Хочется, чтобы скорее все это кончилось, а время точно остановилось. Хоть и знаешь, что ты на Земле, что за тобой по телевизору наблюдают врачи,— чувствуешь себя одиноким. И испытываешь большое облегчение, когда дверь наконец открывается, и можно выйти снова в привычный, наполненный звуками мир. А ведь в таких условиях Герман Титов находился по многу суток!

Большое внимание оказывалось и теоретической подготовке космонавта. Особенно усердно Титов стал заниматься после беседы с Юрием Гагариным, который рассказал о своем полете.

Космонавт Титов часами просиживал в кабине космического корабля, тренируясь в различных движениях, которые ему предстояло делать в полете. Он добился того, что каждую кнопку, рычаг, переключатель мог безошибочно найти с закрытыми глазами. А незадолго до старта был проигран в макете кабины спутника «Восток-2» весь полет — от взлета до посадки.

Макет стоит в просторной, светлой комнате. Это кабина с тремя иллюминаторами. Возле на столах лежат принадлежности одежды и снаряжения космонавта: носки, ботинки — высокие, замшевые, на толстой подметке, с отверстиями для вентиляции, хлопчатобумажное белье, скафандр, сделанный из эластичной, прочной материи.

Над созданием этих, казалось бы, обыденных, вещей много трудились инженеры и врачи. Им приходилось подниматься в воздух и в состоянии кратковременной невесомости испытывать, удобно ли снимать и надевать ботинки, носки...

Белье исследовалось на прочность, гигиеничность. Ведь космонавтам предстоят длительные рейсы.

Здесь же, возле стола, лежат гантели, динамометр и эспандер.

— А для чего это? — с недоумением спрашиваем мы.

— Космонавт в полете будет заниматься гимнастикой. Ведь если путешествие длительное, это совершенно необходимо, чтобы мышцы не атрофировались.

Отдельно расположено спасательное снаряжение, рассчитанное на возможность аварийного спуска космонавта в различные географические районы земного шара.

— Герман Титов,— рассказывает врач,— проходил серьезную парашютную подготовку. Учился управлять своим телом в свободном падении, выполнять в воздухе различные фигуры и приземляться в сложных условиях. Выполнял прыжки методом катапультирования с реактивного самолета.

Заглядываем в макет кабины «Восток-2». На приборной доске тускло поблескивают стекла многочисленных приборов. Кресло космонавта устроено так, что он на нем полулежит. Близко от кресла — шкафчик с продуктами и резиновый мешок с металлическим соском с водой. Вся кабина обита белым паралоном. Здесь, как и на настоящем корабле, воздух очищается с помощью регенерации.

— В макете кабины,— в заключение говорит нам врач,— Герман Титов провел двадцать четыре часа. Этот «полет» показал его полную готовность к беспримерному космическому рейсу, который он так блестяще выполнил.

На центрифуге.

Упражнения на этом колесе тоже принесут немалую пользу

Непрерывно ведутся сложные исследования.

Кровяное давление отличное.

Перед тренировочным полетом врач инструктирует космонавта.

Фото В. Базанова, В. Жихаренко и А. Сергеева.

Сотворенье жизни

Василий ЖУРАВЛЕВ

Не роман,
не повесть и не драму,
в полдень солнца,
в вечер ли дождя,
ты читаешь партии
Программу,
взгляда от строки не отводя.

Ты читаешь партии
скрижали,
славящие счастье и борьбу.
И уже в магические дали
смотришь,
как в подзорную трубу.

И уже взволнованная
радость
радовать тебя не устает.
И уже с твоей судьбою
рядом
коммунизм
в подробностях встает.
Коммунизм
встает в огранке строгой
на твоем незыблемом пути.
Хоть возьми
рукой его потрогай —
до того он зрим и ощутим.

В знаменитой Ильичевой
кепке
от восхода до восхода
вплоть
он встает
на землях мира крепко,
воплощенный
в солнечную плоть.
И уже ты знаешь, строя
будни,
озирая даль из-под руки:
он таким
в семидесятом будет,
и в восьмидесятом —
вот таким!
И уже под вдохновеньем
лета
строишь ты и созидаешь ты.
И тебя захватывает это
сотворенье жизни из
мечты...
Не роман,
не повесть и не драму,
в полдень солнца,
в вечер ли дождя,
ты читаешь партии
Программу,
сердца от строки не
отводя.

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ СИМФОНИЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И ТРУДА

Атанасе ЖОЖА,
член ЦК Румынской рабочей партии, Президент Академии Наук Румынской Народной Республики

Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза — марксистско-ленинский документ огромного теоретического и практического значения.

С каким восхищением я прочел: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Эти слова полны силы и уверенности, они увенчивают вдохновляющую симфонию героической борьбы и труда во имя человека.

Перечитывая проект Программы, радостно изумляешься исполинскому росту производительных сил Советского Союза, который скоро будет обладать самой современной и самой могучей промышленностью в мире, стараешься представить себе новые общественные отношения и образ самого строителя коммунизма, облагороженного высокой моралью коммунистического строя.

Духовная жизнь советского человека будет исключительно богатой. Поистине невиданные возможности открываются для развития науки и техники, весь советский народ получает неограниченные возможности для раскрытия талантов и творческой инициативы. Как человек науки, я глубоко убежден в том, что в ближайшие годы человечество, которое с волнением и радостью следило за героическими полетами советских космонавтов, с радостью узнает о новых эпохальных достижениях во всех областях науки.

Проект Программы КПСС выражает всю жизненную силу марксизма-ленинизма, который указывает единственно верный путь трудящимся. Непоколебимая верность учению Маркса — Ленина дает славной Коммунистической партии Советского Союза возможность осуществлять построение общества, основанного на принципах Мира, Труда, Свободы, Равенства и Счастья народов.

Знаменательно, что в то время как империалистические круги нагнетают военную истерию и используют средства террора против демократических организаций, Советский Союз и страны социалистического содружества все выше поднимают знамя мира и дружбы между народами, призывают к здравой политике мирного сосуществования государств с различным социальным укладом.

Румынский народ, который под испытанным руководством своей Рабочей партии твердой поступью идет по пути завершения социалистического строительства, видит в построении коммунизма в Советском Союзе — стране, с которой он связан узами прочной братской дружбы,— самую блестящую победу человечества за всю его многовековую историю. Программа строительства коммунизма в Советском Союзе воодушевляет трудящиеся массы всех стран,

Выражаю глубокую признательность Центральному Комитету КПСС, шлю самые сердечные пожелания успеха на пути к великой цели.

КЛЮЧ ОТ САЯНСКОЙ ШКАТУЛКИ

Рост народного хозяйства потребует ускоренного развития всех видов транспорта. Важнейшими задачами в области транспорта являются: расширение транспортно-дорожного строительства и обеспечение полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения во всех видах перевозок...

Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза.

Ю. ГУРЬЕВ

Грядущим дням

Издавна стремились люди освоить богатства Восточных Саян. Но природа наглухо закрыла свою шкатулку.

Только железная дорога оживит край. Экспедиция Александра Кошурникова нашла места, пригодные для трассы.

Нашла... Но дойдет ли к людям их план? Внезапно выпавший снег закрыл все тропы. За сутки они пробивались на каких-нибудь два километра. В конце октября иссякли продукты. С тех пор прошла неделя, целая неделя изнуряющей борьбы с природой.

Потом река. Единственная надежда добраться к людям...

Закостеневшими пальцами Кошурников достает дневник.

«...2 ноября произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу пробиться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и закоченел наполовину в воде.

Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи.

Вероятно, сегодня замерзну...»

Специальные отряды лыжников, самолеты не смогли найти изыскателей. Лишь зимой нашли их вещи, а с ними — драгоценный план трассы.

Александр Кошурников, Константин Стофато, Алексей Журавлев — их именами названы станции и разъезд комсомольской трассы Абакан — Тайшет.

Герои-изыскатели передали дело в надежные руки.

На трассе

— Сначала нужно в Горем-38,— советовали нам многие. — Без Горема не узнаете нашей стройки...

Горем? Записываю в блокнот, в раздел — странное, новое словечко...

...Начальник прославленной на Абакан — Тайшете организации очень молод, в очках, деловит.

— Горем — Головной ремонтно-восстановительный поезд, — поясняет он сразу.— «38» — это номер. Как у воинского подразделения. Но мы люди мирные. Строим пути, мосты, поселки на трассе. Одним словом, головные.

Юрий Чупринко указал на карте

На строительстве железной дороги Тайшет — Абакан. Толя Куртенко, комсорг строительно-монтажного поезда 241, беседует с молодой работницей. Мария Кукушкина недавно приехала на стройку и вступает в комсомол.

Укладка стальных путей.

Фото А. ГОСТЕВА.

места работ: заболоченный Сисим, угрюмый перевал Кроль, чудо чудес Джебь, где внизу глина, повыше гранит, а на перевале — бездонное болото; станции Кошурниково и Курагино.

— Через двадцать минут отойдет краник, — взглянув на часы, сказал Чупринко. — Если хотите, можете попасть на укладку головных путей.

Мотодрезина с полуторатонным краном у надстройки гулко постукивает на стыках. Зовут ее по-разному. «Пионерка» — потому что краник всегда впереди. Или грубовато-ласково: «Агашка» — по техническим литерам «АГМ».

«Пионерка» нам как-то больше по душе. Дрезина проскакивает по мостам, над вкопанными в насыпи трубами. Сбиваемся со счета: их сотни. Понятно теперь, какой размах работ кроется под рубрикой «Искусственные сооружения». Десятки тысяч тонн бетона потребовались для того, чтобы преодолеть затейливые петли рек, осушить плывуны. И это в предгорьях. Что же будет дальше, в Саянах?

Снова под пролетами моста мелькнула речушка.

— Дурная! — заметил бригадир Четырбок. — Заставила она попотеть...

Название метко определяет нрав речушки. С утра она едва покрывает дно, а к вечеру может разлиться бурным потоком. Так случилось тогда, когда трасса прошла далеко вперед: летом началось неожиданное таяние снегов в Саянах, и Дурная взбесилась. Опрокидывая автомашины на бродах, она подступила к самому полотну дороги. До верха оставалось метра полтора. Вода грозила размыть важный участок, который потребовал особенно напряженного труда.

Тогда в борьбу со стихией вступила бригада коммуниста Полежаева. Люди работали по пояс в ледяной воде. А землю, которой наращивали насыпь, тотчас же слизывала река.

Спасти участок помогла взаимовыручка — неписаный закон трассы. Поблизости находились взрывники. В невиданно короткий срок они заложили шпуры и взорвали скалу. Между карьером и насыпью засновали самосвалы. Камень приостановил размыв. Но Дурная вела себя переменчиво: то наступала, грозя перехлестнуть через насыпь, то отступала. Люди тотчас бросались в стремнину, уже накрепко замащивали обнажившийся откос.

Борьба продолжалась трое суток. Опасность была устранена. И только тогда бригада ушла на отдых.

...Меняются виды. Все ближе подступают синие отроги Саян.

Бригада Антона Четырбока за смену укладывает 800 метров рельсовых звеньев при норме 500. К XXII съезду путейцы доведут укладку до километра. Дорога протянется к разъезду Кизир, за 150 километров от Абакана.

Могучая рука крана схватила с платформы и вынесла вперед готовое, уже собранное звено. Громада в 12,5 метра грузно закачалась над насыпью. И вот уже звено лежит на грунте, собрано на болтах. Через пять минут кран подносит новое звено.

Кошурниково — город «неравнодушных»

Саяны. Дорога-серпантин то ухает вниз, в туманные логи, то взмывает к поднебесью.

Трасса теряется из виду. Вот прошнуровала она долину, исчезла и вдруг выскочила сбоку огромной, с многоэтажный дом, насыпью. Или поднялась на гору, змеится скальными «прижимами». А вверху копошатся точечки — скалолазы.

Вокруг все полно этой битвой титанов — природы и человека. Наш шофер, Алексей Асеев, тоже не раз вступал в единоборство с Саянами.

...Представьте себе каток под уклоном в 45 градусов. Это зимний Кроль, самый большой и труднодоступный перевал в Саянах.

Прошлой осенью внезапно подул хиус — свирепый северный ветер. Заледенели гранитные склоны Кроля. Сообщение прервалось, а на перевале остались строители.

Туман помешал вертолетам доставить продукты и теплую одежду. Тогда в рейс отправился Асеев — по скользкому многокилометровому склону с нагруженным пульманом на буксире.

Вырастали и падали в туман кедры, скалистые кряжи. В глазах рябило от напряжения.

Взвывал перегруженный мотор, и медленно-медленно машина ползла по ледяному склону.

Недолго длился рейс-поединок. Но когда, сделав последний рывок, автопоезд застыл у палаток, Асеева пришлось вытаскивать из кабины...

— Кошурниково, — сообщает Алексей.

Впереди, по склонам лесистой долины, белели сотни зданий — город, которого нет на карте.

Станция имени героя-геолога начала строиться в конце 1959 года. Сейчас здесь живет более четырех тысяч строителей. А напротив, на таежном склоне, раскинулся поселок тоннельщиков.

Мы попали в Кошурниково, когда ритм жизни городка изменился — наступил теплый субботний вечер. Приодетые строители стекались к клубу. Отправились туда и мы.

Представились.

— Хорошо, — сказал юноша-распорядитель.— Готовьте вступительный взнос. Сегодня вечер «неравнодушных»...

Организация, созданная молодыми строителями, имеет свой, необычный статут. Членом общества может быть лишь тот, кто сделал вступительный взнос: сделал рационализаторское предложение, написал стихи, придумал игру, вообще создал что-нибудь новое и интересное. Равнодушие — враг общества.

Моим взносом послужил план очерка о строителях трассы; товарищ мой, фотокорреспондент, обещал серию цветных снимков. И вот как полноправные члены общества мы приняты в семью «неравнодушных».

«Взносы» от вступающих принимались тут же, на месте. Молодой бульдозерист Эдуард Зайков сообщил о новом способе корчевки тайги. Комсорг строительно-монтажного поезда 241 рассказал о планах кошурниковских спортсменов. Песни, чертежи, шахматные матчи...

В заключение состоялся концерт — «взнос» участников местной самодеятельности. Программа была составлена самими исполнителями и велась с душевной непринужденностью.

Творцы новой географии

Козинский перевал. Здесь погибла экспедиция Кошурникова. Машина долго карабкается в обход. Вид — как с самолета.

Резкий поворот влево. Теперь ни кустика, ни травинки. Осколки гранита; нависшие глыбы с жилами охры. Только высоко-высоко проглядывает узенькая полоска неба. Здесь поработал аммонит.

У выхода из ущелья рокочут моторы. Экскаваторы грызут склоны. Минута — и кузов заполнен. Машина мчится к пропасти.

Там хлопочут две крошечных фигурки. Подлетел самосвал — укажут, куда сыпать грунт, запишут ездку да еще задорно прикрикнут на водителя.

Это девушки-учетчицы, маленькие хозяйки большого дела. Одна из них, Надя Куртенко, — комсомолка, передовик мехколонны. Она окончила десятилетку, приехала на трассу. Осенью Надя думает учиться в культпросветшколе.

Девушка смущается, когда я спрашиваю о родных. Ее удочерила сотрудница минусинской школы Надежда Степановна Булгаренко. Вырастила и дала образование.

— Ой, не пишите, что я приемная! — протестует Надя, заглянув в мой блокнот. — Моя мама еще роднее родных...

Сирена. Прекратили работу и собрались в тревожную стайку самосвалы. Отползли от карьеров экскаваторы. Из кабин спускаются машинисты.

— Прошу в укрытие, — говорит один из них. — Сейчас будем менять географию...

Глухо вздохнула скальная громада. От взрыва, в дыму и пламени, осел и разрыхлился склон карьера. И снова, лязгая гусеницами, армада машин устремилась на штурм скалы, которая отступила метров на сто...

География меняется каждый день. Трасса прорезает Саяны. Залежи руды, фосфоритов открываются перед строителями. И встают рядом со станциями-поселками палаточные городки геологов.

В этой семилетке по всей 670-километровой магистрали пойдут поезда.

Вера и ее подруги

НА СНИМКАХ:

В звене Веры Кутиловой проходит практику студентка Московской ветеринарной академии Клава Помольцева (слева).

Звено Веры Кутиловой в полном составе.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Наверное, с самолета это похоже на затейливую мозаику. Белые и коричневые точки, их десятки тысяч. Если бы такой орнамент сделал художник, сказали бы, что он очень трудолюбивый.

Но это вовсе не точки. Это утки. А главный «художник» — Вера Кутилова. У нее много помощников.

Славные у Веры помощники! У Ран Тетерюн очень ответственный участок, в ее ведении самые молодые утята. Тут нужен глаз да глаз. Утятам в корм добавляют биомицин. Так они быстрее растут. Нужно позаботиться, чтобы вовремя подвозили этот биомицин из колхозного цеха, что в станице, чтобы утята-малыши не слишком много купались, чтобы завтракали и обедали точно в установленное время.

Клава Помольцева зимой будет защищать диплом в Московской ветеринарной академии. А писать дипломную работу попросилась сюда, в Каневский район, в звено к Вере.

Утки в базке Клавы Помольцевой уже большие. Им нет еще и 70 дней, а весят килограмма по два.

Ох, и беспокойное это хозяйство, птицеферма! Скоро закончится первый тур — почти 68 тысяч уток будет сдано. Поступит следующая партия утят, и опять все начнется сначала.

...Пять часов утра. Из домиков, что стоят тут же у базов, выбегают босоногие хозяйки, хором кричат:

— Томи! Томи!

Белые и коричневые пушистые существа поднимают невероятный восторженный крик и через открытые ворота шествуют на луг пастись.

Пока утки щиплют траву на лугу, расторопные хозяйки орудуют на базах, готовят корм. Потом уток нужно отправить купаться.

Хороши девчонки, утиные хозяйки!

На дорогах во Вселенную

В. ПАРФЕНОВ, кандидат технических наук

«Докладываю с борта советского космического корабля «Восток-2» ЦК КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву...»

Эти исторические слова мужественного сына нашей Родины коммуниста Германа Степановича Титова с волнением ловил весь мир. Свыше суток провел он на космическом корабле. За это время корабль проделал путь, равный примерно двойному расстоянию от Земли до Луны.

Своим полетом замечательный советский человек Герман Степанович Титов доказал, что космонавт не теряет работоспособности и при действии весьма длительной невесомости. Это очень важный научный вывод. Возможность полета к другим планетам стала еще более реальной.

Что же ждет человека на дорогах во Вселенную?

За пределами пятого океана

Совсем недавно многие из нас считали, что на дорогах к Луне и другим планетам абсолютная пустота. Следы атмосферы, казалось, исчезают уже на высоте нескольких тысяч километров.

Теперь мы знаем, что выше пятого — атмосферного — океана есть еще один своеобразный океан — слой космической пыли. Этот шестой океан заполнен микрометеоритами — осколками разрушенных планет. Он простирается на высотах от 160 до нескольких тысяч километров. Космическая пыль прилетает к Земле из глубин Вселенной и, захваченная земным притяжением, переходит на эллиптические орбиты, опоясывающие земной шар.

Спутники Земли, посланные человеком на разведку шестого океана, благополучно плавали в нем многие месяцы. Значит, этот океан не таит в себе страшных сюрпризов, которых раньше боялись. И это очень важный вывод, полученный наукой в первые годы эры космоса.

Дальше пояса микрометеоритов, на расстоянии более 20 тысяч километров от поверхности нашей планеты, есть еще один слой, окутывающий земной шар,— «геокорона». Она состоит из ядер водорода. Это, конечно, очень разреженное пространство: в каждом кубическом сантиметре геокороны содержится всего несколько сотен ядер водорода. Многослойные стенки корабля надежно защитят человека от ударов маленьких, но быстрых частиц вещества.

Но и выше этого сверхпрозрачного водородного покрывала тоже нет абсолютной пустоты. В мае этого года польский астроном доктор К. Кордылевский обнародовал взволновавшие ученых результаты своих десятилетних наблюдений. Работая в высокогорной обсерватории, астроном обнаружил «облака» межпланетной материи, движущиеся вокруг нашей планеты подобно Луне. Орбиты их удалены от Земли на расстояние около 400 тысяч километров.

«Твердые» космические облака, как и Луна, отражают солнечный свет. Поэтому в благоприятное время года и суток их можно наблюдать с высоких гор даже невооруженным глазом. Польский астроном убежден, что в космосе есть «облака», состоящие из звездной пыли, а может быть, и более крупных железно-каменных глыб. Исследовать их — очередная задача науки о космосе.

Вообще некоторые ученые считают, что во Вселенной не может быть вакуума, так как даже кажущаяся пустота поддается познанию и измерению. В космосе, говорит венгерский ученый Э. Мадьяри, должна быть какая-то эфироподобная материя, состоящая из сверхмалых частиц. Мадьяри называет их «потентонами». Потентоны обладают огромной энергией и пронизывают пространство во всех направлениях.

Если бы эта гипотеза подтвердилась, то можно было бы объяснить многие физические явления, наблюдаемые во Вселенной. Станет понятной, в частности, природа сил тяготения. В самом деле, если в пространстве представить изолированно только одно небесное тело, то оно, очевидно, должно оставаться на месте, так как потентоны ударяются об него со всех направлений с одинаковой силой. Но если поблизости окажется другая планета, то на стороны этих двух тел, обращенных друг к другу, будут действовать ослабленные частицы. Значит, под действием давления потентонов тела должны сближаться. Так образуется сила взаимного притяжения тел.

Куда текут магнитные реки

В космическом пространстве — там, где вокруг Солнца бесшумно плавают планеты,— простираются невидимые, но мощные магнитные поля. Их создает бушующее Солнце. Его магнитные силовые линии образуют гигантские дуги, выходящие за пределы земной орбиты. Видимо, не только у Земли есть магнитные полюса, но и у Солнца.

«Магнитные реки», образуемые дневным светилом, занимают огромные пространства. Вдоль этих рек с большой скоростью мчатся по спиралям заряженные частицы. В момент очередного взрыва на Солнце в космос выбрасываются все новые массы солнечного вещества — смертельных для всего живого частиц. Это, по сути дела, оголенные ядра атомов, а также электроны. Смесь их называется плазмой. «Магнитные реки» как бы «разливаются», переполняются плазмой, выходят из берегов.

Но если космонавт будет иметь карту магнитных полей, простирающихся в межпланетном пространстве, то он сможет избежать попадания в наиболее опасные русла «магнитных рек», наполненных плазмой. Тогда и внезапные взрывы с выбросом все пронизывающих частиц будут не страшны для обитаемого космического корабля. Видимо, будущим космическим путешественникам пригодится не только такая карта, но и магнитный компас. Но этот древнейший прибор штурмана нужен будет не для навигации корабля, а для распознавания «магнитных рек» в космосе.

Магнитные поля Земли и Солнца способны как бы собирать и сгущать электрически заряженные частицы. И там, где силовые линии сближаются, образуются гигантские пояса, в которых плазма имеет довольно большую плотность.

Два подобных пояса окружают и нашу планету. Один отстоит на расстоянии около 3 500 километров от поверхности Земли, другой — выше 15 тысяч километров. К счастью, эти пояса не плотно окружают планету. Есть огромные «окна» вблизи полюсов, где пространство не пронизывается магнитными силовыми линиями. В эти «окна», возможно, и будут вылетать в космос и возвращаться на Землю межпланетные путешественники.

Мы знаем теперь и то, что в околосолнечном пространстве дуют огненные «ветры», несущие в себе потоки частиц солнечной короны. Ветры омывают огромные пространства космоса. Куда они дуют, можно определить по направлению хвоста комет. Это как бы гигантские космические флюгеры. Приближаясь к Солнцу, кометы всегда отбрасывают свой хвост в обратную от светила сторону. Значит, космические ветры дуют от Солнца.

Загадочный метеорит

Возможна ли жизнь в космосе? Специалисты наук по Вселенной ждут ответа на вопрос о распространенности форм жизни не только на планетах, но и в самом космическом пространстве. Пожалуй, это одна из самых интересных задач. Ведь нашли же ученые следы органической жизни в упавшем на Землю метеорите!

Это случилось так. Микробиолог Фредерик Сислер, исследуя упавший на землю метеорит, поместил его осколок в питательную среду. Через некоторое время в порах небесного камня начали развиваться бактерии, совершенно не похожие на известные почвенные организмы. Откуда они? Не из космоса ли? Если будет доказано, что этот растущий органический материал действительно попал на Землю с метеоритом, наука получит новое свидетельство о том, что возможен перенос жизни с одного места Вселенной в другое.

Наука твердо уверена, что жизнь живых существ распространена повсюду, где есть условия для ее зарождения и существования. Притом вовсе не обязательны земные ее формы. Земные организмы содержат в своем составе углерод. Но разве нельзя представить, что в иных условиях роль углерода может выполнять другой элемент, например, кремний? Развитие живых существ, связанное с эволюцией материи, никогда не останавливается. Будущие исследователи несомненно найдут в просторах космоса неизведанные формы жизни.

* * *

Пути к планетам таят в себе много загадочного и неизвестного. И человек, прежде чем отправиться в это смелое путешествие, хорошо исследует межпланетные трассы с помощью умных и беспристрастных автоматов. Вот почему ученые на Земле продолжают с большим упорством изучать космос. Они совершенствуют и без того мощные телескопы, приближающие к нам небесные тела в тысячи раз, шарят по небосводу электромагнитными лучами, слушают ушами радиотелескопов голоса звезд. Для этого создаются и чудесные звездолеты.

Вначале «магнитные реки» в космосе переплывут безэкипажные корабли. Они разведают плотность межпланетных облаков, определят силу солнечных ветров. И обо всем расскажут ученым. Эта важная научная информация поможет создать еще более удивительные обитаемые корабли, чем «Восток-2». Они надежно сохранят работоспособность и жизнь космонавтов на всех этапах межпланетного перелета.

Когда настанет этот день? Назвать трудно. Но завтрашний путешественник на Луну или Марс, наверное, вместе с нами ходит по земным дорогам, любуется вечерними красками неба, вдыхает ароматы цветущих трав. А сердцем своим он уже на великих дорогах, ведущих во Вселенную.

...И нету других забот

Николай БЫКОВ

Петр Михайлович Студенников (второй справа) в опытно-показательном хозяйстве «Глушицкое». Видно, есть над чем задуматься молодому директору Борису Шаповалову...

Фото М. Савина.

Чего не услышишь в заезжем доме райцентра! Рассказывали мне и такое. Некий секретарь райкома, человек в районе новый, вскоре после конференции поехал по своим «владениям». Уже вечером, прощаясь с председателем дальнего колхоза, он как бы между прочим попросил выписать для него десяток-полтора яиц. «Мы ведь в районе с базара живем, а там нашего брата, потребителя, не жалеют»,— жаловался шутливым тоном секретарь. Что ж, дело обычное. Председатель крикнул в сторону фанерной перегородки, уклеенной обязательствами: «Фомич! Выпиши товарищу два десятка яиц по... ну, хоть по восемнадцати».

Секретарь, услыхав назначенную цену, крутнул головой: «Я надеялся, что ты мне по себестоимости... Мне-то, считаю, можно бы...» Председатель спорить не стал. С непонятной сухостью он бросил в сторону все той же перегородки: «Фомич! Им по себестоимости!» Вскоре вошел бухгалтер с нарядом в руках. Переживший несколько неловких минут секретарь успокоился было, взял бумажку и... не поверил глазам своим. В графе «Итого» значились аккуратные цифры: «20 (двадцать) шт.— 52 руб. 16 коп».

Яиц секретарь не купил, видно, не захотел тогда же расплатиться за свои весьма приблизительные познания в области конкретной экономики сельского хозяйства. А зря. Право же, с него брали не так дорого!

Читатель, знаю, ждет ставшую неизбежной в очерках такого рода фразу: «Теперь иное...» Да, трижды да!

...Не помню уж, утром какого — четвертого или пятого — дня моего пребывания в Большой Черниговке, центре самого дальнего в Куйбышевской области района, что граничит с Оренбуржьем и Западным Казахстаном, Петр Михайлович Студенников, первый секретарь райкома, усталый, донельзя пропеченный солнцем, предложил мне:

— Ну в конце концов ты тоже на работе, и тебе надо потолковать со мной. Куда бы это нам схорониться? Здесь, в райкоме, слова сказать не дадут. В степи тем более... Давай-ка где-нибудь между райкомом и степью!..

Пропылив несколько километров, наша «Волга» остановилась «между райкомом и степью»: пруд, высоченные ветлы, унизанные грачиными гнездами, яблони давно позабытого людьми сада. Мы забрались в глухую, неожиданную в здешних местах сирень и разом окунулись в прохладу трав. Долго молчали, слушая позывные жаворонка и гудение пчел. «Носить им не переносить в ульи свой чудесный груз!», «Цвести цветам редких степных луговин!», «Зреть урожаю, множиться дойным гуртам!..» — такие заклинания роились в голове от того, что я видел в те дни и успел тогда же понять, как нелегко хлеборобам Заволжья вынянчить даже малый колос. Всегда было нелегко, а нынче особенно: масштабы здешних многоотраслевых хозяйств не сравнить с допотопным клином зерновых. Вот все говорят о прошлом: амбары, мол, ломились от пшенички, аж в Италию, макаронных дел мастерам, шла она баржами по Волге, потом за три моря. Шла. Тринадцать процентов хлебного экспорта давала Самарская губерния. Да разве сравниться прошлому с настоящим, а еще пуще с будущим?! Куда амбарам угнаться за элеваторами — емкость не та!

Я не случайно начал с были, услышанной в заезжем доме. Нынче таких секретарей нет, остались байки с привкусом полыни. Сама жизнь повывела их — смыло все преобразующим паводком после известных пленумов ЦК КПСС.

— Было! Ох, было! — закашлялся в смехе Студенников, когда я пересказал ему доподлинную историю, ставшую изустной притчей о типичном секретаре, нетипичном председателе и двух десятках золотых яичек...

— Было... Сейчас припомнишь, чем тогда занимался наш райком,— и сам себе не веришь. Я не охаиваю прошлое, просто сравниваю его с нашим настоящим. Бывало, вся работа сводилась к тому, чтобы подготовить пленум райкома. Провели — и наступал отдых до следующего пленума... Важно было выдержать спущенные сверху сроки — сроки отчетности, сроки мероприятий, сева, уборки... Что сеялось вчера, что сеять завтра, сколько и как — это райком не интересовало. «Давай!» — слово, которое колхозники чаще всего слышали от районных руководителей. И они давали. Все, что могли. А не давали и того больше...

Петр Михайлович замер: прямо на нас из сирени выскочил заяц. Присел, прислушался к голосам, пожевал в раздумье травинку и направился, любопытный, к машине.

Будни секретаря, какие они?

...«Волга» остановилась на меженике. Утренняя тишина. В это понятие входят и шум с далекого трактора, и кряхтенье лягушек на озере, и крики чирков. Николай Афанасьевич, райкомовский шофер, зная наперед, как сложится день, сразу голову набок, глаза закрыл, чтобы доспать вчерашнее, позавчерашнее и поза... позадавнее.

Петр Михайлович зашагал полем. Еще не били московские куранты — из машины, будто хрустальные зерна, скатывались на пробуждающуюся пашню позывные Родины. Секретарь всматривается в борозды. И поле неслышно рассказывает ему о себе.

К полю от озерка спешит паренек.

— Здравствуйте, Петр Михайлович!

— Здорово! Кукуруза твоя? Почему же поперек не перепахали?

— Да он, тракторист-то, не слухает нас...

— Так уж и не слухает? А ты заставь! Ты хозяин поля. Какой сорт?

— Ве и Ре,— расплылся в улыбке парень.

— Не Ве и Ре, а ВИР! А то как первогодок: ме-а, ме-а, ма-ма... Звеньевого твоего я сейчас добуду. Но и ты не спи. Хорошую вырастишь — перейдешь как бы в следующий класс. Это, брат, экзамен. Читал, как Никита Сергеевич на январском Пленуме выступал? И тебе и мне адресовано. Тут не просто кукуруза, а деньги колхозу, молоко рабочему классу, мотоцикл в дом.

— Я уж не подведу, Петр Михайлович! Мотоцикл мы с братаном купили, а молоко в город будет, я не подведу!

О многом могут рассказать поля любящему их человеку. Одно докладывает секретарю: тут сеял Панарин, снайпер квадратов; другое жалуется: тут больше овсюга, чем пшеницы...

— А тут наверняка сеял Егор... Бывало «Волгу» заметит — и марш с агрегатом за горизонт. Лиса! Пока мы объедем поле и на тот конец загонки доберемся, он уж на этом,— сокрушается секретарь.— Вон и на пшенице одни «балалайки» да «гитары».

С дороги видно, что вдоль межника поразбросан целый струнный оркестр из огрехов.

— Его почерк! — окончательно убеждается секретарь.— Человек при машине, от такого качества не жди. Наследие прошлого, вот и наследил нам. Сейчас полдела зависит от кадров. Другие люди нужны, иной квалификации, иной культуры...

Сегодня две цифры характеризуют хозяйство и хозяев: количество продукции, полученной на стогектарку угодий, и ее себестоимость. За ними, как пилот за высотомером, и следит секретарь.

— До недавнего времени,— рассуждает вслух Петр Михайлович,— все сводилось к уговорам, словесной пропаганде. Тот же коммунизм мы пропагандировали без всякой связи с урожайностью

в бригаде, в колхозе, без всякой связи с весом трудодня, с затратами на центнер молока, на десяток яиц... Например, оренбуржцы, соседи наши, доказали, что глубокая, выровненная с осени зябь дает верный урожай. Оно так и есть. И вот наш райком поставил осенью перед собой задачу — готовить почву в районе по-новому. Агротехника? Да! Но не только. И политика: учеба людей, борьба за культуру земледелия, а в конце концов за изобилие, без которого и коммунизма нет.

Запомнилась ключевая фраза Студенникова: «Само дело надо тоньше вести, грамотнее. Криком не возьмешь. Для этого и самому много надо знать. Ведь кричали, «стружку» на бюро снимали, потому что силенка-то была в руках одна — административная. Сказать откровенно, учиться самому до двадцатого съезда было не обязательно».

Петр Михайлович — заочник сельскохозяйственного института. Пока на третьем курсе. Трудно, очень. Но без специальных знаний ему теперь никак нельзя.

За день—я подглядел—в руках секретаря не раз побывают и вырванный с корнем сорняк, и горсть рассыпчатой, пряно пахнущей земли, и руль трактора, и гаечный ключ, и напильник («Какой ты, хрен, кукурузовод, если напильника не имеешь!»)... Проезжая мимо родничка или запруды, шофер обязательно притормозит: знает — секретарь вымоет руки, чтобы не возить чернозем под ногтями. И все же на следующем поле Петр Михайлович снова вышагивает за сеялкой, если это весна, или за комбайном, если это пора жатвы.

Кто он? Агроном? Да. Механик? Да. Среди строителей — строитель. А если на ферме, то это зоотехник, пусть недипломированный, зато опытный, быстро схватывающий новинки практик. Хорошо ли это? Сегодня — да! А завтра — и в это Петр Михайлович сам твердо верит, без веры в это дня не живет,— завтра каждый встанет на свое место, как хорошо пригнанная деталь в отлаженном механизме...

Студенников уже четыре года первым секретарем в Большой Черниговке. Четыре межсъездовских... Не когда-нибудь, а именно в эти годы сюда пришел промышленный ток, среди азиатских землянок поднялись новые дома, залегли в канавах трубы водопровода, начали строиться совхозные отделения, появилась новая техника на полях и фермах. Были приведены в действие огромные ресурсы. Сеяли в районе сорок тысяч гектаров, а сейчас сто пятьдесят тысяч, сдавали восемнадцать тысяч центнеров молока, сдают более ста тысяч... Резко изменилась структура посевов. Под пшеницей теперь не двадцать, а почти девяносто тысяч гектаров, под кукурузой — более двадцати тысяч. Такого район не знал. Завезена высокопродуктивная порода скота — «казахская белоголовая», разводятся утки, чего сроду здесь не было, в искусственные водоемы пущена рыба.

Можно сказать, что завоз скота — это дело такого-то энергичного товарища, а новое строительство — другого энергичного товарища, а лесополосы, зеленеющие в распластавшейся под яростным солнцем степи,— третьего... Ошибки не будет. Известна истина: за каждым добрым свершением стоит конкретный, живой человек. Но за теми же, славно сработанными делами, за теми же непоседливыми, деятельными людьми стоит районный комитет партии. В одном случае новое нуждалось в его благословении, в другом — действовало прямое указание, в третьем — всходы дал разговор по душам.

В районе возродили обычай собирать сельские сходы. На миру легче распутать запутанное, найти и проучить виноватого, заронить в души людей зерно новшества. В райкоме хранится магнитофонная запись одного такого схода, проведенного весной в Глушицком совхозе. Народ клеймил тунеядцев. Слушаешь прибой гневных голосов и видишь, как лежебока, «базарник» не находит места под жесткими взглядами степняков.

Секретарь райкома уважает сельские сходы, бывает на них. Вместе с народом, в самом буквальном смысле этого слова, он обсуждает вопросы, которым тесны стены обычных производственных совещаний.

— Темы коммунистического труда и быта, сельского строительства, нашего завтра мы выносим в гущу народа,— рассказывает Петр Михайлович.— Интереснейшая форма политической работы с массами! Звучит пресно, но как это остро, как красиво, могуче и даже ново звучит там, на сходе, на сельской площади, когда рокот одобрения или гнева прокатывается волной из края в край!..

Новая форма работы с людьми... И за ней его неизменно короткие ночи, его умные глаза и его сердце.

Сердце коммуниста...

Петр Михайлович родился в двадцать четвертом. Он из того поколения комсомолят, что подросло как раз к схватке с фашизмом, которое мужало в огне сорок первого. Я с детства запомнил старшеклассников, бритоголовых, наспех, неуклюже целующих матерей перед страшной разлукой. Их, семнадцатилетних, увозили розвальни в грязь той жуткой осени, в снега той жуткой зимы... Что там, дальше, за багровым горизонтом запада? Ни я, ни мои сверстники не могли себе представить...

О войне Петр Михайлович не обмолвился ни словом.

Но я-то знал: у него есть фронтовые медали. И послевоенные ордена. У него есть опыт и завидная энергия. И у него нет успокоенности, нет ощущения финиша. О, до финиша, до полного подъема экономики вверенного ему района еще не близко. Всегда в атаке, бывший комвзвода...

— Знаешь, о чем я мечтаю? — вдруг спросил меня Петр Михайлович, зарывшись головой в остро пахнущий чебрец.

«О чем же он мечтает?» — переспросил я сам себя и сам себе заранее ответил: «Конечно, об отдыхе». Человек не ест, не спит толком. Он, должно быть, устал ждать дождя («Вот прольет хороший — тогда все»); устал подгонять с ремонтом жаток («Вот уберем — тогда окончательно все»). В канун июня ночи коротки, а он начинал заседание бюро с того, что весело или озабоченно сообщал, каким был вчера заход, а сегодня восход,— нет, такой человек не может не мечтать об отдыхе!

— Дать бы всем районом шесть миллионов пудов хлеба. А?! К съезду! Мечтаю! И тогда бы все... Шесть миллионов! Знаешь, как землю разделали с осени? Как никогда раньше! Посеяли половину перекрестным способом. Спроси — когда? В апреле. Ох, и рисковали!.. Рисковали, но не обманулись. Сорняку вот тоже войну объявили, да такую, что... Правда, опять он, окаянный, дурмя прет, но этот уже слабак, не тот, что года три назад в полях владычил. В общем, думаю я, что шесть вполне даже реально...

Секретарь райкома улыбнулся своим мыслям, а мне показалось, что он улыбнулся будущему, которое уже пришло в его родную степь...

— Сегодня еду утром, остановился возле лесополосы. Там у нас несколько рядов березок — в степи это редкость, так я взглянуть на них зашел... Да, и вот смотрю — зайцы у березок играют. Танцуют будто! Чепуха, а настроение подняли!..

Петр Михайлович говорит «еду утром», а ведь утром, в половине девятого, я уже был у него в кабинете. Оговорился? Когда же начинается утро секретаря райкома?.. С вечера водитель Николай Афанасьевич молча отдает секретарю ключ от «Волги» (да не попадутся эти строки на глаза куйбышевских инспекторов ГАИ). А чуть свет голубая «Волга» уже летит по мягкой полевой дороге. Все примечает секретарь: окраску зорь, вид полей, уровень воды в Кочевной.

Ровно в девять утра Петр Михайлович проходит в свой кабинет. Вместе с ним врываются сюда полынный ветерок, запахи земли и машинного масла. Начинается второе утро долгого райкомовского дня. Николай Афанасьевич приходит за ключом от «Волги», помощник несет на подпись бумаги, заходят все, кто не в колхозе, не в совхозе, не в дороге.

Работники райкома в большинстве люди молодые, вчерашняя комсомолия. Молоды не только инструктора. Николаю Ивановичу Агафонову, второму секретарю, тридцать два, чуть старше секретарь по пропаганде.

Когда накапливаются вопросы, которых не решить единолично или на ходу, в рабочем порядке, тогда собираются вместе. Повестка дня бюро райкома корнями уходит в землю. Приспело срочно строить районную станцию искусственного осеменения. Реорганизация заготовительных органов требует создания Совета при постоянном инспекторе по закупкам. Упраздняется РТС. Создано районное отделение объединения сельхозтехники — совершенно новая организация. Надо утвердить управляющего. Кого? Своего найти или со стороны брать?.. Вопросы решаются без спешки, но и без лишних слов; хоть и не без споров, но в конце концов при общем согласии.

...Все короче тени, вот уже и кусты не спасают нас от солнца. Вокруг зелено, ярко. Но той, утренней свежести уже нет. Дурманяще пахнет донник, его аромат причудливо смешан с запахом полыни, принесенным ветром из степи, и воздух оттого кажется густым.

— Наш стиль? — переспросил Петр Михайлович, разминая в пальцах листочки «богородской травы».— Знание людей, общение с ними, людьми труда... Оттого и сельские сходы затеяли, стараемся каждому в душу влезть... Не хватает иному культуры. Руки золотые, а культуры, чистоты во всем, хоть и дома, в разговоре с женой, еще нет у мужиков. Вот и мечтаю я, чтоб дали они шесть миллионов пудов хлеба и чтобы сами шагнули с таким караваем через десяток лет вперед! Уж больно затянулся у нас этот процесс всестороннего обновления человека...

Петр Михайлович замолчал, он сейчас мысленно весь в будущем вместе со своими родными степняками («Ох, и скучаю же я по людям, когда в отпуске...»). И то, что секретарю райкома есть кем гордиться,— заслуга его самого. А гордится он многими.

— Был тракторист Сашка Морозов, теперь бригадир Александр Васильевич. Когда-то к нам на курсы в МТС пришел Володя Аляпов. Тоже бригадирствует. Владимир Бабич, Анатолий Крятов, Иван Сафонов... Золотая молодежь! — перебирает в уме дорогих его сердцу механизаторов секретарь райкома.— А из гвардии — Иван Алексеевич Барзунов, Петр Михайлович Нещадин. Эти смолоду прикипели к технике. Как многому они меня научили!

В тиши залитой солнцем поляны звучат, как на воинской поверке, все новые и новые имена: Валентин Орлов — молодой предколхоза, заочник техникума, Николай Попов — тоже молод, тоже предколхоза, Павел Решетов — недавний работник райкома партии, только что заступил на пост директора совхоза и Борис Шаповалов, то есть Борис Петрович,— директор только что созданного опытно-показательного хозяйства «Глушицкое». Секретарь райкома просто упомянул его имя в ряду других, но я сам был накануне у Шаповалова.

...Директор проводил оперативное совещание. Проводил его красиво — иначе не скажешь! В число кукурузоводов попали люди, недостойные быть в свите «королевы полей». И вот идет «чистка». За столом директора — человек, который родился в год, когда шолоховский Давыдов уже поднимал колхозную целину. Сухое, явно похудевшее лицо, мальчишеская челка сбита чуть набок, синяя тенниска расстегнута, губы поджаты, голос жесткий.

Борис Петрович читает списки, после каждой фамилии делает паузу, бросает взгляд на бригадира. Во взгляде: «Быть или не быть?»

— Черников и Архипов... Обеспечат урожай?

— Доверим!

— Нерубленков один?

— Ему Мокина добавить,— советует бригадир.

— Действуйте!..

Кто-то из бригадиров просит:

— Якушев у меня, он и не тракторист и никто. Дайте мне человека!

Директор дает человека: «никто» кукурузу не вырастит, а хозяйство опытно-показательное!..

Там, в «Глушицком», я понял, что стиль Студенникова давно вышел за околицу районного центра, проник в самые отдаленные хозяйства, как проникает солнечный луч в зеленую гущу хорошего леса. Встречались разные по должности, темпераменту и возрасту люди, но на каждом печать — след завидного характера секретаря райкома. Я и не думаю умалять силу характера своеобычного тридцатилетнего Бориса Шапо-

валова, выпускника Саратовского института механизации сельского хозяйства. И все-таки есть в нем что-то от Студенникова!

...Петр Михайлович взглянул украдкой на часы, и я понял, что не имею больше никакого права его задерживать. Его звали степь, люди, завтрашний день!..

...Мы возвращались в Большую Черниговку поздно. По темным, еще не остывшим полям тут и там ползали огоньки. Вся степь в огоньках. Закатное кострище давно уже подернулось пеплом. И это особо радостный итог прожитого дня. Дождя, дождя просили в ту пору всходы, земля, душа хлебороба. Дождя ждал с нетерпением секретарь райкома. Где-то сверкнула молния, едва слышно громыхнуло. Так и есть, саратовцев поливает, а сюда ни капли.

— Ветер с гнилого угла,— тихо проговорил Петр Михайлович. В голосе его слышалась слабая надежда.— Этот ветер должен принести дождь и нам...

Все ближе золотая подкова молний — одна, две сразу, еще, еще! И вот уже ни звездочки не видать. И оттого еще ярче горят звезды земные.

Петр Михайлович тихо вошел в дом, зажег свет на кухне. Поднялась Валентина Николаевна, стала собирать ужин. Ребята спали. Петр Михайлович подошел неслышно к своему меньшаку Женьке. Коснулся белых кудрей.

Женька открыл глаза, проговорил, будто во сне:

— Папка, а ты молнию заприметил? Я заприметил... Я все дождика ждал на крыльце. Тебе ведь нужен дождик?

— Нужен, нужен... И мне и тебе. Все, все ждут нынче дождика. И трава в долах, и вода в речках, и хлеб в полях...

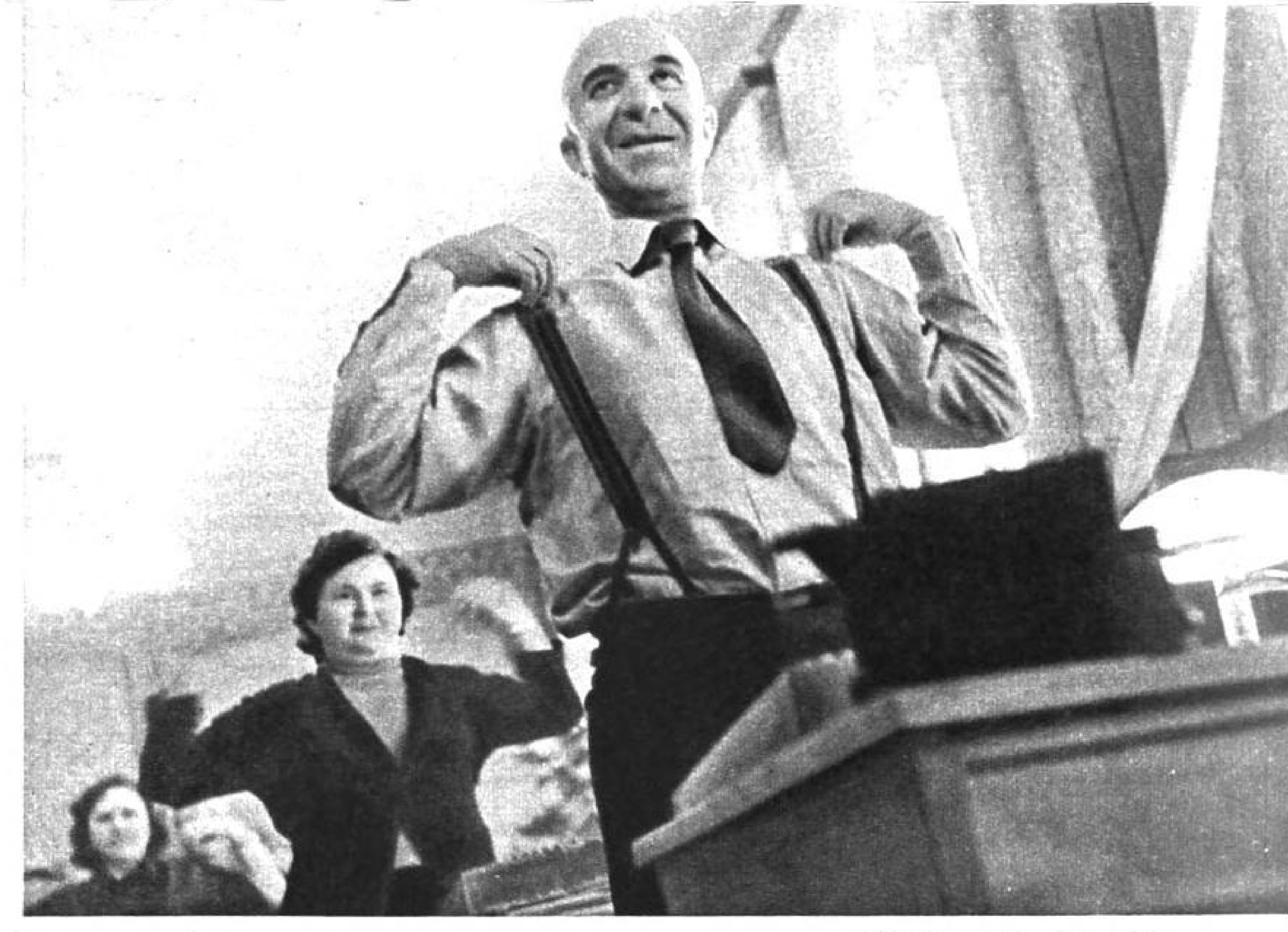
— Будет дождик—будет хлеб,— рассуждал спросонок Женька.

Завтра рано-раненько Александр Сергеевич, первый секретарь обкома, позвонит. Уж он такой! Обязательно о дожде справится. Что ж это получается? Все заботы дня, многих-многих дней свелись к одному ожиданию дождя? Да, это не город, не промышленность... И все-таки Женькина формула отживает. Не дождь дает большой хлеб — люди, и они главная забота секретаря. Людям бы хорошо жилось! Ради этого поднимался с пистолетом в руках взводный Студенников. Ради этого посадил лес в степи комсомольский вожак Студенников. Ради этого идет в будущее через жаркую хлебную степь секретарь райкома партии Студенников. Хлеб людям, дома людям, довольство людям, мир людям — других забот нет!

Петр Михайлович уже заснул, когда по крыше несмело, будто боясь потревожить его, застучал крупный дождь...

* * *

...Июнь так и не побаловал степняков куйбышевского Заволжья дождями. И все же хлеба выстояли. Сейчас сотни жаток валят пшеницу, на тока хлынуло зерно. Ждет своей очереди и небывалая по здешним местам кукуруза. Скоро степняки отмолотятся, но совсем не убавилось забот у Петра Михайловича. Такая уж его доля, да и сам он такой...

В центральной бухгалтерии завода гимнастику делают ровно в одиннадцать часов, под радио. Отложены перья, отставлены арифмометры и счетные машины... Заместитель главного бухгалтера Сергей Александрович Постоев вместе со своими коллегами делает глубокий вдох, а потом... — Раз-два! Раз-два!

Бодрости заряд

А. УЗЛЯН,
О. МИХАЙЛОВ

Если вам приходилось совершать утомительные поездки в междугородных автобусах и в дальних поездах или многочасовые перелеты на воздушных лайнерах, вы наверняка не раз испытывали в пути острое желание, как говорится, размять кости.

А что же тогда сказать о людях, которым по роду профессии во время работы необходимо весь день проводить за столом? Низко склонившись — над чертежом ли, над прибором или финансовым отчетом,— человек сидит часами, увлекшись делом и не замечая, что сильно сутулится.

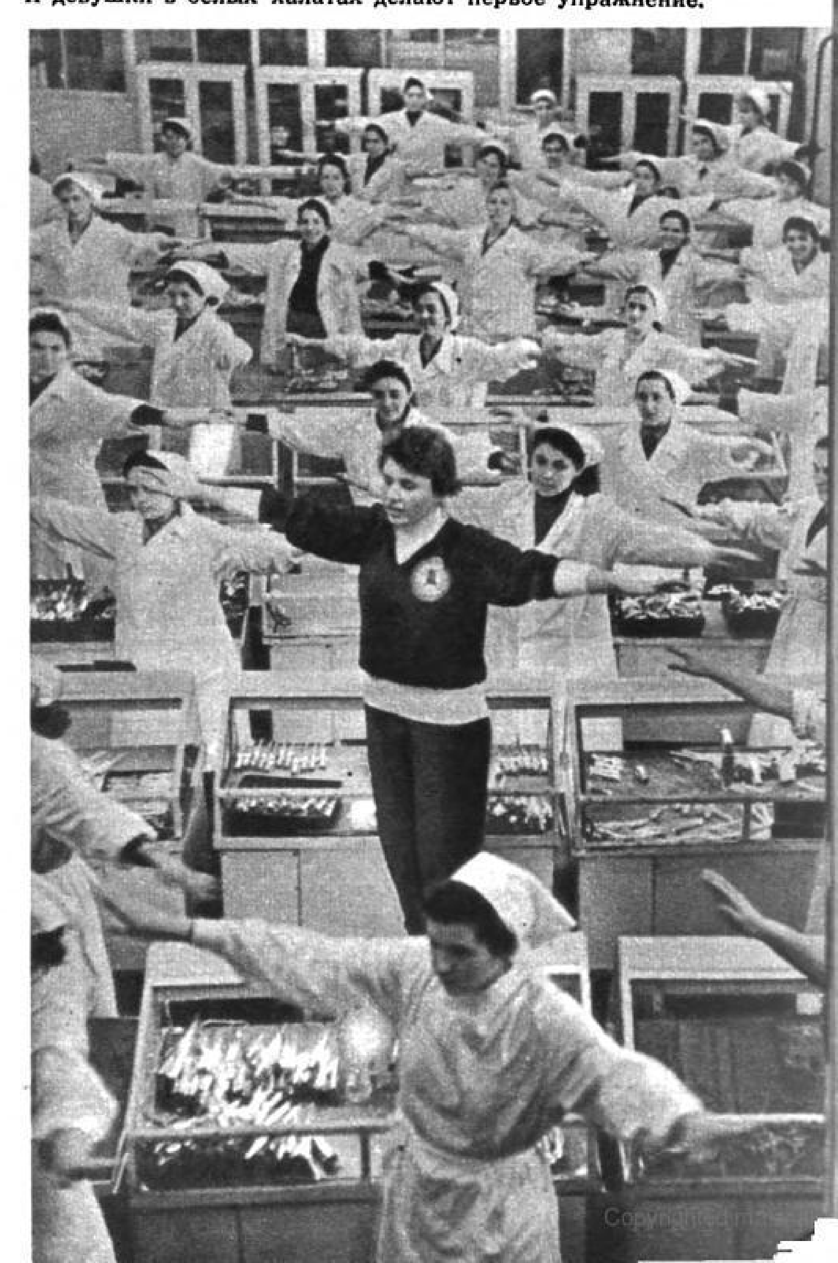
Прямо скажем, от такого «беспересадочного» сидения не прибавится румянца на щеках и бодрости тоже не прибудет. А есть ли выход? Есть!

Несколько лет назад в жизнь предприятий и учреждений широко начало входить понятие «производственная гимнастика».

Сразу оценили во Львове, что скрывается за этим громоздко звучащим термином, и скоро уже на десятках львовских фабрик, заводов, учреждений гимнастика сделалась такой же неотъемлемой частью распорядка рабочего дня, как, скажем, обеденный перерыв.

...Большое предприятие Львова — электроламповый завод. Может быть, это не самое образцовое в смысле гимнастическом предприятие города — есть, вероятно, и получше. Электроламповый в этом отношении где-то в середине. Здесь из всего многотысячного заводского коллектива гимнастику во время работы делают полторы тысячи человек.

Общественный инструктор Люся Бочарова — она монтажница, работница цеха — дает команду: «Начали!..» И девушки в белых халатах делают первое упражнение.

ДОБРОВОЛЬЦЫ СЕРДЕЧНОГО ДОЛГА

С Федором Никаноровичем я познакомился случайно: мы оказались соседями по даче. Он уже в том возрасте, когда вплотную думают о пенсии. Эти заботы настолько захватили его, что даже омрачали отдых. Да, именно омрачали. Дело в том, что Федор Никанорович подсчитал: когда ему исполнится шестьдесят, то до положенного трудового стажа у него недостанет четырех месяцев — по документам. А фактически у него есть эти четыре месяца и даже больше: он когда-то работал в Донбассе, в Лисичанском районе. Однако «соответствующей бумаги не заприходовал вовремя»,— Федор Никанорович то и дело вставлял в свою речь канцелярские обороты. Была война, оккупация, архивы пропали. Правда, есть свидетели, и они могли бы подтвердить почти год трудового стажа, но...

Федор Никанорович пытается пальцем протаранить мою грудь:

— Кого интересует какой-то бухгалтер Гречишников? Ну, написал я туда и в собес и бывшим сослуживцам. Прошло уже два месяца — ни ответа, ни привета. У каждого свои дела. Служба! — он еще раз ткнул меня пальцем.— А то, что я прошу,— сверх службы, так сказать, одолжение человеку. А на это охотников нет.

— Почему же нет,— возразил я,— вы просто торопитесь с выводами. Два месяца — не так уж много.

— Э-э, и не говорите. Люди знают только службу — отсюда и досюда, а чтобы сделать больше — нет. Днем с огнем не разыщешь, так сказать, добровольцев сердечного долга.

Добровольцы сердечного долга — ведь хорошо сказано! Я даже удивился, что это произнесено Гречишниковым. Наверное, он где-то вычитал такое выражение.

Одним словом, на эту тему мы не раз говорили с Федором Никаноровичем, и я убедился, что он стойкий мизантроп. Если у нас затевался спор и у бухгалтера не хватало своих доводов, он вытаскивал на помощь потрепанную тетрадку, а в ней были выписаны изречения всевозможных исторических личностей о человеке. И странное дело — все до одного изречения хулили человека.

Известно, что на свете есть и плохие и хорошие люди, что в одном месте бывает больше хороших, а в другом — наоборот. Но меня удивляла и возмущала ограниченность и односторонность Гречишникова: все плохие.

Он обводил широким жестом утонувшие в зелени дачки и требовал:

— Покажите мне здесь хоть одного хорошего. Ага! Не знаете. И в другом месте не найдете.

В дачном поселке я никого не знал, хотя был уверен, что тут, как и везде, есть разные люди. Но зато я знал много настоящих добровольцев сердечного долга, и мне захотелось написать о них: пусть многие узнают о хороших людях.

Рассказать о них помогли мне читатели «Огонька», сообщившие в редакцию о тех, кто достоин доброго слова.

И, пожалуй, начну с факта, который скорее всего заинтересует моего знакомого бухгалтера. Одно из писем со штемпелем Ленинграда познакомило нас с В. Гиледовым. Его служба — районный отдел социального обеспечения. Сюда обращаются ежедневно десятки людей с десятками просьб, и, казалось бы, можно привыкнуть к этому потоку и ограничиться только «службой».

Однако Гиледов был не из таких. Попало к нему в руки заявление — девушка-сирота, получавшая пенсию за погибшего отца, писала: она учится в десятом классе, в марте ей исполнится 18 лет, и выплата пенсии прекратится. А ведь нужно заниматься еще четыре месяца до получения аттестата зрелости! Как же ей жить?

Забота девушки-сироты стала заботой Гиледова. Он шлет запрос в министерство. Ответ не обрадовал: «Продлить выплату пенсии нельзя». Не соглашается с этим сердце работника райсобеса. Снова он тормошит работников министерства: «Поймите же положение сироты, ведь общее правило не может охватить все конкретные случаи, и, если есть необходимость, следует сделать исключение».

Гиледов добился своего: девушке продлили выплату пенсии.

Из другого конца страны, из Одессы, пришло взволнованное письмо от работников санатория «Солнечный».

Что же их побудило писать в «Огонек»?

«В нашем санатории находится Сергей Шевченко, который страдает туберкулезом позвоночника, вследствие чего образовался паралич обеих нижних конечностей. Нам хорошо известно его нелегкое прошлое и неопределенность будущего, которое волнует нас. Шевченко — бывший студент, из шахтерской семьи. Институт окончить не успел — помешала болезнь. Сейчас он может только сидеть, а передвигаться не может. Одинок, без трудового стажа, пенсию получает маленькую.

Скоро мы его выписываем. Как он будет жить, что будет делать?

Несколько раз мы обращались в различные организации, старались объяснить, что человек не хочет быть иждивенцем, стремится к труду. Но мы получали ответ: «Раз человек не ходит, о какой работе может быть речь!» Так ли это?

Пипиков, Гельтман и еще 28 подписей».

Видите, бухгалтер Гречишников, какие люди трудятся в санатории «Солнечный»! Они не ограничиваются лишь «службой», не останавливаются на том, что лечат человека, но заботятся и о его завтрашнем дне, как будет жить Шевченко после выписки из санатория.

Разве это не добровольцы сердечного долга?

Редакция обратилась в Одесский горком партии и получила ответ от секретаря горкома товарища Стамикова: «Больной С. Шевченко в настоящее время проходит курсы шоферов. После получения прав областной отдел социального обеспечения окажет ему содействие в приобретении спецавтомашины. По окончании санаторного лечения Шевченко будет трудоустроен в качестве надомника».

Читаю письмо за письмом, а передо мною все стоит фигура Федора Никаноровича — мне так и хочется назвать его Фомой Неверующим. Отчего он такой неверующий в человека?

Может быть, люди сделали ему много зла? Или он неудачник, невезучий? Ничего подобного. Его жизнь шла нормально, он всегда имел хорошую работу и соответствующие заработки, в свое время получил отдельную квартиру. Случались у него и неприятности, но их было не больше, чем у других. В чем же дело? Случайно оброненная фраза раскрыла мне секрет: Гречишников завистлив, он не может простить того, что некоторые его сослуживцы «продвинулись дальше и имеют больше». А так как в стремлении «продвинуться и урвать» бухгалтер не преуспел, он на этом основании вынес приговор всем своим соотечественникам, всему человечеству.

Еще одно письмо из редакционной почты — тоже от «невезучего». Но как не похож этот невезучий на моего соседа по даче!

Письмо так и начинается: «Меня зовут невезучей. И в самом деле: когда было всего два года, заболела, оглохла — не совсем, но «достаточно». Пять лет — отца убили, а с семи лет начались муки душевные и физические — сперва в школе, а затем в институте — из-за слуха. Но я делала все возможное, чтобы знать и уметь больше и больше. Закончила институт, и мне повезло: я попала на прием к Николаю Тимофеевичу Евстафьеву, доценту. Мы, его пациенты, зовем Николая Тимофеевича не иначе, как профессор».

Это пишет нам С. Галактионова из Витебска. А дальше все ее письмо — восторженный рассказ о человеке, который отдает людям знания и сердце. Доцент Евстафьев работает в Минской областной клинической больнице. С точки зрения «службы» больница обслуживает только тех, кто живет в Минской области. Но о Николае Тимофеевиче прослышали в Харькове и Риге, в Мурманске и Свердловске, в Грузии и на Дальнем Востоке. Едут к нему отовсюду. И Николай Тимофеевич принимает, лечит.

Как же он может отправить назад человека, приехавшего за надеждой, за счастьем!

Николай Тимофеевич очень внимателен к каждому больному, внимателен ко всему, что касается его подопечных. Впрочем, об этом лучше всего расскажет сама Галактионова:

«Если больному лучше, если он начинает улыбаться, радуется и Николай Тимофеевич. Сколько больных, столько огорчений и радостей. Могут спросить: но какое дело столь занятому человеку, как Николай Тимофеевич, до настроения каждого? Лечится — и хорошо. Думает что-то — пусть думает. Не хочет лечиться — не лечись. Не таков наш любимый профессор. Он уже не молод. Поработал много, голова поседела. Можно бы теперь и отдохнуть. А нет, не пойдет Николай Тимофеевич отдыхать, пока всех не посмотрит. Что ни попросит больной, все возможное сделает, лишь бы хорошо было человеку.

На первых порах все мы были грустны, друг с дружкой говорили мало, а как до середины лечение дошло, веселее, свободнее стали. Видим — и Николай Тимофеевич посветлел, походка легче стала. Однажды предложил нам спеть. И мы спели. Для сцены, конечно, не годится, но ведь раньше и слова с трудом выходили, а теперь поем!

С теми же, кто совсем не слышит, Евстафьев сам занимается с букварем...

Можно рассказывать до бесконечности о Николае Тимофеевиче...

Знаю, пройдет много лет, но никогда не забудем ни я, ни все другие Николая Тимофеевича Евстафьева, врачей Ольгу Леонидовну Стефановскую, добрую, приветливую Ермак, Таису Ковалеву — всех, всех, имена которых не знаю, к сожалению. Тепло становится на душе, что есть такие люди — простые, хорошие, чуткие...»

Передо мною лежат другие письма из других мест — о таких же хороших людях. Но сразу обо всех не расскажешь.

Эти письма обязательно прочтет мой дачный сосед: он выписывает «Огонек». Прочтет и, надеюсь, станет лучше думать о людях. Правда, Гречишников из таких, кто чужим словам и письмам не верит... Еще недавно он говорил мне: «Мало ли что можно выдумать!» Однако же его позиция сильно поколеблена: он все-таки получил из Донбасса необходимую справку. И даже с извинением: оказывается, один из свидетелей, который должен был подтвердить трудовой стаж, долго болел и находился в санатории.

Вл. РУДИМ

Василий Элашвили беседует с хевсурским юношей.

Поднимись в горы

М. ИАШВИЛИ

Фото автора и И. Очиаури.

Началось с того, что Лев Васильевич Головня все чаще стал высказываться в кругу своих учеников о хевсурском фехтовании.

— Подумайте только,— говорил он,— еще несколько десятков лет, и хевсуры позабудут, как держать в руках шашку и щит. А мы до сих пор ничего не знаем об этом виде народного спорта. Нельзя же нам, спортсменам, питаться теми отрывочными и неточными сведениями, которые остались в старой литературе...

Лев Васильевич руководил кафедрой фехтования в Грузинском институте физкультуры.

— Вот ты,— обращался он к Василию Элашвили,— молод, владеешь грузинским языком. Поднимись в горы, изучи национальное фехтование, почитай специальную литературу.

Первая экспедиция была в Хевсурети. Молодой преподаватель фехтования аспирант Элашвили сменил рапиру на перо и несколько месяцев провел в горах. Он присутствовал на многих народных празднествах, сопровождаемых, как правило, спортивными состязаниями, беседовал со стариками, ездил к пастухам и всюду записывал и записывал. Кроме того, он собирал старинные шашки и ножны, запазушные щиты, боевые кольца... Вернулся из экспедиции переполненный впечатлениями. Что фехтование! Здесь обнаружилась как бы целая система физического воспитания, система продуманная и имеющая прикладной характер.

В самом деле, как обычно держат связь в горах? Прежде всего с помощью ног. Значит, надо хорошо ходить и бегать вверх, вниз, а не только по ровному месту. К спортивной ходьбе и бегу хевсуры приучают своих детей с малого возраста: устраивают состязания, назначают маршрут по сильно пересеченной местности и всем селом встречают победителя.

Но самые быстрые ноги никогда не смогут заменить коня. Скакать приходится на неоседланной лошади, без разбору, по скалам. Большой сноровкой должны обладать при этом и конь и седок.

Дети начинают соревноваться в прыжках с камня на камень. Станут юношами — прыгают с крыши дома на снег, прыгают через расстеленную бурку, прыгают в длину с вытянутыми руками. А метание коротких дротиков на дальность и в цель! А стрельба из пращи, из рогатки, которую называют «стрелика» (рогатка занесена в Хевсурети из России)! А детские горные лыжи, столь простые в изготовлении! Всего не перечесть.

Что же касается хевсурского фехтования — парикаоба, то по этому поводу пришлось отправиться в горы вторично, прихватив с собой и киноаппарат.

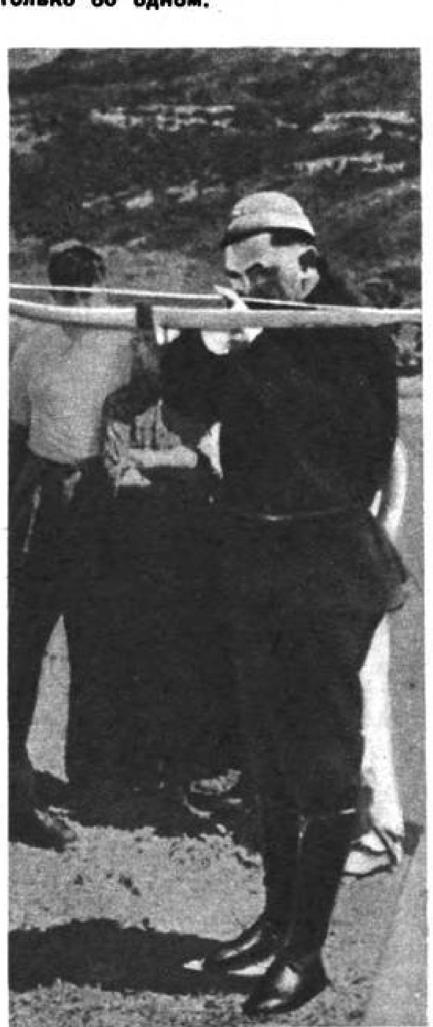
В Хевсурети фехтуют с 5—6 лет. Дети — деревянной шашкой со щитом. Это называется «сачвеба» («для привыкания»). Станут юношами — получат боевое оружие. Значит ли это, что его можно применять как оружие? Ни в коем случае! В этом-то и искусство — не нанести ни единой раны «противнику». И даже раньше, когда существовала не спортивная, а чисто дуэльная форма фехтования, «чрачрилоба», рану нужно было наносить самую малую, чтоб только слегка появилась кровь. А если уж ты позволил себе нанести настоящую рану, значит, ты испугался и, как говорят хевсуры, «не сдержал руку». Значит, ты виновен и перед пострадавшим и перед всем обществом. Изволь платить штраф. Штраф измерялся числом зерен, умещающихся по длине раны. Сколько зерен — столько коров.

Словом, впервые история хевсурского фехтования была изучена со стороны спортивной, а не только этнографической и тем более экзотической. Освоены были приемы, тактика боя, изданы по этому вопросу научные материалы. Но обилие новых интересных тем снова влекло в горы. Вскоре спортсмен-этнограф стал желанным гостем не только в Хевсурети. Жители предгорий Казбека приглашают его на спортивные праздники.

В Горной Тушети его особо интересует стрельба из лука. Какой благородный и увлекательный вид спорта! Как хорошо он развивает глазомер, силу, кисти рук! Но приемы, техника стрельбы, способы изготовления оружия, что ни местность — все по-своему. Как же лучше? Элашвили едет в Бурятию присмотреться к приемам бурятских лучников. И там и в Грузии ему удается зафиксировать способы натягивания тетивы, неизвестные в существующей классификации.

...Василий Элашвили продолжает свои поиски. Среди множества интереснейших видов народного спорта в Верхней Сванетии его больше всего привлекают прыжки с шестом в длину. Известно, как широко был распространен этот вид спорта у всех горцев в прежние времена. Шесты и сейчас помогают сванам переправляться через бурные потоки, преодолевать расщелины скал и овраги. Характерная деталь: сван, использовавший шест для прыжка, никогда не забирает его с собой. Он перебрасывает его обратно, чтоб им мог воспользоваться и другой.

Надо бы внедрить в практику спортивного воспитания всей нашей молодежи прыжок с шестом в длину. Элашвили разрабатывает технологию, приемы такого прыжка, конструирует специальный ящик для упора шеста, проводит опытные тренировки со студентами-спортсменами. Еще один вид народного спорта начинает пробивать себе дорогу. Ведь совсем недавно так же завоевывали себе место грузинская борьба лело, цхенбурти, иссинди и многие другие виды спорта, что сейчас культивируются широко. За всем этим стоял труд энтузиастов народных видов спорта. Мы рассказали здесь только об одном.

Верхняя Сванетия. Село Местия. Стрельба из самострела.

Михал Михалыч Пресняков

Фото Галины САНЬКО.

Познакомьтесь. Перед вами — Михал Михалыч Пресняков. Ему еще нет и двух лет, но это уже очень решительный мужчина. У всякого уважающего себя мужчины есть свой «конек». Есть он и у Михал Михалыча. Это футбол.

Начулось так. Михал Михалыч из-за забора увидел тренировку.

С этого момента у Михал Михалыча появилась цель жизни: он решил стать футболистом.

— Дяденька, возьмите меня с собой!

Настал период индивидуальных тренировок.

Он тренировался и дома... и на даче!

И вот результат: Михал Михалыч — признанный футболист! Нет во дворе компетентнее человека в вопросах кожаного мяча!

Михал Михалыч — упорный человек. И если через несколько лет вы встретите в списке сборной СССР фамилию Преснякова, знайте — это Михал Михалыч.

К. ЕВГЕНЬЕВ

Хлеб

Яков КОЗЛОВСКИЙ

По сторонам расторопно глядя,
В Смольном,
прихрамывая слегка,
Солдат рядовой,
рыжеусый дядя,
Разыскивал штаб своего полка.
Навстречу девушка,
у которой
Передничком белым охвачен стан.
Скользя меж бушлатов черных, как порох,
Несет на подносе по коридору
Хлеба осьмушку и чая стакан.

— В сторонку, солдат!
Не толкни!
Осторожно!
А тот пробасил,
наклоняясь к плечу:
— Кормилица, полюбопытствовать можно
Далёко ль направилась ты?
— К Ильичу!
— Постой!
Коли так, обменяться нам треба,—
И, быстро сорвав свой заплечный мешок,
Оттуда краюху душистого хлеба,
Домашнего, доброго хлеба извлек.

— Держи! Отнесешь!
А вот эту осьмушку
С собой захвачу, чтобы видел народ...
В ту пору,
беря интервентов на мушку,
Гремел по стране восемнадцатый год...

Мы едем степной стороною Алтая,
Со мною — того рыжеусого внук.
А хлеба-то сколько:
нет, кажется, края!
Мы сутки уж едем — все нивы вокруг.

САЙЯР

Отчаянно споря с немереной высью,
Светило взбирается круто в зенит.
От душной жары задыхаются листья,
На солнце песок,
Словно жемчуг, горит.
Все птицы в тени укрываются робко,
Все звери выходят из нор по ночам.
И только бесстрашные кустики хлопка
Стремятся навстречу каленым лучам.
А солнце печет, не давая отсрочки,
А солнце печет, не жалея тепла.
И вот появляются в лопнувших почках
Сто солнц, раскаленных жарой добела.
От зависти солнце померкнуть готово,
Оно не жалеет оставшихся сил.
И вот появляются тысячи новых
Пускай небольших,
Но прекрасных светил.
Довольны колхозники — быть урожаю,
Такие поля убирать поспевай.
Не зря называется солнечным краем
Богатый и радостный хлопковый край!

Перевел с узбекского
Вл. САВЕЛЬЕВ.

ВСЕ ОТТЕНКИ СМЕХА...

Уважаемые товарищи!

Заинтересовался я замечательной картиной Репина «Запорожцы». В исторических исследованиях нашел подлинное письмо запорожцев к турецкому султану Махмуту IV, стал читать материалы о том, как писалась репинская картина. Какая это увлекательная история! О ней стоило бы рассказать на страницах «Огонька».

Свердловск. Д. КРУГЛОВ, инженер-строитель

Летом 1878 года, живя в Абрамцеве, в доме известного покровителя искусств Саввы Мамонтова, И. Е. Репин услышал: кто-то из гостей читал озорное письмо запорожских казаков турецкому султану.

Тут же Репин на листке бумаги набросал сценку: казаки, покатываясь от хохота, диктуют ухмыляющемуся писарю знаменитое письмо.

С тех пор удалые запорожцы на долгие годы поселяются в мастерской Репина.

Без устали, с огромным увлечением работает художник над двумя большими холстами: картина писалась в двух вариантах сразу. И только в 1891 году было окончено основное полотно, ныне принадлежащее Русскому музею в Ленинграде.

Удалой, веселый народ — сечевики. Шумной пестрой ватагой сгрудились они вокруг стола: знаменитейшие воины, атаман, писарь, судья, есаул — каждый в меру своих сил и способностей участвует в сочинении письма. Писарь едва успевает на лету подхватывать насмешливые и едкие слова находчивых острословов. Ехидная ухмылка разбежалась по лицу, и глаза щурятся в лукавой усмешке. Это смекалистый, хитроумный человек. Он тонко разбирается во всех «дипломатических» делах запорожского войска. Писарь всегда пользовался среди сечевиков большим почетом и уважением; он был вторым лицом после атамана.

Позировал для этой фигуры в картине известный украинский историк Д. Н. Эварницкий, страстный любитель украинской древности. Он собрал хорошую коллекцию предметов казацкого обихода и одежды, которую охотно предоставил Репину.

Над писарем склонился прославленный запорожский атаман Иван Сирко, обдумывая тот вызов, который сейчас вся казацкая «громада» бросает извечному своему врагу — турецкому султану.

Храбрец из храбрецов, человек широкой натуры, преданный товарищ, отважный воин, Иван Сирко был любимейшим из атаманов. С его именем связан могучий расцвет казацкого войска и его крупнейшие победы над врагом. Одно имя Ивана Сирка наводило ужас на врагов и обращало их в бегство, а народная молва слагала легенды о любимом герое даже после его смерти.

Современники узнавали в этом образе популярного в те годы генерала М. И. Драгомирова.

Слева, протолкавшись сквозь толпу, высунулся над писарем молодой бурсак; голова подстрижена «под кружок». Дьявольски ехидное выражение этого лица, все то нетерпение, с которым пробирается он к писарю, говорят о том, что бурсак приготовил весьма крепкие слова султану. Фигура эта очень типична среди запорожцев: многие «студеи», как их называли казаки, не выдержав жестоких порядков в бурсе, убегали оттуда в Сечь, «за пороги». И. Е. Репин написал его с маски украинского художника П. Д. Мартыновича, которую выпросил у знакомого художника. Ученики академии увлекались тем, что снимали гипсовые маски со своих лиц. Когда снимали маску с Мартыновича, он улыбнулся. Гипс так и сохранил эту мимолетную и живую улыбку, а Репин перенес ее к себе в картину.

Рядом с бурсаком сидит запорожец в высокой шапке. Он молчит и внимательно слушает, что говорят другие, и ему невозможно удержаться от смеха, когда здесь царит такой разгул остроумия! Написан он с В. В. Тарновского, известного украинского коллекционера. Тарновский был хозяином Качановки, имения, где гостили Гоголь, Шевченко, Глинка, где жил и Репин, когда собирал материал для своей картины.

Светится улыбка на серьезном лице и у богатыря в черной бурке. Это, видимо, один из «казарлюг», то есть особо знаменитых, прославленных запорожских храбрецов. Написан он с художника Н. Д. Кузнецова. За спиной этого могучего казака стоит высокий, стройный юноша в богатом платье. Это попал в картину Репина внучатый племянник композитора М. И. Глинки...

Один — что тебе твой пан! — красуется запорожец в яркой, нарядной одежде, товарищ же его сидит полуголый: он по казацким правилам вынужден был снять рубаху на время карточной игры, чтобы не занимался шулерством. Под руками на столе у него карты.

Прямо перед столом развалился на бочке широкоплечий, массивный казак. Репин задумал написать фигуру этого запорожца с очень важного человека — губернского предводителя дворянства Г. П. Алексеева. Но когда к нему пришли домой с просьбой о позировании, тот наотрез отказался. Тогда Репин тайком все же зарисовал его затылок...

...Вся картина Репина хохочет. И какое множество оттенков смеха. Посмотрите, вот нарисован огромный, толстый казак в красном костюме и белой папахе. Это профессор Петербургской консерватории А. И. Рубец. Смех его так заразителен и могуч, как могуч и сам этот простодушный и открытый, бесхитростный человек. Он в полном упоении от озорной выходки своих товарищей; и в этом беззаботном, от всей души смехе звучит широта и удаль казацкой вольницы.

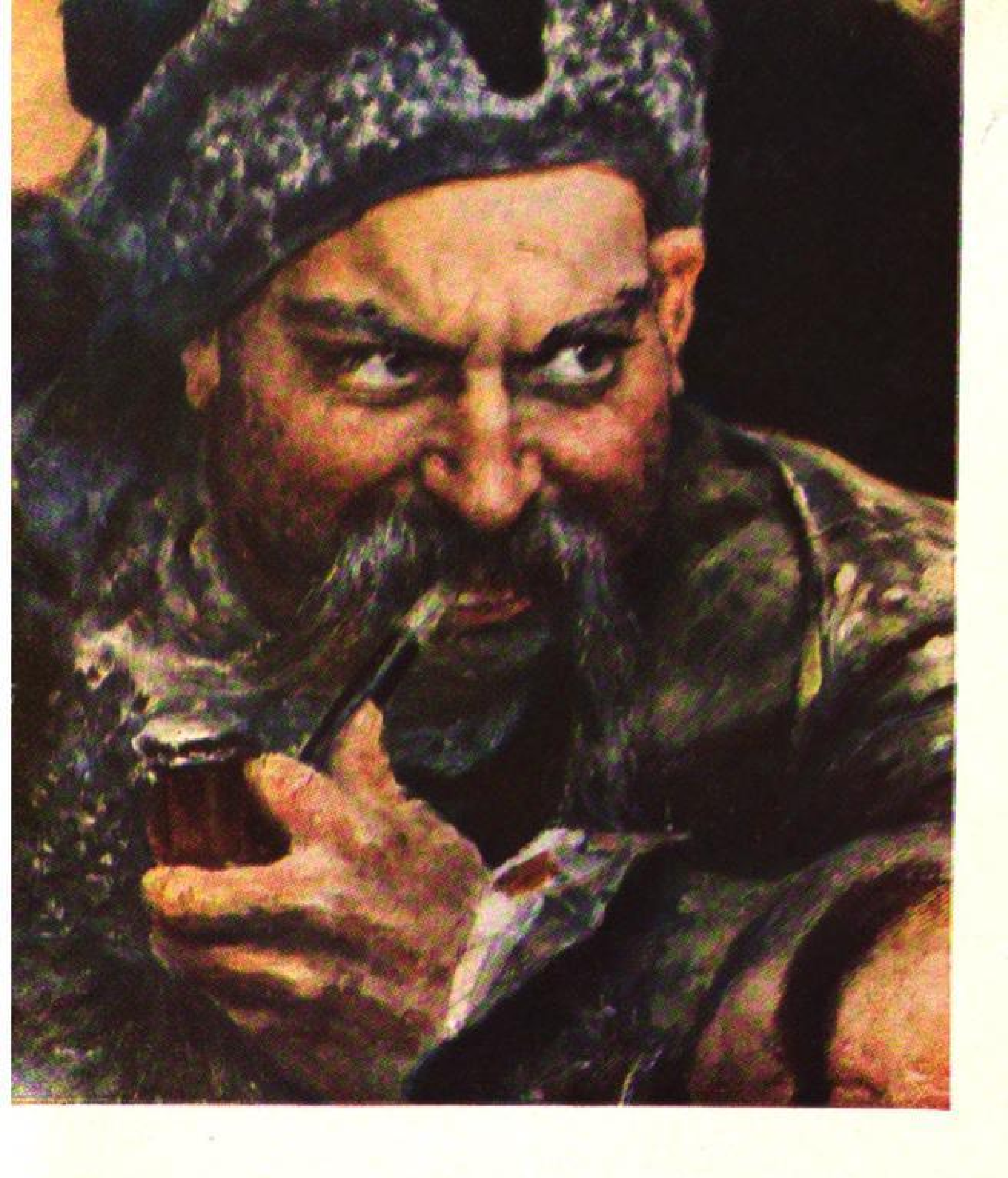
Образ этого запорожца так красочен, так характерен и глубоко типичен, что его сравнивают с гоголевским Тарасом Бульбой.

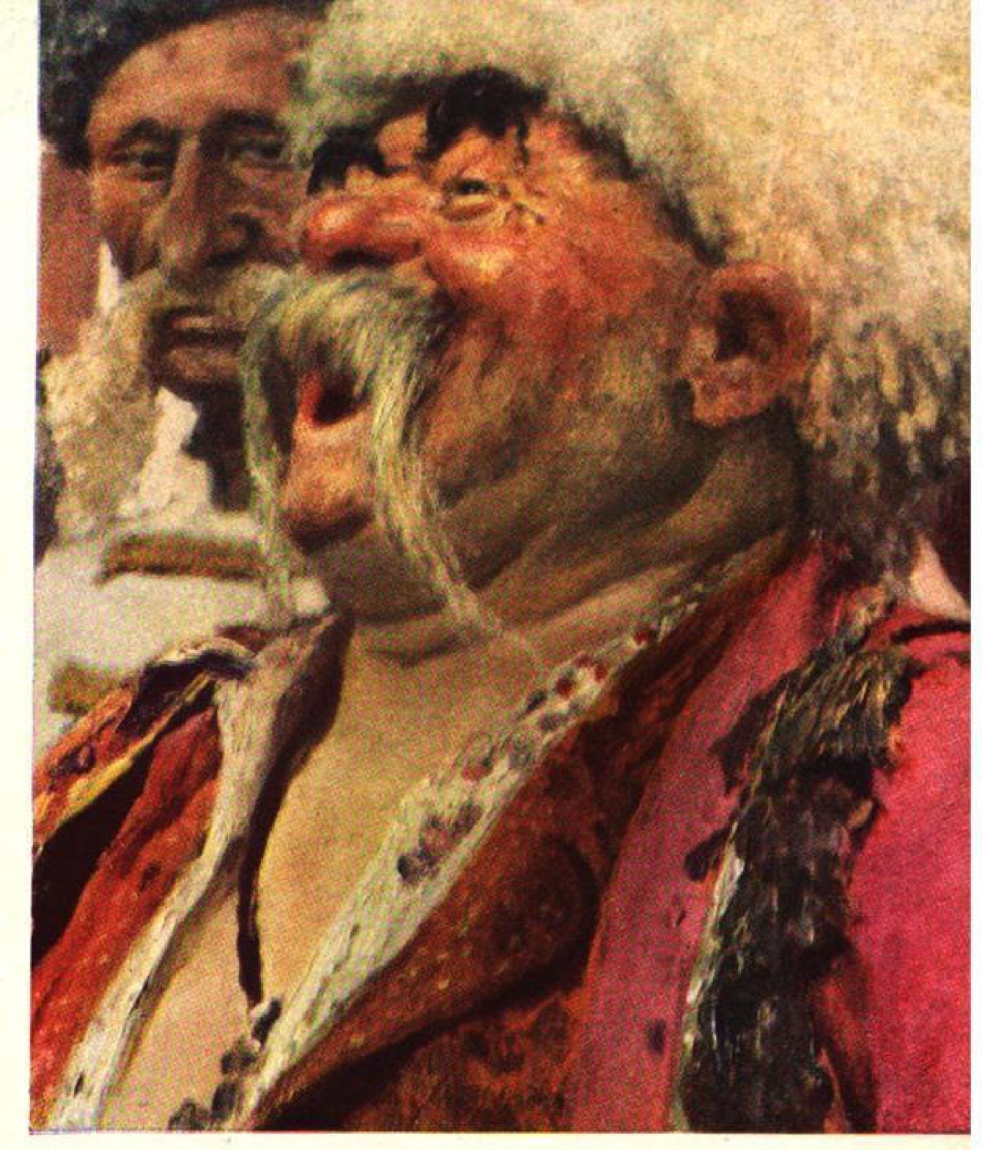
Запорожцы в картине Репина — весельчаки, гуляки, удальцы. Но все они объединены высоким чувством патриотизма, товарищества. С огромной любовью показал Репин народных героев, которым дороже всего была свобода.

Отрекшись от дома, от спокойной жизни, они встали на защиту народа от набегов татар и турок, сотнями угонявших русских людей в рабство.

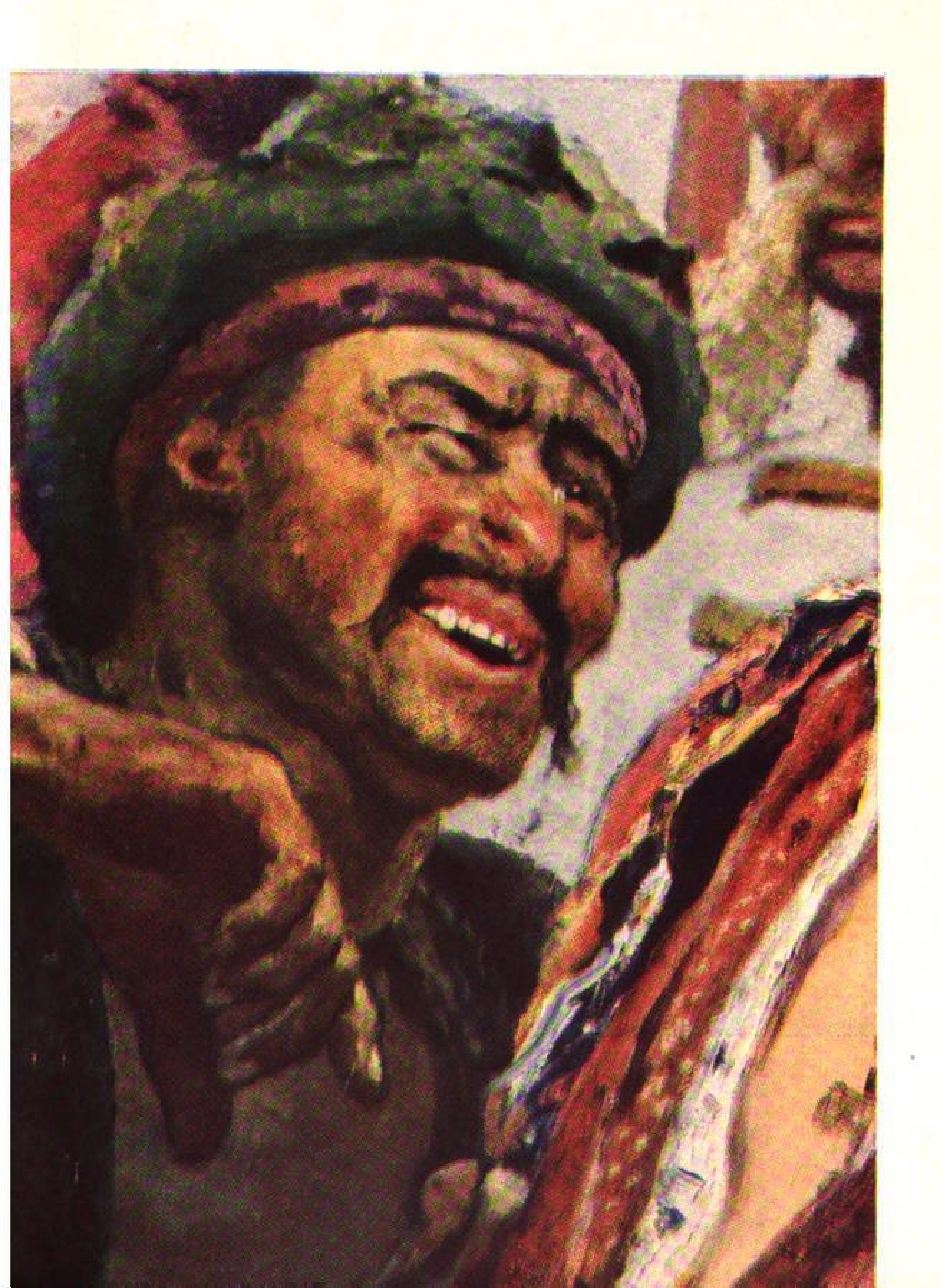
Героическая, жизнерадостная картина Репина и прославляет свободолюбие, бесстрашие народа, его веселую, светлую душу.

А. ДАВЫДОВА

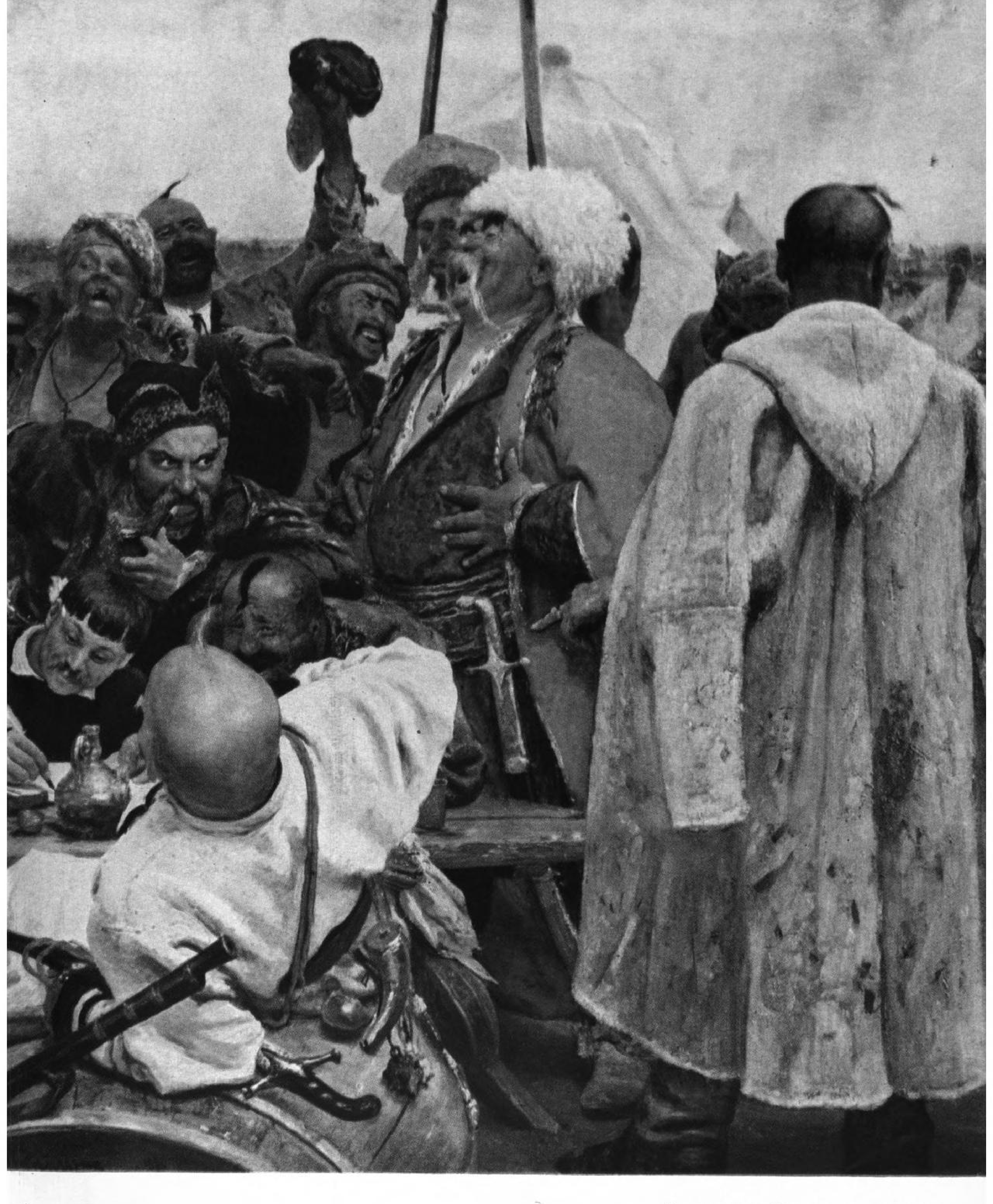
ФРАГМЕНТЫ КАРТИНЫ И. РЕПИНА «ЗАПОРОЖЦЫ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ».

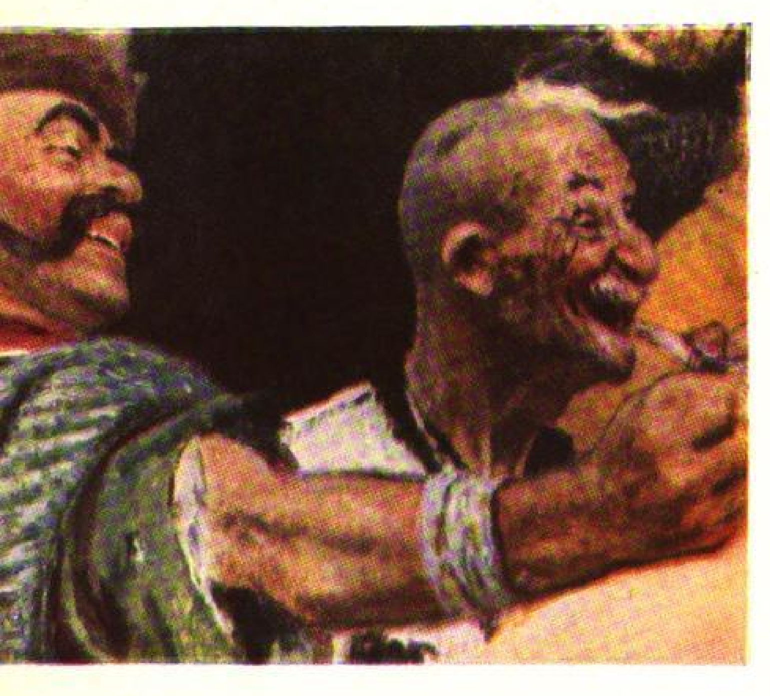

И. Репин. ЗАПОРОЖЦЫ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ. 1891 **год.**

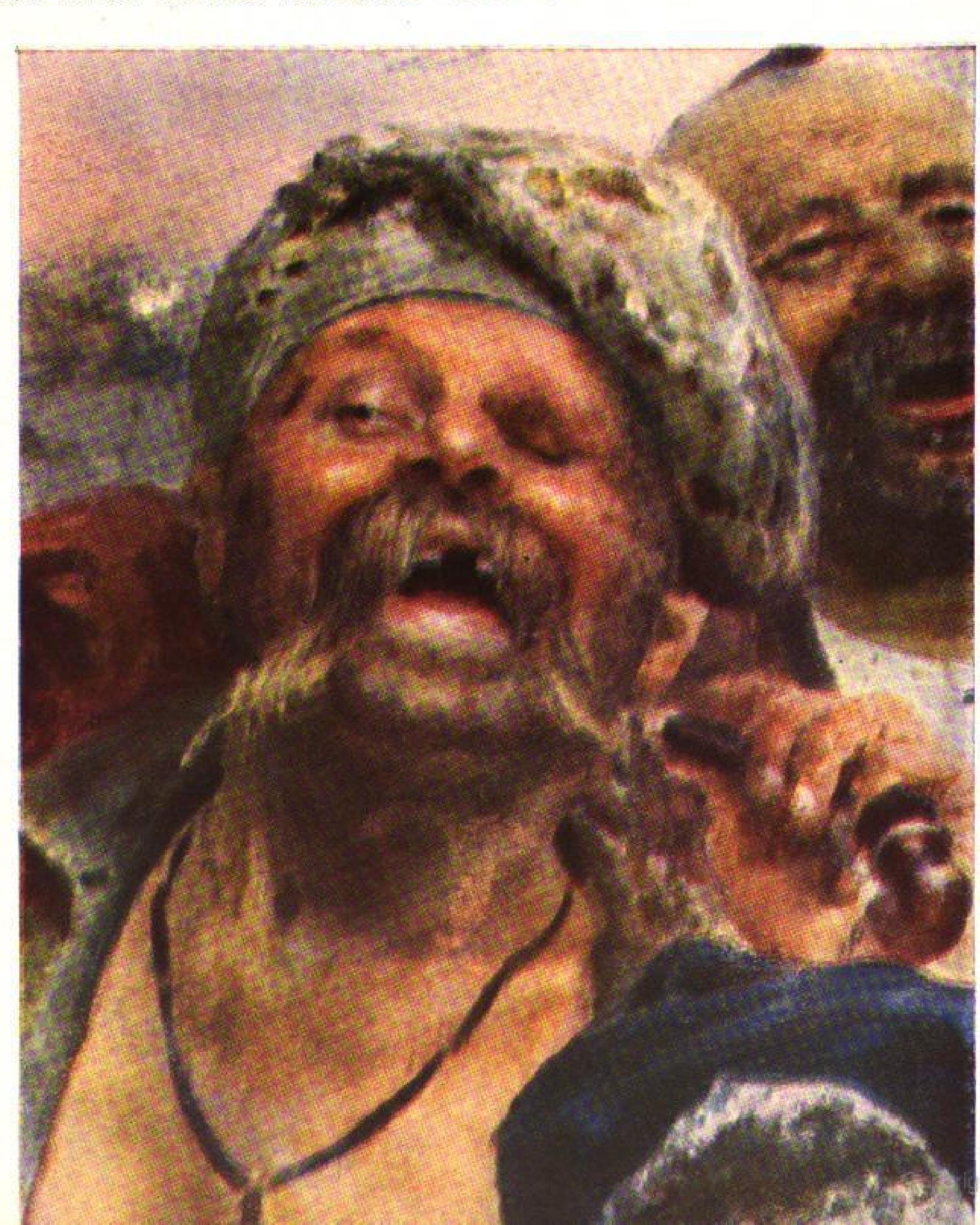

Государственный Русский музей, Ленинград

ФРАГМЕНТЫ КАРТИНЫ И. РЕПИНА «ЗАПОРОЖЦЫ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ».

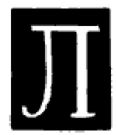

Рассказ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Лелька сидит на крыльце и штопает чулок. Она поленилась разыскать грибок и штопает прямо на коленке. Розовая коленка постепенно скрывается под штопкой, похожей на листок тетради в клеточку.

В степи жарко. Ничего не хочется делать. А сидеть совсем без дела скучно. Вот Лелька и придумала себе занятие.

Когда она наклоняется вперед, одна из косичек соскальзывает с плеча и ложится на ключицу. Лелька недовольно водворяет косичку на место — за спину. Она делает это резко, будто хочет забросить ее подальше, раз и навсегда.

Коленка почти упирается в подбородок. Иголка тянет за собой рыжую нитку. Лелька так увлеклась, что не замечает, как отворяется калитка и кто-то входит в палисадник. Когда девочка поднимает глаза, перед ней стоит Федор Федорович, председатель поселкового Совета, и незнакомый военный. Лицо Федора Федоровича коричневое, испеченное на солнце. А военный белолицый. Он еще не успел загореть на степном солнышке. В одной руке он держит зеленый чемодан, в другой, согнутой в локте,— шинель.

— Здравствуй, хозяйка, — говорит Федор Федорович.

— Здрасти, — отзывается Лелька и встает со ступеньки.

Она не выпускает из рук иглы, и короткая нитка мешает ей выпрямиться. Одна нога в чулке, а другая голая.

Косичка снова соскользнула с плеча. Вид у Лельки, вероятно, смешной, потому что военный отворачивает лицо в сторону, чтобы скрыть улыбку.

— Где мать? — спрашивает Федор Федорович.

Он спрашивает, а военный молчит. Стоит за Федором Федоровичем и из-за его плеча смотрит на Лельку. Девочке кажется, что он разглядывает ее заштопанную коленку. Ей хочется прикрыть ее, но сарафан короткий.

— Мама пошла в сельпо, — отвечает Лелька и краснеет.

Иголка выскальзывает из рук и, поблескивая, раскачивается на нитке.

— Ну, вот что, — говорит Федор Федорович, — ты, конечно, слыхала про снаряды?

Лелька мотнула головой. Она слышала, что в степи, неподалеку от поселка, обнаружили завалившуюся землянку со снарядами — артпогребок. Артпогребок был брошен немцами много лет назад. А теперь нашелся. Говорят, что он заминирован.

— Так вот, — продолжает председатель поселкового Совета,— прибыли саперы обезвреживать... Солдат мы поместили в школе, а командира, — Федор Федорович кивает на военного и слегка подталкивает его вперед,— а командира мы хотим определить к вам.

Лелька снова кивает.

— Места у вас много. Думаю, Ольга Ивановна возражать не будет?

— Ага! — соглашается Лелька, будто она заранее знает, что мама не будет возражать.

— Тогда знакомьтесь, лейтенант... — Федор Федорович вопросительно смотрит на военного.

— Шура, — подсказывает он.

— Лейтенант Шура... А это Лелька.

— Очень приятно, — говорит лейтенант, а Лелька снова краснеет.

Она ничего не может с собой поделать. Краска стыда по малейшему поводу заливает ее лицо, обдает его жаром и отравляет Лельке жизнь.

Девочка покраснела, будущий жилец отвернулся, чтобы скрыть улыбку, а Федор Федорович почесал седую щетину, которая проступает, как соль, на его коричневой щеке.

— Сейчас пойдем в степь, — распоряжается председатель, — вещи лейтенант оставит здесь. А придет мать, ты предупреди ее.

Лейтенант Шура подходит к крыльцу и вопросительно смотрит на Лельку:

— Можно здесь поставить?

— Ага! — кивает Лелька и закусывает губу, будто губа — виновница ее смятения.

Лейтенант поставил на крыльцо зеленый чемодан, положил на него шинель.

— Пошли! — почти скомандовал Федор Федорович.

И они зашагали к калитке.

Когда нежданные гости ушли, Лелька облегченно вздохнула и опустилась на ступеньку, согретую солнцем. Первым делом она поджала ноги и прикрыла подолом сарафана заштопанную коленку.

Рядом, на ступеньке, стоял чемодан, на нем лежала сложенная пополам шинель. Шинель была серой и шершавой. От нее пахло валенком. На погонах весело поблескивали звездочки — по две на каждом.

Лелька покосилась на чужие вещи и быстро стянула с ноги заштопанный чулок. Будто вместе с чемоданом и шинелью в доме остался жилец и его насмешливые глаза продолжали рассматривать Лельку, отыскивая, над чем бы еще посмеяться.

Лелькин дом маленький, но двухэтажный. Вернее, на чердаке папа при жизни сделал небольшую комнатку «для гостей». Когда приезжал дядя Митя, его помещали на втором этаже. С тех пор гостей не было. Но за комнатой сохранилось название «для гостей». Вот туда-то Лелька и решила определить жильца.

По крутой лестнице она полезла наверх с чужими вещами. Зеленый чемодан ударялся о верхние ступеньки, а шинель волочилась по нижним.

В комнате «для гостей» не было почти никакой мебели. Стол, топчан и табуретка составляли все ее убранство. Зато из маленького окошка была видна степь.

Лелька поставила вещи лейтенанта Шуры в уголок, чтобы он не подумал, что они когонибудь интересуют, и, хлопнув дверью, сбежала вниз.

Лейтенант Шура вернулся домой поздно.

Солнце докатилось до края степи и растеклось по небу вишневым заревом. Откуда-то появился прохладный ветерок, который днем в присутствии солнца не решался высунуть на улицу нос. Но земля продолжала дышать жаром, как печь, в которой недавно погасли последние угольки.

Лейтенант Шура отворил калитку и нерешительно вошел в палисадник. Он был один, без Федора Федоровича. Лелька увидела его из окна. Она ждала его возвращения и, хотя на дворе стояла жара, надела новое платье с длинными рукавами и целые чулки.

Ольга Ивановна тоже готовилась к приходу жильца. Поначалу, узнав от дочки о нежданном госте, она вспылила: «Терпеть не могу, когда в доме чужие люди!» Но потом стала сама себя убеждать, что места в доме достаточно, что сама она целыми днями пропадает в своей больнице. И вообще жилец временный. Ольга Ивановна отошла и весь остаток дня приводила дом в порядок. Ей не хотелось ударить лицом в грязь перед незнакомым человеком.

Услышав, как хлопнула калитка, Лелька подбежала к окну. Лейтенант Шура стоял в палисаднике и оглядывался. Лицо его было усталым и серым от земли. И только в том месте, где текли струйки пота, остались светлые борозди. Гимнастерка тоже была в пыли, и веселые звездочки на погонах погасли. На высоких сапогах налипли комья засохшей глины. Фуражку лейтенант держал в руке.

Усталый, с пересохшими губами, он совсем был не похож на того веселого, чистенького лейтенанта, который стоял за спиной Федора Федоровича и отворачивал лицо, чтобы скрыть улыбку. Его глаза перестали быть насмешливыми. Они беспомощно смотрели по сторонам, отыскивая хозяев дома.

Лельке вдруг стало жалко лейтенанта Шуру. Она быстро вышла из комнаты и очутилась на крылечке.

— Здрасти, — сказала Лелька.

Лейтенант улыбнулся и почему-то надел фуражку.

— Вот я пришел.

— Заходите, — пригласила Лелька, — мама дома.

Лельке очень хочется, чтобы лейтенант Шура обратил внимание на ее новое платье, а главное, на целые чулки. Но лейтенант рассматривает не Лельку, а самого себя. Он смотрит на грязные сапоги, на пропыленную гимнастерку. И говорит:

— В таком виде и в дом входить страшно. Мне бы почиститься. А то весь день в земле копались.

— Сейчас, — говорит Лелька и скрывается в дверях.

Лейтенант Шура, не торопясь, доходит до крыльца и тяжело опускается на ступеньку.

На другой день Лелька проснулась рано. Она приподнялась на локте и выглянула в окно. Из палисадника на нее смотрели сиреневые цветы мальвы. Они круглые, как блюдечки. По одному «блюдечку» ползала оса.

Лелька услышала над головой тихие шаги. Потом один за другим раздались два притопа — кто-то надевал сапоги.

Лелька вспомнила о временном жильце. Это он пробудился в комнате «для гостей» и вставал, чтобы отправиться к заминированному артпогребку.

Лелька крепко зажмурила глаза. Пусть ма-

ма думает, что она спит. Звуки рассказывали ей обо всем, что происходит в доме. Тук-тук-тук... Жилец спускается по лестнице. Тук-тук... Идет по сеням. Потом хлопнула дверь, и шаги замерли. Лелька уже подумала, что жилец ушел, но вскоре шаги зазвучали в соседней комнате.

— Зарядку делаете? — тихо спрашивала мама.

— Привычка, — шепотом отвечал жилец. Он говорил шепотом, чтобы не разбудить Лельку. А его сапоги так гремели, что могли разбудить кого угодно.

Лелька слышала, как урчала, наливалась в стакан крученая струйка кипятку, как, помешивая сахар, звенела ложка.

Мамин голос говорил:

— Ешьте, не стесняйтесь.

А голос жильца отвечал:

— Спасибо... Спасибо...

Потом жилец в последний раз сказал: «Спасибо. Мне пора», — и сапоги рассказали, что он уходит из дома.

Лелька сползла с постели и, ступая босыми ногами по чистым половицам, подошла к окну. Она спряталась за тюлевую занавеску и стала смотреть.

Лейтенант Шура бодрым шагом шел по палисаднику. Вчера вечером, грязный, усталый, он еле держался на ногах. А сегодня жильца словно подменили. Будто ночью он искупался в живой воде и снова превратился в доброго молодца. Лейтенант шел мимо куста шиповника, и ему было невдомек, что с невидимого наблюдательного пункта за ним следят два больших внимательных глаза.

Когда временный жилец скрылся из виду, Лелька села на постель и впервые за много дней занялась своими косичками.

Лелька относилась к своим косичкам с черствостью мачехи. По утрам она заплетала их небрежно, и со стороны казалось, что в косы вплетены клочки сена. Она не украшала косы шелковыми лентами, как это делали ее подруги, а самые кончики крепко перетягивала тряпочками, скрученными в жгуты.

Этим утром, сидя в постели, Лелька долго и неторопливо расчесывала свои шелковистые и очень светлые волосы. Они слегка вились у висков. Солнечные блики играли и переливались в тонких, ласковых прядях.

Неожиданно Лелька подошла к комоду и с трудом выдвинула тяжелый ящик. Она долго рылась, пока не извлекла из его недр две гладкие голубые ленточки. Их Лелька вплела в косички и завязала бантами.

Когда в доме живет чужой человек, чувствуешь неловкость, даже если его целыми днями не бывает дома. И Лелька не скачет через две ступеньки, а ходит плавно и, когда садится, поправляет платье. Ей кажется, что лейтенант Шура не спускает с нее глаз. Хотя на самом деле он далеко в степи.

Лелька на цыпочках подходит к зеркалу и рассматривает себя. Ей хочется быть высокой и черноволосой, как библиотекарша Клавдия. А она маленькая и белесая. И кончики ушей у нее малиновые, а это, должно быть, некрасиво. Лелька смотрит на себя и сердится. Будто она сама виновата, что не похожа на Клавдию.

Лелька долго стоит перед зеркалом. И вдруг, спохватившись, торопливо отходит. Она опускает глаза, словно боится встретиться взглядом с насмешливыми глазами лейтенанта Шуры.

Вечером временный жилец возвращается со своей военной работы. Он проходит через палисадник и садится на ступеньку крыльца. Солнце и сухой степной ветер запекли его белое лицо, и оно стало коричневым, почти таким же, как у Федора Федоровича.

Несколько минут лейтенант Шура сидит неподвижно. Потом упирается носком одного сапога в задник другого и, помогая рукой, медленно стаскивает его с ноги.

Он снимает гимнастерку, майку и, подхватив за дужку пустое ведро, идет к колодцу. Лейтенант Шура не любит мыться под умывальником. И, вернувшись с полным ведром, он зовет Лельку:

— Леля, Леля! Полей, пожалуйста!

Лелька тут же оказывается рядом с Шурой. Она берет в руки эмалированную кружку и начинает лить: сначала в ладони, сложенные «тарелочкой», а потом прямо на шею, на плечи, на лопатки. От жаркого тела идет пар.

— Побольше лей! Не жалей воды! — командует лейтенант.

Временный жилец моется, как папа. А Лелька поливает ему, как это делала мама. И, как мама, она подает ему свежее полотенце.

Смыв с себя пыль и глину, лейтенант Шура надевает чистую невоенную рубашку и отправляется ужинать. А потом садится на скамейку перед палисадником.

Лелька не решается сесть рядом с ним. Тогда он сам подзывает ее и начинает рассказывать о своей жизни и о своей службе.

— Вот послужу еще годок-другой, — задумчиво говорит Шура, — и женюсь. Пора. Правда? — спрашивает он Лельку.

Лелька заливается краской и молчит. Откуда она знает, пора ему жениться или нет. И почему лейтенант Шура советуется с ней о своей женитьбе?

— А, впрочем, что загадывать, — продолжает он, — еще дожить надо. В нашем деле всякое бывает.

Лелька вопросительно смотрит на собеседника. И он говорит:

— Сапер ошибается только один раз в жизни. Какой-нибудь крохотный проводок задел — и в небо! Что ты думаешь! Вот ваш артпогребок — такая штучка, что того и гляди ошибешься. Когда мы разминировали Брянские леса, легче было. А здесь — головоломка.

Лельке вдруг становится страшно за лейтенанта Шуру. Он все время шутит, а такие люди чаще всего совершают ошибки.

Девочка с беспокойством смотрит на него. А он перехватывает ее взгляд и улыбается. Ему приятно, что Лелька переживает. И еще ему приятно делать вид, что для него опасность — ничто, сущий пустяк.

Каждое утро лейтенант Шура уходил со своим войском в степь. Войско небольшое — десять солдат. Солдаты шли цепочкой по обочине, чтобы не поднимать пыли. Они несли на плечах лопаты и еще какие-то непонятные военные инструменты. А командир шел по дороге.

Временный жилец не знал, что Лелька, крадучись, выскальзывала из калитки и долго смотрела ему и его войску вслед. Он был уверен, что Лелька в это время спит.

А она никогда не просыпала. Ее глаза провожали саперов. Солдаты шли, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Потом они спускались в балку и пропадали из виду. Но вскоре появлялись вновь на другом берегу. Их фигурки становились все меньше и меньше. И, наконец, терялись в мутной дымке степного марева, оставив после себя чуть заметное облачко пыли.

Лелька знала, что лейтенант Шура и его товарищи шли не просто работать, хотя на плечах они несли лопаты. Они шли туда, откуда можно было уже никогда не вернуться. Война давным-давно кончилась, но в старом артпогребке, куда каждое утро направлялись саперы, был уцелевший островок войны — с опасностью, со смертью, которая притаилась в ржавых немецких снарядах и только ждала удобного случая, чтобы нанести людям запоздалый удар.

Каждый раз, тайком провожая лейтенанта Шуру в степь, Лелька испытывала такое чувство, будто провожает его в бой.

Лелька стояла у калитки и смотрела в степь до тех пор, пока из окошка не выглядывала мама:

— Ольга, завтракать, — звала она.

Мама называла Лельку Ольгой.

В этот день лейтенант Шура, как обычно, сбежал со ступенек и, хлопнув калиткой, пошел в школу за своим войском. И потом они шли степной дорогой: солдаты по обочине, командир посередине. Обычно солдаты шли молча, а на этот раз они запели.

Лелька глядит им вслед и старается различить слова незнакомой солдатской песни. Но слова остаются в степи, а до Лельки долетает только мелодия. Так Лельке и не удается узнать, о чем поют солдаты. Ей становится грустно. Ей кажется, что маленькое войско лейтенанта Шуры пересечет степь, перевалит через горы и выйдет к морю. И больше никогда не вернется в поселок. И Лельке хочется кинуться им вслед. Догнать, пока не поздно, и тоже идти к морю по обочине с солдатами. Или лучше по дороге — рядом с Шурой.

Но Лелька продолжает стоять на месте, а потом опускается на скамейку.

В степи цветет лаванда. Ее бархатные лиловые цветы залили степь широким разливом. Она издает тонкий аромат. И утренний свежий ветер пахнет лавандой.

Лелька закрывает глаза. Она слышит, как рядом на своей зеленой машинке заработал кузнечик... Скрипнула дверь... Курица заговорила скороговоркой на курином языке... Потом пробудился репродуктор, и совсем близко зазвучали позывные Москвы. Казалось, их при-

несли сюда не провода, а донес из степи ветер, пахнущий лавандой.

Постепенно к Лельке возвращается покой. Солнце касается ее лица. Оно пригревает чуть припухшую нижнюю губу, и коленки, и цветы на сарафане, которые не вянут, будто их стебельки опущены в воду.

Никто не зовет Лельку. Никто не тревожит ее. И она засыпает.

И вдруг раздался взрыв. Он ударил, как гром среди ясного неба. И сразу все звуки исчезли: грохот взрыва подмял их под себя, перечеркнул крест-накрест.

Лелька открыла глаза.

Чугунное эхо тяжело катилось по степи. А за пригорком выросло большое черное дерево. Оно шевелило своими косматыми ветвями. Потом дерево стало оседать, будто кто-то подрубил его под корень.

И тут Лелька проснулась окончательно. Она поняла все: лейтенант Шура ошибся в первый и в последний раз. Это артпогребок взлетел на воздух.

У Лельки захолонуло сердце. Она вскочила с места и бросилась бежать. Она бежала в степь, туда, где оседало и разваливалось дерево смерти — земля, поднятая взрывом.

Лелька бежала до тех пор, пока не наступила на что-то острое. Она остановилась от боли. Подняла ногу. На дорожной пыли алело пятнышко крови. Пятка горела. Лелька сорвала подорожник и приложила его к ранке. Сердце ее колотилось. Оно ударяло то в грудь, то в спину, будто искало выход, чтобы вырваться наружу.

Лелька вдруг представила себе лейтенанта Шуру, лежащего на спине с раскинутыми руками, с усталым лицом, в пропыленной гимнастерке, с комьями глины на сапогах. Таким он возвращался из степи вечером. А ведь сейчас еще утро.

Смерть представилась Лельке огромным одиночеством. А если Лелька окажется рядом с лежащим на земле Шурой, значит, не будет одиночества и смерти не будет.

Лелька сделала несколько осторожных шагов и побежала. Подорожник отстал от ранки. Он так и остался в теплой мягкой пыли.

До места взрыва было уже недалеко.

Лелька стоит на краю балки и никак не может отдышаться. В нескольких шагах от нее сидит лейтенант Шура и курит. Он без фуражки, ворот гимнастерки расстегнут, вокруг валяются свежие комья земли, выброшенные взрывом. Рядом с лейтенантом на тонкой шершавой ножке растет алый мак. Как это он уцелел от взрыва?

Шура берет котелок и, запрокинув голову, пьет. Вода течет по подбородку. Остаток воды он выливает на мак. Потом он ставит котелок на землю, оглядывается и видит Лельку.

— Ты что здесь? — удивленно спрашивает он.

— Я... я... ничего,— отвечает Лелька.

Она недоверчиво смотрит на живого лейтенанта Шуру. Правда ли это? Значит, он не ошибся? Почему же тогда был взрыв? А может быть, взрыв приснился Лельке? Ее большие серые глаза лихорадочно горят.

— Ты что, испугалась? — спрашивает лейтенант Шура. — Взрыва испугалась?

Глаза его смеются. Они не замечают в Лелькиных глазах испуга, который не сразу проходит.

— Я думала, вы ошиблись, — признается Лелька, не сводя глаз с Шуры.

Теперь лейтенант Шура уже смеется вслух:

— Ошибся! Если бы ошибся, мы бы уже с тобой не разговаривали.

Шура никогда не обращает на Лельку особого внимания, а тут он пристально смотрит на нее. Смотрит и замечает на ее ноге кровь.

— Что это у тебя с ногой? — спрашивает он.

— На стекло наступила, — отвечает Лелька и прячет раненую ногу за здоровую.

— Ну-ка покажи! — почти командует Шура.

Он усаживает девочку рядом с собой и разглядывает раненую пятку. Ранка кровоточит. Шура кричит через плечо:

— Кузьмин, принеси-ка мне котелок воды и индивидуальный пакет! — Он берет Лельку за руку и заглядывает ей в глаза. — Что же босиком по степи бегаешь? — спрашивает он.

Лелька молчит. Разве может она рассказать, как, забыв обо всем на свете, бежала туда, где грянул взрыв.

Кузьмин молча принес воду и бинт. Лейтенант Шура прямо из котелка льет воду на ранку. Он держит Лелькину ногу за лодыжку. Лельке неловко.

— Я сама! — говорит она.

— Сиди! — командует Шура.

И Лелька сидит неподвижно.

Потом лейтенант Шура с треском разрывает бумажный пакет и достает оттуда прохладный бинт. Белые плотные витки пеленают ногу. Лелька не чувствует боли. Она смотрит в сторону и теребит травинку. С каждым витком бинта ее глаза становятся все теплее и теплее.

— Кузьмин! — зовет лейтенант, закончив перевязку. — Строй людей. Пойдем домой. Сегодня можно и отдохнуть.

— Слушаюсь, — сдержанно отвечает Кузьмин.

Кузьмин большой и молчаливый. Кажется, что ему знакомо только одно слово «слушаюсь». Лицо у Кузьмина все в рыжих веснушках. Но это его не расстраивает. Так по крайней мере кажется Лельке.

И вот они идут через степь. Солдаты по обочине, а Лелька с лейтенантом Шурой по дороге. Может быть, они идут не домой, а к морю, как мечтала Лелька?

Лельке трудно идти. Она ступает медленно, припадая на забинтованную ногу, и лейтенант со своим войском тоже идет не торопясь. Как Лелька.

Лейтенант Шура сегодня разговорчив.

— Ты думаешь, это наш погребок шарахнуло? — спрашивает он и громко смеется. — Слышишь, Кузьмин, — обращается он к своему помощнику, — она думала, что это мы в небо взлетели.

Кузьмин улыбается вежливо, но, верный себе, не произносит ни слова.

— Нет, Лелька,— говорит лейтенант Шура,— это мы половину богатств погребка оттащили в сторону и взорвали. А ты испугалась.

Лейтенант Шура все говорит, говорит. А Лелька идет молча. И лишь изредка посматривает на своего временного жильца. Она думает о том, что все мужчины должны делать что-то трудное и опасное. Папа воевал, и Федор Федорович был на войне. Вот и Шура тоже... Ей вдруг хочется взять его под руку. Но от одной этой мысли лицо заливает краска стыда.

А солдаты вдруг запели. Они запели сами, без приказа командира. Они поют рядом, и теперь Лелька может расслышать слова их песни:

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.

И Лельке кажется, что солдаты идут с войны и она с ними тоже идет с войны. И лейтенант Шура возвращается домой героем.

Как это случилось, что после взрыва в степи временный жилец окончательно завладел Лелькиными мыслями? Она забыла о всех своих подружках и целые дни проводила дома.

Напрасно, проходя мимо Лелькиного дома, ее одноклассники кричали:

— Лель, а Лель, пошли в степь маки собирать!

— Лель, пошли купаться в Сырую балку!

Лелька качала головой:

— Мне некогда!

А какие у нее дела, если вторую неделю идут каникулы?

Сидя на ступеньке крыльца, Лелька тревожно прислушивалась к каждому звуку, который доносился из степи. «Вдруг он оступится, вдруг заденет проводок...» И сердце ее холодело. Ей на память приходила картинка к стихотворению Пушкина «Песнь о Вещем Олеге». Там был изображен Олег у праха своего верного коня. Вот-вот подползет змея и ужалит князя... Вот-вот невидимый проводок хрустнет под ногой Шуры...

А в это время лейтенант лежал на земле и, задержав дыхание, колонковой кисточкой очищал тонкий, как волос, проводок, от которого зависела его жизнь и жизнь десятка солдат. Взгляд его был сосредоточен, а по скуле ползла тяжелая капелька пота... Временами он останавливался, переводил дыхание и закры-

вал глаза. И снова начинал свой рискованный солдатский труд. На то он и был военным.

Чего ждала Лелька от временного жильца? На что она надеялась? Она и сама не знала. Ей нужно было, чтобы он не ошибся и, если можно, пораньше вернулся домой. Вот и все.

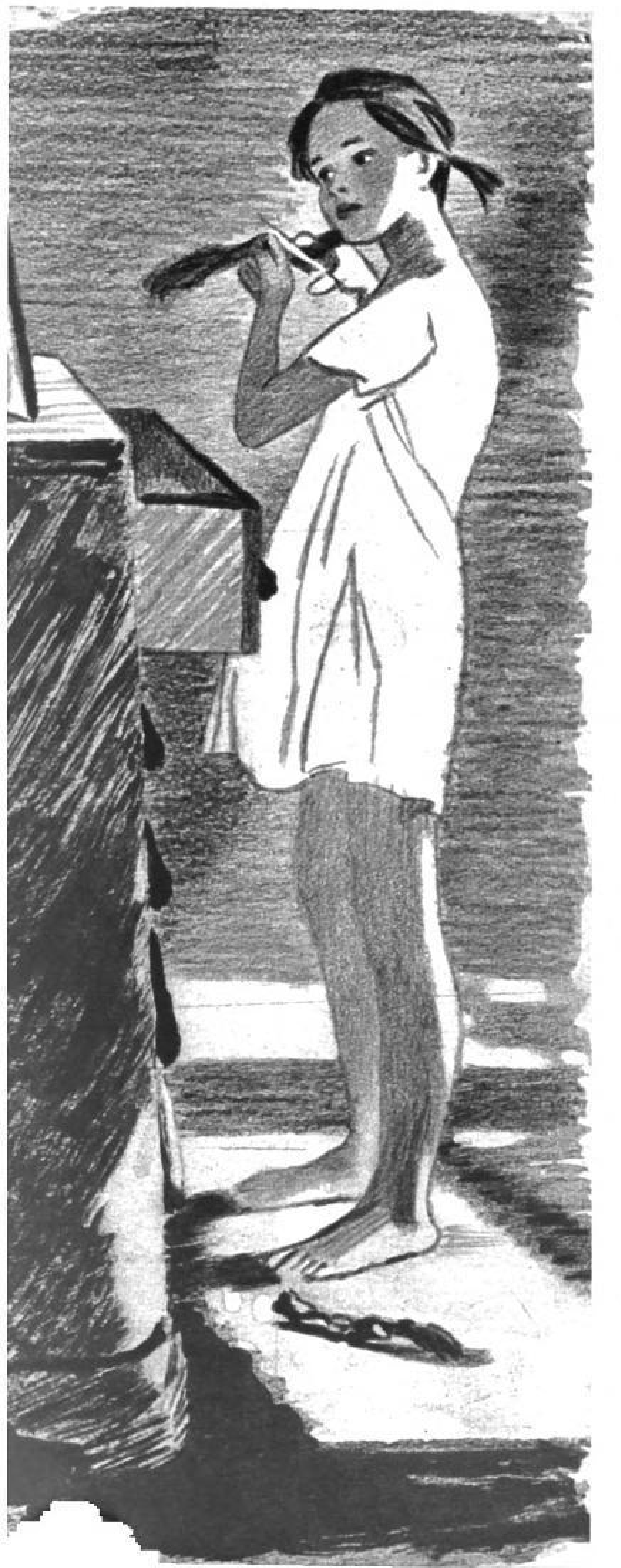
А лейтенант Шура все реже и реже бывал дома. Утром Лелька видела его в окно. А вечером помогала ему умываться. Потом он наспех ужинал и тут же уходил. Усталость уже не валила его с ног.

Куда он спешил? К своим солдатам, в школу?..

У лейтенанта Шуры было две пары сапог. Одни тяжелые, кожаные, боевые сапоги. В них он уходил в степь раскапывать немецкий артпогребок. Другие сапоги — легкие, защитного цвета — были сшиты из старой брезентовой плащ-палатки.

Вечером, по возвращении домой, временный жилец сбрасывал «боевые» сапоги и надевал брезентовые. После тяжелых, кожаных, легкие, брезентовые, сапожки вообще не чувствовались на ноге.

Однажды вечером, вернувшись из степи, лейтенант Шура торопился больше обычного. Он умчался, даже не почистив свои боевые сапоги. Они так и остались стоять у крыльца пыльные, тупоносые, с комьями засохшей глины. Вид у них был усталый и обиженный. Сапоги ни разу не подвели своего хозяина:

не оступились, не задели невидимых смертоносных проводков. Они преданно служили ему, а он бросил их на произвол судьбы.

Лелька подошла к сиротливым сапогам и остановилась перед ними. Она взяла один из них за ушко, торчавшее из голенища, и подняла над землей. Сапог был тяжелый. От него шел жар. Лелька опустила ушко, сапог грузно плюхнулся на землю и сердито притопнул.

И тогда Лелька решила привести сапоги в порядок. Она принесла ведро воды, тряпку и стала их мыть. Она поливала сапоги водой и терла их тряпкой. Глина отваливалась. Мутные ручейки стекали с голенища. Сапоги остыли, кожа стала прохладной.

Лелька поставила их в траву и пошла за щеткой. Она намазала их черным, жирным гуталином, а потом терла щеткой. Она терла так долго, что сапоги не выдержали: перестали дуться и наконец улыбнулись Лельке.

А Лельке почему-то стало грустно. Она поставила сапоги на крылечко и села рядом с ними. Она поджала коленки и закрыла их подолом сарафана. И так они долго сидели втроем: два сапога и Лелька.

В летние вечера поселок засыпает поздно. За день навоевавшись с жарой, люди подставляют лицо прохладному дыханию степи. Они сидят на лавочках и не торопятся уйти на покой.

Фосфорятся белые цветы табака. Верещат невидимые цикады. Где-то навзрыд кричит ослик: жалуется на свою судьбу.

Но вот уже последняя гармонь отправилась на покой. Зажмурились лампочки в окнах клуба: им тоже настала пора отдохнуть. А лейтенант Шура все не возвращался домой.

Лелька не может уснуть. Она ворочается с боку на бок. Зажмуривает глаза. Сон не приходит.

«Спи!» — приказывает себе Лелька.

Но как выполнишь этот приказ, если тревожные мысли не покидают тебя ни на минуту?

«Идет один верблюд... Идет второй верблюд... Идет третий верблюд...»

«Спи!»

Не помогают верблюды. Даже самый большой караван не может усыпить Лельку.

Где он? У своих солдат? Но солдаты давно спят: им вставать ни свет, ни заря.

Лелька лежит с открытыми глазами. Она уже не старается заснуть.

И вдруг в тишине Лелька слышит шаги. Дорожки в поселке посыпаны галькой. Ее привезли с моря. На гальке шаги звучат отчетливо и ясно.

«Он!»

Лелька вздрагивает и прислушивается.

«Конечно, он!»

Она соскальзывает с постели и на цыпочках идет к окну.

Было темно. Луна еще не взошла, а у далеких звезд не хватало сил осветить узенькие улочки степного поселка.

Лелька затаила дыхание и прислушалась. Морская галька рассказала ей, что по дорожке шагал не один человек, а двое. Рядом со спокойными мужскими шагами звучали другие — плавные неуверенные женские шаги.

Лелька болезненно поморщилась.

У палисадника шаги затихли. И тут Лелька услышала голоса.

— Давай посидим на скамеечке, — говорит Шурин голос.

Лелька сразу узнала его.

— Уже поздно, — отвечал женский шепот.

— Ну, прошу тебя.

— Неловко.

— Ничего, все спят.

Лелька вслушивалась. Она хотела узнать, кому принадлежит женский голос. И узнала его. Это была Клавдия — клубная библиотекарша. Лелька увидела ее — высокую, черноволосую, с ровными, будто нарисованными угольком, бровями. Лелька увидела ее не глазами, а памятью.

За окном так тихо, что можно различить шорох каждой травинки. Лелька услышала, как зашуршало платье. Тонко скрипнула доска. Это лейтенант Шура и Клавдия сели рядом на скамейку.

Лельку от них отделяли невысокая глиняная ограда, куст шиповника и тонкие стебли мальвы. Но ей казалось, что, если протянуть руку, можно коснуться Шуриного плеча. Лелька спрятала руки за спину и попятилась.

Лелька слышала, как, болтая ногой, Шура задевал камушки гальки, и потом она услышала их дыхание. И Клавдин шепот:

— Шура, неловко... Шура, ведь ты меня не любишь.

Лелька закусила губу. Она понимала, что подслушивать гадко и даже подло. Но сейчас она не могла отойти от окна. Маленькая надежда удерживает ее: «Шура, ведь ты меня не любишь».

Что ответит Шура?.. Может, он ответит Клавдии «нет»? Ладно! Пусть он ничего не ответит. Пусть он только молчит.

Но Шура ответил:

— Люблю.

Лелька стояла у открытого окна в одной рубашке. И сердце ее стучало так громко, как тогда в степи, во время взрыва. Но ни Шура, ни Клавдия не слышали ударов Лелькиного сердца.

И вдруг Лельке стало очень холодно. Холодно рукам, плечам, коленкам. И Лелька поняла, что никакое, даже самое теплое одеяло не согреет ее. Этот холод веял не из степи, а шел откуда-то изнутри, от сердца.

Лелька бросилась в постель. Она натянула одеяло на голову. Она закрыла уши, чтобы не слышать ни одного слова.

Она почему-то вспомнила, как неделю назад на этой же скамейке временный жилец говорил ей: «Вот послужу еще годок-другой и женюсь».

Так ведь не прошел еще годок! Что же это он!.. Слезы текли по Лелькиным щекам. Лелька плакала молча. Про себя. Сейчас она навсегда прощалась с лейтенантом Шурой, хотя он еще никуда не уезжал. Она прощалась с его маленьким войском, и с молчаливым Кузьминым, и с алым маком, который устоял во время взрыва... Лельке было жалко себя и всего, что уже никогда не вернется. И слезы становились все горше.

В какое-то мгновение девочке захотелось вскочить с постели и прогнать со своей скамейки временного жильца и черноволосую библиотекаршу. Но она не пошевелилась.

Утром Лелька поднялась поздно. Лейтенант Шура давно уже ушел в степь со своим маленьким бесстрашным войском. Мама не вернулась с ночного дежурства. Солнце заполнило комнату. От его желтых лучей пахло лавандой. По сиреневым блюдечкам мальвы ползали тощие осы.

Лелька села на постель. Косичка соскользнула с голого плеча. Лелька взяла ее в руку, враждебно посмотрела на нее, но не отбросила. Не выпуская из руки косичку, подошла к комоду и взяла большие темные ножницы. Широко раскрыла их и начала резать косичку.

Когда одна отрезанная косичка упала на пол к босым ногам, Лелька принялась за другую. И вторую косичку тоже отрезала. Потом она отложила ножницы и подняла с пола две отрезанные косички. Она посмотрела на них равнодушно, как на чужие, и без сожаления отложила в сторону. Они были уже не нужны.

Несколько дней Лелька не виделась с временным жильцом. Утром она вставала уже после его ухода, а вечером, чтобы не попадаться ему на глаза, уходила к подругам. И лейтенанту Шуре приходилось умываться под бренчащим умывальником, и если он не успевал почистить сапоги, то они так и оставались пыльными, с присохшими комьями глины.

В субботний вечер Лелька и временный жилец случайно встретились у клуба. Лейтенант Шура как ни в чем не бывало улыбнулся своей маленькой хозяйке. Лелька опустила глаза и залилась краской. Но, овладев собой, посмотрела на лейтенанта и сказала:

— Здрасти!

Она произнесла приветствие сухо и даже немного насмешливо.

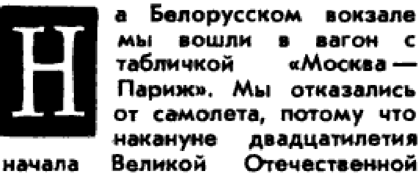
Лейтенант Шура пожал плечами, помахал ей рукой и пошел дальше. Наверное, он спешил к своей библиотекарше Клавдии.

Он даже не заметил, что Лелька отрезала косички.

А. СОФРОНОВ

Путешествие с месье Тома

«Москва — Париж»

На Белорусском вокзале мы вошли в вагон с табличкой «Москва — Париж». Мы отказались от самолета, потому что накануне двадцатилетия начала Великой Отечественной войны захотелось как бы снова перелистать в памяти страницы пережитого и еще раз увидеть места, в которых мы были в горькие и трудные дни лета 1941 года. В соседнем купе ехали на каникулы студенты из Германской Демократической Республики, ныне оканчивающие один из ленинградских институтов. Это соседство придавало особый смысл прошедшим годам, переменам, свершившимся в мире после окончания войны.

...Мелькали в окнах поезда незабываемые места. Вязьма. Дорогобуж... Здесь когда-то виднелись развалины — сейчас высятся новые здания. Люди трудятся на полях бывших сражений.

И вот Смоленск. Помню дымное июльское утро, когда мы оставляли истерзанный немецкой авиацией город, отходили по каменной дороге к станции Кардымово. На смоленских улицах стояли измученные страшными ночами женщины, спрашивали: «Куда же вы?»

И вот Смоленск. Чистое новое вокзальное здание. На перроне огромная клумба с голубыми незабудками. Возле киоска слышна немецкая речь. Туристы из ФРГ лакомятся мороженым.

...Ранним утром показывается в солнечной росе Брест. После недолгой остановки, во время которой вагоны «переобувают», ставят ходовую часть, пригодную для узкой западной колеи, поезд отправляется дальше. Легендарная крепость видна над тихим течением Буга, за стеной зеленых деревьев. Тихо на границе. Девочка с косичками умывается из рукомойника, расплескивая сверкающие капли бугской воды.

Нас приветствуют польские пограничники. Они деловито отмечают транзитным штемпелем паспорта и уходят, дружески козырнув. На польской земле виден неутомимый труд. Каменщики на лесах укладывают стены новых домов. Дорожные рабочие меняют шпалы. За плугом, понукая лошадей, идут крестьяне. На железнодорожных путях стоят платформы с польскими тракторами и автомашинами. Проносятся за окном поля и леса. Поезд гулко грохочет, пересекая мосты. Мы подъезжаем к Варшаве. Нас встречает Висла с песчаными берегами, посреди которой трудятся землечерпалки.

На варшавском перроне туристы из ФРГ снова покупают мороженое.

...Еще один из рубежей войны. Поезд медленно проходит через Одер. Тихая-тихая река. Багровый отблеск заката лежит на спокойной поверхности реки, мелькает алыми лентами на зеркальных стеклах вагона.

В полночь поезд подкатывает к Берлину. Студенты прощаются с нами и попадают на ярко освещенном перроне в объятия родных.

— До скорой встречи! — успевают они крикнуть на ходу.

На перроне шумно. Вокзал реконструируется, что-то меняется, что-то заново строится. Горы огнеупорных кирпичей высятся на равном расстоянии друг от друга. Кто-то кого-то ожидает, кто-то с кем-то прощается. Девушка в белом платье... Девушка в желтом... Полночь.

И снова мы окунаемся в темноту. Поезд как бы незаметно минует незримую черту — слева Западный Берлин с бешеной световой рекламой, с одинокими манекенами в витринах, одинокими людьми, бредущими по тротуарам.

Утро. За окном дождь. Низкое небо. Серая частая сетка, пропитанная дымом. Промышленные районы Западной Германии. Дортмунд. Эссен. Здесь еще видны развалины. Кёльн. Среди новых домов — старые развалины. Мрачные готические своды знаменитого Кёльнского собора. Тысячи людей в прозрачных плащах, с зонтиками в руках торопятся по перрону. Некоторые останавливаются у нашего вагона. Останавливаются возле таблички «Москва — Париж». У одних в глазах удивление, у других — радость, у третьих — растерянность. Перечитывают слова, шевеля губами: «Москва — Париж», «Москва — Париж»... Около вагона появляются юноши. Их двое. Каждому лет по шестнадцать. Они в коротких кожаных штанишках, с финками за поясом, в темных галстуках, в широких бойскаутских панамах. К верхней губе приклеены сигаретки. Юноши очень изумлены. Один забывает выбросить сигарету, она обжигает ему губу. Он резко бросает ее на перрон. Они о чем-то говорят, бросая на нас злобные взгляды. Стоят у вагона до тех пор, пока поезд не отправляется в путь. Юноши из Кёльна. Каждому не больше шестнадцати лет. Откуда такая неприязнь к нам у этих ровесников поражения гитлеризма? Видимо, в сознание таких юнцов падают семена речей Аденауэра и Штрауса, всех тех, кто заволакивает сейчас небо Западной Германии дымом военных заводов. Никогда не исчезнут из моей памяти эти две пары злобных глаз. Пусть помнят о них все, кому на какое-то мгновение показалось, что повсюду распространились мир и благоволение в сердцах!

...Уже после того, как поезд помчался по Бельгии, миновав Ахен, где в привокзальном магазине игрушек мы наткнулись на танки, бомбардировщики и военные автомашины, мы разговорились с инженером, работающим в одной из газовых французских фирм. Инженер был недоволен положением Франции в настоящее время. О, нет, он не был «левым», он был недоволен забастовками, широко охватившими французскую промышленность! Он несколько странно объяснял забастовочное движение: «Французы — оригинальный народ! Как только им покажется, что они что-либо умеют, так они начинают забастовки!» Инженер был одним из технических руководителей фирмы, получал 5 тысяч новых франков в месяц, с этой высоты он и относился к тяжелому положению французских рабочих, низкооплачиваемых служащих и технических работников. Но еще больше, чем забастовщиками, он был недоволен политикой правительства.

— Поверьте, я имею право так думать. Я сам был деголлевцем. Сам голосовал за него. Но не могу примириться с двойственным положением, в каком находится моя страна из-за того, что правительство идет на компромиссы с теми, кто был не однажды нашим врагом. Де Голль, к сожалению, не политик. Это тяжело отражается на нашей стране и ставит Францию в неприглядное положение перед всем миром. Я бы сейчас не голосовал за де Голля.

Наш собеседник не захотел особенно конкретизировать свои слова.

— Вы едете во Францию, вы журналисты — увидите сами.

Как-то незаметно промелькнула Бельгия. Потянулись пейзажи Франции: поляны, огороженные колючей проволокой, за которой паслись черно-белые коровы, старые, полуразрушившиеся фермы, узкие каналы, по которым неторопливо двигались самоходные баржи. Из-за облаков выбилось солнце. Поезд мчался вдоль пестрых парижских предместий и вскоре с грохотом ворвался на перрон Северного вокзала.

В Париже стреляют

— Как вы спали? — спросила нас Екатерина Гавриловна Педак, гид туристской фирмы «Транстур».

— Очень хорошо.

— Ах, а я сплю очень плохо! В Париже неспокойно. Каждую ночь стреляют.

— Кто стреляет?

— Террористы... Сегодня тоже была перестрелка. Есть убитые с двух сторон. Бедные полицейские, они должны прятаться в бетонных укрытиях!

Мы посмотрели газеты. Агентство Франс Пресс сообщало: «Нападения, совершавшиеся террористами в Париже, вызвали беспокойство властей... Из 10 террористов, убитых полицией во время столкновения прошлой ночью, было четверо военнослужащих. Из четырех раненых двое — военнослужащие. Военнослужащие, входившие в боевые группы, имели при себе документы. Среди них были унтер-офицеры, капралы и сержанты.

Прошлой ночью террористы открывали огонь по полицейским каждый раз, когда полицейские окликали их. Во время операций было ранено 8 полицейских».

Да, Париж жил тревожной жизнью. На улицах Парижа уже не было танков, но процесс над главарями путча возмутил истинных патриотов Франции удивительно мягким приговором генералам-путчистам. Условия заключения, в какие были поставлены путчисты, напоминали санаторные. Прогрессивные газеты рассматривали и приговор и все события, связанные с ним, как приглашение к дальнейшей деятельности тех, кто временно скрылся с горизонта, но не сложил оружия. В Эвиане шли переговоры между представителями правительства свободного Алжира и уполномоченными французского правительства. Всем было ясно, что, несмотря на историческую необходимость предоставления свободы Алжиру, французское правительство вело политику срыва этих переговоров.

В широких кругах французского народа клокотал гнев из-за того, что правительство Франции дало согласие на подчинение французских войск в НАТО таким фашистским головорезам и карателям, как Шпейдель, и предоставило учебно-тренировочные базы на французской земле для контингентов западногерманской армии, которой командуют такие военные преступники, как Фёрч. Невольно вспоминались слова инженера: «Вы едете во Францию — увидите сами». Мы начинали видеть Францию сами. Начинали с Парижа.

Прямо с поезда мы угодили в маленький автобус, за рулем которого сидел седой человек в белом халате и очках, напоминавший скорей врача-терапевта, чем шофера.

— Месье Тома,— отрекомендовался он.

НА СНИМКАХ:

Наш шофер месье Тома.

●

На набережной Сены.

●

Будни парижского пенсионера.

●

«Живая реклама».

Уже позже мы узнали, что месье Тома не парижанин, а нормандец, живет в Гавре.

Автобус был очень маленький, скрипучий и душный.

— Микроб, — охарактеризовала его мадам Педак.

Прикинув, что нам в этом «микробе» предстоит проехать около трех тысяч километров, мы обратились к представителю «Транстура» с просьбой заменить автобус. Через два дня из Гавра прикатил автобус, вполне приемлемый для длительного путешествия.

— Вся Франция сошла с ума, она готовится к выставке в Москве,— говорила мадам Педак.— Французы хотят удивить москвичей показом своей жизни. Не знаю, как это удастся сделать. Старого мы можем показать сколько угодно, а нового? Это так неинтересно! Я тоже готовлюсь к выставке, перевожу названия французских вин на русский язык. Если переводы будут с ошибками, знайте, это мои ошибки... Надеюсь, впрочем, ошибок будет не так много, я понимаю толк в вине.

В начале июня Париж еще многолюден, только с наступлением жары из города начинается утечка в сельские места, на юг,— кто куда может. Я несколько раз бывал в Париже, поэтому, хотя и без ощущения новизны, невольно втягивался в созерцание жизни Парижа с его сиреневой дымкой по вечерам, неторопливой Сеной, на парапетах которой всегда сидят влюбленные парочки.

Монмартр — центр притяжения туристов. На высоте, возле собора Сакре-Кёр, откуда виден весь Париж, и начинается Монмартр художников с его пресловутой, описанной и переписанной десятки раз богемой. Бородатые художники делают копии с копий, продают их по сходной цене в безразличные руки туристов. Здесь за 5 франков могут сделать ваш портрет, и вы, если не очень требовательны, будете довольны приблизительным сходством. Мы наблюдали, как радовалась мама, получив «портрет» своего сына, стоявшего здесь же в красной кофте. А плохо одетый художник прятал в карман пятифранковую монету, тоскливо высматривая по сторонам очередного натурщика.

— За пять франков вы можете увековечить себя! — выкрикивал он хриплым, простуженным голосом.— За пять франков!

Но это еще работа! На центральных улицах Парижа по тротуару ползают художники, выводя цветными мелками людские анфасы и профили, очертания старинных замков и идиллические ветряные мельницы. Здесь же вверх дном лежит шапка, в нее с глухим звоном падают мелкие монеты. Ах, Париж, Париж! Говорят, что это создает твой неповторимый облик. Но почему такой же облик имеет и недалекий от тебя Лондон, где также по асфальту ползают люди с цветными мелками в руках?

Гудит Монмартр. Бродят от лавочки к лавочке с дешевыми сувенирами девицы в узких брючках, с распущенными волосами, с зелеными и синими ресницами, бледными, испитыми лицами. Новая мода?

— О, чем бледнее, чем зеленее, по цвету, конечно, девушка, тем современнее. Здесь появилось и словечко, определяющее эту моду,— «трупики»,— комментировала эти новшества мадам Педак.— Запомните: трупики.

Сверкает реклама на Елисейских полях, освещая витрины. Проносятся разноцветные, открытые машины... Но вдруг среди пестрой толпы на тротуаре ты замечаешь женщину на костылях с протянутой рукой... За ней — другую... Вот ходит «живая реклама» — человек, за плечами которого слова, зовущие в ночные дансинги. Затем видишь человека в лохмотьях.

— Это бродяга,— поясняет нам мадам Педак.— Странные люди! Им нравится так жить. У них свое мировоззрение. Помните, как ваш Леонид Андреев писал: голый человек на голой земле?

Да, мы помним, что говорил Леонид Андреев. Но вряд ли человек, стоящий в лохмотьях ночью возле парижского рынка и предлагающий свои услуги для разгрузки автомашин со спаржей и артишоками, читал Леонида Андреева и является его духовным наследником! Вряд ли доставляет удовольствие людям в лохмотьях спать, скрючившись, под дождем на асфальте под витринами универсальных магазинов.

Не один раз, возвращаясь поздно вечером в гостиницу «Виктория Палас», мы видели этих людей: они лежали, прижавшись к стене, под витринами магазинов, где бюстгалтер против бюстгалтера, модный купальный костюм против модного купального костюма. Вот уж действительно «голый человек на голой земле»!

Для туристов, приезжающих на несколько дней в Париж, падающих с ног к концу дня от посещения Лувра, музея Родена, собора Нотр-Дам, Эйфелевой башни и многих других памятников французской культуры, это, возможно, остается и незаметным. Но когда осмотрены музеи и храмы, вы не можете не видеть эти незаживающие язвы капитализма.

Наш гид, мадам Педак, склонна была по-своему объяснять все это. Указывая на женщин, стоящих по вечерам возле освещенных парадных или прогуливающихся неторопливо по тротуару, она говорила:

— Париж без женщин малой добродетели не может быть Парижем. Можете себе представить, в Париже решили запретить проституцию! И что же? Была демонстрация. Эти женщины шли с плакатами: «Мы платим налоги — мы имеем право на свою работу». Но ведь они и в самом деле платят налоги! И с них берут налоги. Берут, не отказываются.

Да, мы это видели: каждый вечер на том же углу те же женщины, та же синяя юбка, та же белая кофточка, те же ищущие глаза. Каждый вечер на том же самом месте. Каждый вечер...

В дни пребывания в Париже нам случилось прочитать письмо одной эмигрантки, которую девочкой увезли из России.

«...Известно ли вам, — писала она,— что рабочий с женой и ребенком должен платить 280 фр. за темную комнату без окна, а рабочий-араб платит 6 фр. в день за полкровати в мерзком и прогнившем квартале? Служащего и рабочего автоматически «заявляют» для платежа налогов, и если они не внесут в срок нужной суммы, штрафуют; собственник может указывать произвольную сумму своей прибыли и платить налог «по мере возможности».

Крестьянин должен продавать 1 кг салата за 0,10 фр., а потребитель получает тот же салат за 1 фр. (прибыль забирает посредник-капиталист). Каждый собственник-капиталист заявляет себя параллельно «директором» своего дела, вычитает назначенное себе жалованье из своего же дохода и после 60 лет получает от государства половину своего жалованья, то есть, кроме прибыли, назначает себе 5 000 фр. в месяц, и государство ему выдает после

НА СНИМКАХ:

Жан Колярдо любит русскую литературу.

●

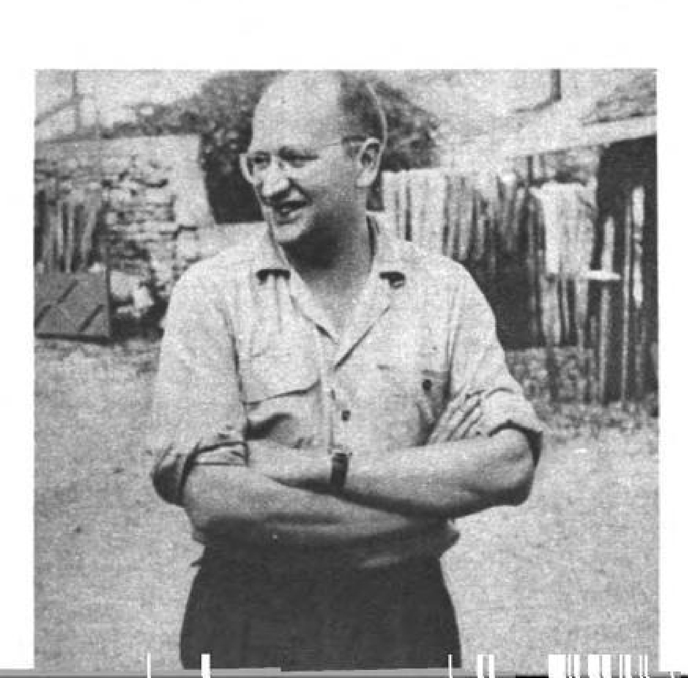
Кресты Вердена.

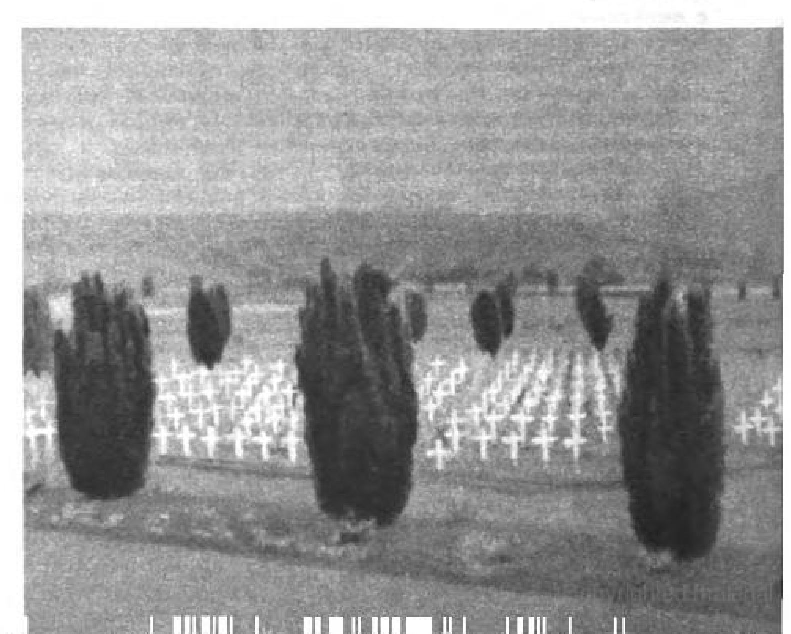
●

Дорога на Верден.

●

Каноник Кир пишет обращение к читателям «Огонька».

60 лет 2 500 фр. пенсии, рабочий или служащий могут получать 120 фр. после 65 лет и то, если они докажут, что в течение 30 лет работали без перерыва хотя бы на неделю.

За починку зубов (самая обыкновенная вставная челюсть) рабочий должен платить заранее 300 фр., которых у него, конечно, нет. Капиталист пользуется бесплатной починкой, то есть страховое общество возмещает ему все расходы. Из 300 фр. рабочему возмещают 80 фр. и то, если хозяин даст ему удостоверение, что зубы ему нужны для улыбки клиентам.

Семьи рабочих и служащих живут по 9 человек в сырых и грязных комнатах, а богатеющие старухи занимают огромные квартиры, сдавая под конторы две-три комнаты по 1 000 фр. в месяц и наживая на этом безумные деньги.

Говорить об унижении, отвратительном отношении к женщине не приходится. Описать это в двухтрех словах нельзя. Пусть каждый из вас знает, что за каждой рюшкой-финтифлюшкой, нейлоновой юбочкой, неоновой лампочкой стоит труп обиженного, униженного человека — брата, который пришел в жизнь, как и все мы, с таким маленьким и скромным желанием немного полюбоваться природой, любить своих детей и друзей, честно работать.

Мне нет еще 50 лет, а из моих товарищей и подруг школьных, из общего числа 200 человек, 78 погибли от «прекрасной жизни на Западе», честных, одаренных и молодых людей. Все скончались в возрасте до 30—35 лет: самоубийство, туберкулез, сердечные болезни от тоски, унижения, голода среди блестящих огней, умопомрачительных туалетов и равнодушия толпы...»

Верден обходят с тыла

Разработав маршрут поездки по Франции, ранним пасмурным утром мы отправились в путь. Месье Тома выглядел особенно торжественно. Он надел темные очки и всем видом показывал, что готов к путешествию. Последнее, что мы увидели на площади, покидая Париж, были усиленные наряды полицейских.

— Или здесь стреляли,— объяснила нам мадам Педак,— или это для сдерживания забастовщиков. Хорошо, что мы с вами едем автобусом: забастовали железнодорожники.

Автобус взял курс на Реймс.

Едва мы покинули предместья Парижа, как заметили разительную перемену даже в самом облике нашего водителя. У него не было уже той неуверенности, с какой он водил машину по Парижу. Однажды он, выехав с площади Инвалидов, вдруг ринулся против уличного потока. Разгневанный полицейский подбежал к нам, но, увидев гаврский номер и бледное лицо шофера, сказал: «В Париже так не ездят». Сопровождаемый улыбками и насмешливыми возгласами шоферов, месье Тома свернул в сторону. Мадам Педак схватилась за голову.

Теперь Париж был позади, и наш водитель уверенно держал руки на баранке. Вокруг лежали зеленые поля. Мимо проносились небольшие селения. Первая остановка в городке Мо.

— Здесь живет мой сын,— сказал Тома,— он работает на парижском аэродроме Ле Бурже. Не нашел в Париже квартиры, живет здесь.

Мы ехали то вдоль Марны, то пересекая ее по каменным мостам. Потянулись памятные для французского народа места. Изредка встречались аккуратные военные кладбища и памятники французским солдатам. На старых домах виднелись еще отметины от осколков. Марна как бы хранила вдоль себя реликвии кровавой битвы первой империалистической войны.

Сейчас все было мирно. В открытых окнах показывались женщины в передниках, взмахивавшие зелеными пучками.

— Жены ждут мужей к обеду. Так здесь готовят салат. Сначала его намочат, а затем сушат, чтобы осталось немного влаги,— пополняла наши знания мадам Педак.

Кончились зеленые долины, потянулась холмистая местность, сплошь усеянная виноградниками. Кое-где виднелись небольшие хлопотливые тракторы на резиновом ходу.

— Здесь немало советских тракторов: белорусские, харьковские и владимирские,— говорила мадам Педак.— Должна заметить, особенно хорошо работают белорусские.

Промелькнул дорожный указатель «На Реймс». И тут мы заметили, что наш водитель снова заволновался. Руки его по-прежнему недвижно лежали на баранке, а сам он беспокойно оглядывался по сторонам.

— Эти места я хорошо знаю,— сказал он во время короткой остановки.— Когда мне было восемнадцать лет, я был артиллеристом и защищал Верден.

Таким образом мы узнали, что нашему водителю было 63 года.

А вдоль дороги мелькали огромные бутылки — реклама шампанского. Проехав в одном из предместий Реймса площадь Сталинграда, мы въехали в тихий, пасмурный город, над которым возвышались расстрелянные в свое время немецкой артиллерией своды величавого Реймского собора. Здесь предстояла ночевка. Но компания позаботилась о том, чтобы мы познакомились в Реймсе с производством шампанского. На заводе шампанского фирмы Тетанже показывал нам производство Люсьен Милан, человек живой и очень веселый. На лифте мы спустились в подвалы, где лежали — одна в одну — десятки тысяч бутылок.

— Первыми виноделами были монахи, они понимали толк в вине,— говорил он, указывая на старые надписи.— Во время осады Вердена здесь были наши солдаты. Шампанское помогало им отражать атаки бошей. Фирма готовится к выставке в Советском Союзе. К сожалению, меня не посылают. Если бы можно, я бы побежал в Москву.

У агрегата, загоняющего пробки в бутылки, мы разговорились с рабочими. Глаза их засверкали радостью, когда они узнали, что мы из Советского Союза. Они крепко пожимали нам руки. С удовольствием произносили слово «камрад». Один из них сказал:

— Французы любят русских.

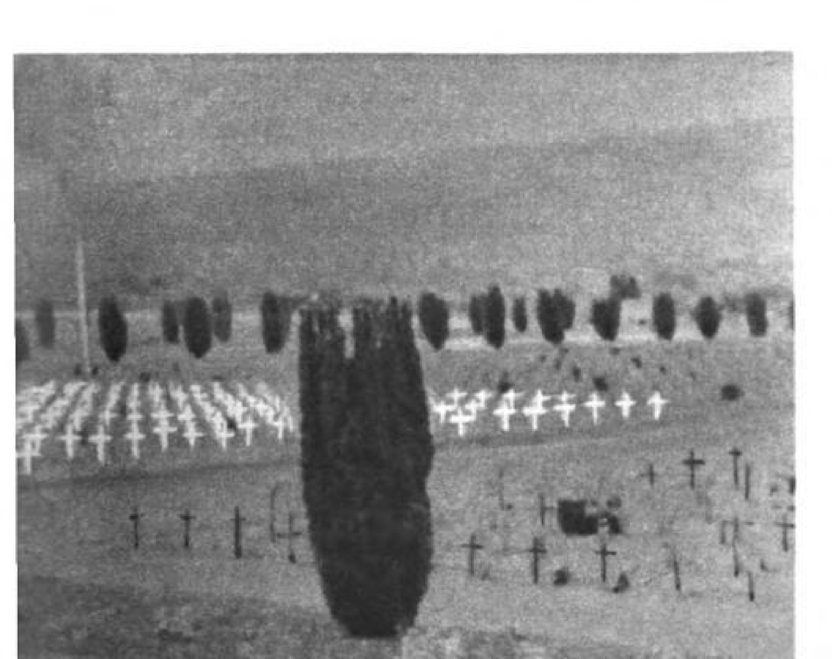
Другой, словно в присяге, поднял руку со сжатым кулаком:

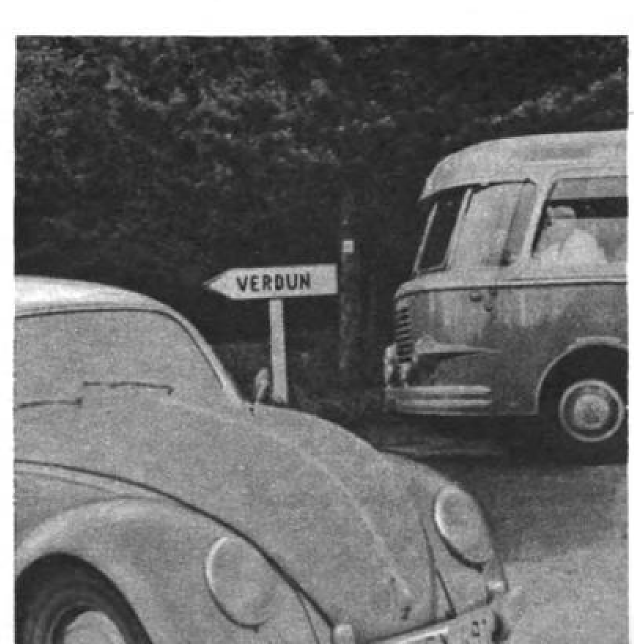
— Да здравствуют русские! — и добавил: — Американцы — нет!

Прощаясь с Миланом, мы подарили ему маленький сувенир — модель нашего первого спутника. Восторгам Милана не было предела.

— О, я подарю это своей двенадцатилетней дочери! — воскликнул он, целуя нас.

Утром мы отправлялись к Вердену. Сколько лет прошло с тех пор, а в памяти народов Верден остался, остался как символ мужества французского народа, проти-

востоявшего немецкой агрессии. Дорога к Вердену по нашему маршруту лежала через городок Мурмелон.

— Только я предупреждаю, господа,— сказала нам, заметно волнуясь, мадам Педак,— мы не будем там останавливаться.

— Почему?

— Это военная территория.

— Чья военная территория?

— Это не имеет значения.

В двадцати с небольшим километрах от Реймса увидели указатель «Мурмелон». Автобус мчался по тихим улицам городка. Серенькие дома. Одинокие люди возле домов. Старое военное кладбище, на котором похоронены останки героев, сражавшихся с немцами во Франции. И здесь, в нескольких километрах от Вердена, периодически появляются по добровольному соглашению с французским правительством воинские соединения реваншистской армии из Федеративной Республики Германии. По добровольному соглашению! Здесь десятки тысяч французских солдат сложили головы, сражаясь за Верден, за землю Франции! Ныне это территория, на которой располагаются немецкие войска. По добровольному соглашению! Есть от чего клокотать гневом сердцам французских патриотов, семьи которых в черных, траурных одеждах посещают кладбища тех, кто погиб и в прошлую войну и в последнюю, сражаясь в войсках Сопротивления.

Еще до подъезда к Вердену нам стали встречаться американские военные машины. Пятиконечная белая звезда. Черные буквы на каждой машине — «US». Автобус шел в гору — Священной дорогой. Французы называют ее так. Вправо от дороги расположился военный аэродром, над которым колыхался американский флаг. Здесь же, у дороги, таблички, сообщающие о том, что когда-то на этом месте были деревни. Памятник Андре Мажино, создателю бесславной линии Мажино. И вот на холме высокий серый каменный монумент — памятник героям Вердена. Бесконечные ряды белых крестов. Кладбища, кладбища, кладбища...

Возле монумента голубой автобус. Человек тридцать экскурсантов. Немецкая речь.

— Откуда? — спросили мы одного из них.

— Из Баварии. А вы? — последовал встречный вопрос.

— Из Москвы.

Беседа немедленно прервалась. Баварец заторопился в голубой автобус. Возле бетонных сводов знаменитой траншеи штыкового боя, где на насыпи лежали железные цветы и в землю были вогнаны заржавленные штыки, мы снова встретили немцев из ФРГ. Они фотографировали могилы. И как тут было не вспомнить Раскольникова из «Преступления и наказания», которого безудержно тянуло на место преступления! И что же это было за преступление по сравнению с тем, которое мы видели здесь, на эпических холмах Вердена?! А над крестами, над серым, уходящим в небо монументом проносились американские военные самолеты, заглушая негромкую человеческую речь.

Молча мы отправились дальше. Молча вел автобус Тома, только ходящие под кожей желваки выдавали его волнение.

Да, Верден обходят с тыла. Впрочем, не обходят, а уже обошли. Вопреки жестоким урокам истории. По добровольному соглашению.

В гостях у каноника Кира

В этот же день уже на закате солнца мы добрались до городка Домреми — родины Жанны д'Арк. Маленький реставрированный домик. Комната, в которой некогда родилась французская девушка Жанна. Холодный каменный пол. Маленькие, слепые окошки, когда-то затянутые бычьими пузырями. Скромный музей. Седой старик — смотритель музея.

— Часто ли посещают этот дом? — спросили мы старика.

— Нет, нет, не часто,— печально ответил он нам.— Совсем не часто.

В полночь автобус вкатил в город Дижон.

На другой день мы разыскали Аликса Мейера — председателя комитета дружественных городов Дижона — Сталинграда — Ковентри. Аликс Мейер возглавляет отдел социального страхования департамента. Был дважды в Советском Союзе, гостил в Москве, Одессе и Сталинграде. Мы застали его в конторе. Он охотно поделился с нами впечатлениями о Советском Союзе.

— О том, что видел, я написал.— Он протянул мне журнал, в котором были напечатаны его статьи.— Я был в 56-м году, а затем в 59-м. Если в первый раз я летал на маленьких самолетах, то второй раз — уже на ваших отличных «ТУ». Интересовался строительством... В 56-м году мне не все понравилось... Я критиковал вас, знаете за что? За архитектурные излишества. Я даже говорил, что из одного дома отдыха с колоннами можно построить два. Извините, но это так... Но в 59-м году я увидел уже иной стиль. Рациональный. Я социалист и по многим вопросам дискутировал с теми, кто нас принимал, но правда есть правда. Я, как честный человек, не могу не признать это. Меня поразили ваша забота о детях и медицинское обслуживание. Того, что у вас делается, можно добиться только в национальном масштабе. К сожалению, во Франции это невозможно. Я сам по профессии врач по детским болезням, так что хорошо знаю эти вопросы.

— Скажите, не могли ли бы вы помочь нам встретиться с господином Киром?

— Почему же, с удовольствием.— Мейер потянулся к телефонной трубке.— Хотя мне и не очень удобно,— продолжал он, вертя диск аппарата.— У нас через два дня выборы в муниципалитет, и мы с ним, так сказать, оба претенденты на должность мэра...— Здесь Мейер улыбнулся, потом повесил трубку.— Господин Кир вас ожидает.

— Сейчас?

— Сию минуту. Он в мэрии.

Мы отправились в муниципалитет. Открылась дверь, и на пороге мы увидели знакомого нам по фотографиям человека.

— Прошу,—сказал каноник Кир.

Мы вошли в большой кабинет, уставленный старинной, тяжелой мебелью. На стене среди других висела картина, изображающая строительство Сталинградского гидроузла. Выслушав приветственные слова, каноник Кир сказал:

— Рад, очень рад вас видеть! Я отношусь с большим уважением к русским людям. Во время прошлой войны я воевал вместе с русскими солдатами против немцев. Я занимался снабжением, на мне лежала обязанность снабжать и русских. Я подружился с одним русским офицером в одном из фортов. Он был убит... И мне даже пришлось некоторое время заменять его. Я это никогда не забуду. Нельзя забывать тех, с кем сражался в одном ряду. Мы все помним, что сделали для нас русские. Франция была спасена Россией и в последней войне. Мы никогда не забудем эту помощь. У нас в Дижоне советский флаг развевается рядом с французским. В марте прошлого года господин Хрущев посетил Дижон. Он был встречен у нас с огромным подъемом. Позже я встречался с ним в Париже. Мы долго беседовали. Мы единомышленники с ним в вопросах мира. Он замечательный человек, именно человек.— Здесь мэр города Дижона указал на картину, изображающую Сталинград.— Эту картину подарил мне господин Хрущев. Я являюсь почетным гражданином Сталинграда, а мэр Сталинграда — почетный гражданин Дижона.— И он снова обернулся к картине.— Понимаете, это мне подарил господин Хрущев.

Мы поблагодарили мэра Дижона за беседу.

— Располагаете ли вы завтра свободным временем, чтобы позавтракать со мной? — спросил он, провожая нас.

На Сталинградской улице росла березка, посаженная в Дижоне председателем исполкома Сталинградского горсовета товарищем Дынкиным.

— Мы поддерживаем постоянную связь со Сталинградом,— говорил Мейер.— К нам приезжали участники художественной самодеятельности, с успехом выступавшие и в Дижоне и в других районах департамента.

Дижон помнит годы немецкой оккупации. Французские патриоты героически сражались с гитлеровцами. Они уничтожали фашистов, взрывали поезда.

Во время одной из экскурсий по городу доктор Мейер сказал:

— Я хочу показать вам место, святое для каждого дижонца. Поедемте в квартал Грезиль.

Бетонные стены. Трава под ногами. Белые цветы земляники. И пять деревянных столбов на равном расстоянии друг от друга.

— Запомните, квартал Грезиль,— сказал Мейер,— так называется это место. Место, где гестаповцы расстреляли более ста патриотов. Раньше здесь был тир. К этим столбам привязывали французов. Гестаповцы стреляли. Без суда и следствия. Мертвые лежали здесь, на этой земле. Лежали до тех пор, пока родные не забирали их и не хоронили. Квартал Грезиль, запомните!

И снова мысли возвращались к Вердену и Мурмелону, где в эти дни сапоги немецких солдат топтали французскую землю.

В эти же дни мы отправились в одну из близко лежащих к Дижону деревень и заехали в гости к виноградарю Люсьену Шамито, члену дижонского общества франко-советской дружбы. Он встретил нас во дворе своего небольшого дома вместе с женой и миловидной дочерью Мадлен. Здесь же находился белокурый человек в очках, вступивший с нами в разговор на русском языке. Это был Жан Колярдо (так он записал по-русски свое имя в мою записную книжку), работник местного автотранспорта. Хозяин дома хотел угостить нас вином собственного производства. Он пригласил нас в погреб, где вдоль стены стояли бочки. Произнес тост за дружбу между нашими народами.

— Я окончил литературный факультет Дижонского университета,— говорил Жан Колярдо.— Там есть кафедра русского языка. Желающих изучать русский язык у нас очень много.

— Удается ли вам читать книги современных советских писателей?

— Еще бы!.. Я люблю русскую литературу. Большое счастье — читать книги в оригинале. Я очень люблю Михаила Шолохова, Бориса Полевого... Шолохов меня увлекает своей многосторонностью показа людей... Григорий Мелехов, Аксинья — вершины творчества...

Жан Колярдо говорил медленно, но с удивительно точным произношением.

На другой день, согласно приглашению, мы отправились на завтрак к канонику Киру. Он вышел из мэрии и направился через площадь в один из маленьких ресторанов.

Мы удивились легкости, с какой 86-летний мэр города Дижона шел по площади.

Во время завтрака, когда кто-то из нас попросил минеральной воды, Кир строго покосился и сказал:

— Когда на столе стоит вино, да еще такое отличное, как «Монраше», просить воды?

За столом он рекомендовал то одно, то другое блюдо.

— Вот сыр эпуас. Наш местный, дижонский сыр. Лучший во Франции. Побывать в Дижоне и не попробовать сыра эпуас нельзя. Он из цельного молока, его особенность — однородность корочки и середины. Мы его даже не стремимся рекламировать, все равно не сумели бы удовлетворить все запросы...

Видно было, что наш хозяин очень любит свой город. В конце завтрака он сказал:

— Я уже говорил, что очень люблю вашу страну, героизм русских людей. Мое сердце всегда с вами. Я об этом говорил господину Хрущеву. Я много думал о его роли в мире. Она огромна. Мне он напоминает машиниста, который ведет поезд. В этом поезде много пассажиров, и все они разные. Но поезд должен идти. И невозможно ожидать, чтобы все пассажиры были одного мнения. Если заняться поименным опросом, поезд никогда не уйдет. Машинист должен вести поезд. Я всегда буду с господином Хрущевым рука об руку в его борьбе за мир. И я обязательно приеду в Москву.

...Прощаясь, мы попросили каноника Кира написать несколько слов читателям нашего журнала. Присев к столику, он написал: «Выражаю чувство моей самой сердечной дружбы представителям великой нации».

* * *

Уже позже, находясь в Ницце, мы узнали о том, что каноник Кир снова избран мэром города Дижона.

ЖАРКИМ ДНЕМ

Фото В. Руйковича.

КАРДИОГРАММА СТРАНЫ

Забавные штуки выкидывает нынче время. Попробуй мы несколько дней назад на Центральном телеграфе в Москве кому-нибудь задать вопрос: «Где нам посмотреть телеграммы, которые пришли на имя Титова?» — нас, пожалуй, сочли бы сумасшедшими, а сейчас точно сказали, куда пойти и к кому обратиться. За день — да что там за день! — за час, наверное, эта фамилия облетела всю планету быстрее, чем летел сам космонавт вокруг земного шара.

Первый визит — в цех городских связей. Нам подают катушку телеграфной ленты.

Обычная бумажная лента, таких, наверное, сотни выскальзывают ежедневно из аппаратов на Центральном телеграфе. Прочтешь такую — и узнаешь, чем живет страна: какой стройке что-то забыли отгрузить поставщики, кто заболел и кто вышел замуж, кто досрочно выполнил план и кому не хватило денег на курорте. Хочется назвать эту ленту кардиограммой страны.

Мы прочли метров двадцать телеграфной ленты. Кто-то сообщал кому-то, что тысяча рублей выслана. Кто-то поздравлял кого-то с днем рождения. Остальные десятки телеграмм были адресованы космонавту Титову. Кардиограмма свидетельствовала, что сердце страны бьется радостно, что оно переполнено гордостью. Экипаж коммунистического труда гидрографического судна шлет свои горячие поздравления из Арктики. Горьковские фармацевты желают смелому космонавту здоровья и долгих лет жизни. Рязанские медики — того же. Севастопольские пионеры приглашают в гости.

— Ой, сегодня работы уйма! — говорит телеграфистка Зоя Введенская. — Перед Новым годом, наверное, меньше бывает. В воскресенье я как раз работала. Жарко было. Окна открыли. И вдруг — с улицы Горького слышим голос Левитана. Подбежали к окнам — не вытерпели. Поругали нас за это немножко. Дисциплина есть дисциплина. Но разве можно такое не послушать! А через час пошли телеграммы: Титову, Титову...

В соседнем цехе мы увидели знакомое лицо Германа Титова. Он улыбался нам с аппаратов, которые передавали изображение героя за сотни и тысячи километров от Москвы. Эту улыбку уже приняли в Красноярске и Вашингтоне, ей аплодировала Гавана, ее изучал Лондон, она растрогала Барнаул.

Начальник смены коммунистического труда в цехе фототелеграфных связей Галина Аркадьевна Трапезникова и оператор Людмила Сгибнева разбирали только что поступившие фотографии космонавта. В шлеме и с книгой, в военной форме и в штатском костюме — везде он один и тот же, этот замечательный русский парень. Везде улыбается.

В том же здании, что и телеграф, находится международный телефонный переговорный пункт. Большой зал был пуст, но чувствовалось, что совсем недавно иностранные журналисты здесь поработали на славу. В углу на круглом столике среди вороха газет стояла пишущая машинка с латинским шрифтом, а рядом портативный приемник. Все понятно: нельзя было терять ни минуты, весь мир с нетерпением ждал каждой новой вести из Москвы.

Над входом в Центральный телеграф вертится большой глобус. Медленно проплывают моря и континенты. Быть может, именно такими видел их из своего корабля Герман Титов. Сегодня глобус почему-то не вертится, словно земной шар застыл, пораженный еще одним невиданным подвигом Человека.

О. КУПРИН

Портрет космонавта передает Москва — принимает Гавана.

Космонавты Герман Титов и Юрий Гагарин.

Фото М. Савина.

Вернулся!

Прошло меньше четырех месяцев, а точнее, 116 дней со дня первого успешного полета человека в космос, и вот на командном пункте советской космонавтики снова несут ответственную, историческую вахту.

В космосе — советский пилот майор Герман Титов. Космический корабль «Восток-2» уверенно вышел на расчетную орбиту и делает один за другим стремительные обороты вокруг Земли. Здесь, на командном пункте, специалисты именуют эти космические обороты ласково, уменьшительным словом «виток». Если вспомнить, что один такой оборот вокруг Земли равен расстоянию свыше 40 тысяч километров, то нетрудно себе представить, какой грандиозный путь прошла наша отечественная техника от первого витка русского летчика Нестерова до космического витка пилота Германа Титова.

Каждый виток занимал примерно полтора часа. Для нас, на Земле, это лишь шестнадцатая часть суток. А там, в космосе, где кончается земной воздух, которым мы дышим, и где ослабевает сила земного притяжения, за это короткое время для корабля происходит полная смена дня и ночи. Сделав семнадцать витков, космонавт, образно говоря, прибавил к своей земной жизни шестнадцать космических суток. Семнадцать раз он видел восход солнца над гигантским голубоватым глобусом Земли, и семнадцать раз ночь обрушивала на него свою черную бездну. Но Земля, далекая и родная, всегда рядом. Она глядела на своего сына материками и океанами, мерцающей россыпью ночных огней. Космонавт слышал голоса товарищей, музыка земных радиостанций была его постоянной спутницей. Мы знаем, он в небе был спокоен, а мы на Земле волновались за него...

И вот мы в районе приземления космического корабля «Восток-2». Приземление — самый сложный и трудный момент космического рейса. Свободный полет прекращается. Включаются тормозные двигатели, и корабль начинает снижаться, входя в плотные слои атмосферы. При посадке важно добиться минимальной скорости снижения, уменьшить нагрузку, или, как говорят специалисты, перегрузку, на организм космонавта. Поэтому снижение с высоты порядка 250 километров и при скорости 28 тысяч километров в час начинается по крайней мере за 8 тысяч километров от места посадки. Но и это не все. Корабль нужно посадить точно в заданном месте.

Все хорошо помнят, как точно сработала система управления космического корабля во время полета Юрия Гагарина. Но тогда ведь корабль сделал только один виток и прошел лишь 40 тысяч километров. «Восток-2» сделал в свободном полете целых 17 витков и прошел путь свыше 700 тысяч километров, путь, почти равный удвоенному расстоянию от Земли до Луны. Представьте себе, как усложнилась задача при посадке!

9 часов утра 7 августа. Последний, заключительный виток. В районе приземления все готово.

Самолеты, вертолеты, автомашины всех марок и назначений. На всякий случай ничто не помешает. Но «господину случаю» на этот раз пришлось остаться без дела. То, что произошло в действительности, походило на демонстрацию точности великолепного научно-технического механизма.

В 10 часов 14 минут в небе, еще не совсем очистившемся от утренней августовской дымки, над районом приземления появился космический корабль. Несколько минут спустя Герман Титов уже твердо стоял на родной земле.

Кругом — колхозные поля. Где-то здесь, рядом, высится монумент, сооруженный на месте приземления его друга — Юрия Гагарина.

К космонавту бегут люди. «Я Герман Титов», — произносит молодой человек в голубом комбинезоне. Но представляться не нужно. Каждый торопится обнять и поздравить героя.

Вот как описывает свою встречу с космонавтом техник Александр Воробьев:

— Я один из очевидцев того момента, когда космонавт вернулся на Землю. Вздохнул глубоко, посмотрел кругом. «Здравствуйте, — говорит, — я Герман Титов», — а я уже его обнимаю. Тут и другие подбегают. Все обнимают Германа и спрашивают, как самочувствие. «Отличное», — отвечает пилот.

И вот он среди нас, победитель космоса — советский гражданин Герман Степанович Титов. Открытое, улыбающееся лицо, смеющиеся глаза, видевшие смену дня и ночи в стремительном полете вокруг нашей планеты. Я узнаю это лицо. Помните в книжке Гагарина «Дорога в космос»:

«Космонавт Два сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого, задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

Теперь мы знаем: Герман Титов прекрасно справился с ответственным заданием Родины.

Нам не удается долго беседовать с космонавтом. Он попадает в руки врачей. Каждая деталь, каждое показание являются драгоценным приобретением для медицины, для всей мировой науки.

Толпа собравшихся растет с каждой минутой. Тут и трактористы и комбайнеры. Бегут гурьбой сельские ребятишки. Смеющиеся девушки с охапками цветов.

Космонавт поднимается по ступенькам самолета, поворачивается к сотням людей, окруживших его, и говорит:

— Товарищи, полет прошел хорошо. Ну, что я могу еще сказать? Чувствую себя отлично, постарался как можно лучше выполнить задание Родины.

С. БЕГЛОВ,
специальный корреспондент агентства печати «Новости» (АПН).

Ми позивні почули знов

Володимир СОСЮРА

Ми позивні почули знов,
і пісня щастя з серця лине...
Вже не Гагарін, а Титов
в безодні простори полинув.

Летить ракета круг Землі,
і в льоті їй нема упину.
Новий герой в космічній млі
Радянську славить Батьківщину.

Так наша воля огнекрила
летить вперед в потоці літ...
О ні, нема такої сили,
щоб зупинити цей політ!

←
НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ.
Фото Л. Раскина.

1940 год. Александра Михайловна Титова с маленьким Герой.

С трех лет он начал учиться играть на мандолине отца.

1955 год. Герман, курсант авиационного училища, прибыл на побывку домой.

На обороте снимка надпись: «На память дорогим родителям от сына — будущего офицера-летчика».

Герман Степанович Титов с женой Тамарой Васильевной у памятника Чайковскому в Москве.

Герман Титов с женой за любимой книгой.

А. СТАРКОВ **Фото А. ГОСТЕВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

В ДОМ

Мы очень спешили. И все, от кого зависела скорость нашего продвижения на восток, словно догадывались, куда и к кому мы торопимся, и всячески помогали нам: через 10 часов после вылета из Москвы мы уже стучались в дверь небольшого дома на одной из улочек глубинного алтайского села Полковниково. Собственно, не стучались: дверь была открыта. Но войти в сени удалось не сразу: и сени и обе комнатушки были забиты людьми. Нетрудно догадаться по их оснащению — блокнотам, фотоаппаратам,— кто они. Журналисты.

Расспрашиваем родителей о сыне, просим показать его фотографии из семейного альбома. Как рос Герман? Каким был в детстве?

— А, обыкновенный мальчишка... Вот только ходить начинал как-то по-особому. Долгонько не ходил, огорчались мы, а потом побежал вдруг. Не пошел — побежал. Через комнату бегом, через сенцы тоже, и на порожек, не споткнулся, не упал... Будто крылышки у него сложенные были, а тут враз раскрылись...

Александра Михайловна не догадывается, как символично звучат для нас ее слова о крыльях.

— Степа,— говорит мужу,— ты бы рубаху переодел, мокрая ведь. Вон я сухую на стул повесила...

Степан Павлович бегал по дождю в совхозный сад, который у него под началом. Вообще-то он на пенсии, тридцать один год отучительствовал. Нынче его главная забота — сад. А там беда за бедой: дожди, сорняков гибель, дрозды малину обирают... Бегал туда, вымок. Все порывается сменить рубаху, да некогда: людей собралось много, всем хочется с ним поговорить — и никак не улучит минутки, так и ходит в мокром...

Кто-то крутит рычажки приемника. Треск, пощелкивание, разрывы. И вдруг сразу на всю комнату, на весь дом, на все Полковниково, на весь мир:

— Корабль «Восток-2» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Титовым Германом Степановичем...

Отец стоит сейчас, грузно прислонившись к печи, и рядом с ним мать, она прижалась лицом к плечу мужа, и рядом, по другую руку, их дочка Зимушка — ее зовут Земфира, но все называют Зима, Зимушка,— и слезы текут по их сразу побледневшим лицам. Все, кто в комнате, расступаются, чтобы пропустить семью к приемнику, но они недвижны, они молча слушают, они плачут. И в этих их тихих слезах великая радость и великая тревога. Никто из нас не решается раскрыть блокнота, никто не решается фотографировать их в эту минуту... А потом возгласы восхищения, объятия, поцелуи, пожимания рук. А потом они втроем садятся, обнявшись, к приемнику и уже долго-долго не поднимаются.

Мы выходим в сад. Мы ходим по мокрой от только что прошедшего дождя траве с корреспондентом «Известий», и он рассказывает мне удивительную историю.

33 года назад корреспондент «Известий» той поры приезжал сюда, в Косихинский район, в коммуну «Майское утро». Эту коммуну образовали в трудном 1920 году несколько крестьян-бедняков из окрестных деревень. Они свезли свои семьи на совершенно пустое место, построили жилье и повели новую жизнь. Среди них, первых коммунаров, были оба деда космонавта: Павел Иванович Титов и Михаил Алексеевич Носов. Коммунары хотели, чтобы их дети учились в школе, построенной на новых, революционных основах. Для этого они пригласили учителя Топорова Адриана Митрофановича, человека, о котором еще напишут книгу, замечательного сельского просветителя, искателя, правдолюба. У таких всегда есть враги, были они и у Топорова. Его травили, обвиняя в наисмертнейших грехах, сживали, словом, со света. Но вокруг него сплотилась уже крепкая когорта его учеников, которых он обучал в коммуне с первого класса и которые сами стали здесь учителями. Находился в этой когорте и Степан Титов, которому шел девятнадцатый год. Вместе с друзьями он боролся против врагов Топорова. Об этой борьбе узнали «Известия» и послали в «Майское утро» своего корреспондента. Появилась статья в защиту учителя-революционера. И вот теперь, через 33 года, сюда снова приехал корреспондент «Известий». Приехал, чтобы собрать материал о космонавте Германе Титове, который учился в школе, созданной и выпестованной Топоровым, в школе, где долгие годы преподавал русский язык и литературу Степан Павлович Титов. Мне кажется, в этом факте есть что-то очень большое, очень хорошее!

В дом все идут и идут люди. Прибежал посыльный из конторы совхоза: Степана Павловича вызывает к телефону Москва. Он выходит из дому, на нем новая, очень красивая, расшитая узорами рубашка. Хочет застегнуть верхнюю пуговичку, а она, проклятая, выскальзывает. Отцу помогает Зимушка — у нее пальцы потоньше и нервишки покрепче.

Москва, позвавшая к телефону,— это союзное радио, которое хочет, чтобы голос отца космонавта услышала вся страна. Но это не так-то просто. Связь между Москвой и летящим сейчас в космосе майором лучше, надежней, чем между Москвой и селом Полковниково. Плохо, очень плохо слышно.

— Да, да, это Титов... Я и есть! Отец Германа... да, да, Степановича. Лучше слышу, лучше! Я вас понял. Большое спасибо! Жду, жду, терпеливо жду... Опять понял. Пожалуйста. Что я могу сказать? Весьма польщен тем, что мой сын достойно служит своему народу, что ему доверен такой подвиг... О сыне? Сын был всегда весьма послушен. У нас никогда не было с ним столкновений. В нашей семье сформировалась своеобразная система воспитания. Мы с женой никогда не мешали друг другу в воспитании детей. Видимо, это отразилось на характере сына. То, что мы задумывали с женой, он всегда поддерживал, он как бы сам участвовал в собственном воспитании. Что, что? Пожалуйста, громче. Понял. С удовольствием обращусь к сыну... Дорогой сын! Со мной рядом твоя мама, твоя сестричка. Мы бесконечно рады, что ты стал таким. Я всегда верил в тебя. Счастливого тебе рейса в космосе! Мама, я, Зимушка — все желают тебе благополучного приземления, сынок!..

Потом митинг. За трибуной над клубом плакат: «Честь и слава нашему земляку Герману Степановичу Титову».

Обычно все плакаты пишет тут Степан Павлович, руководитель двух клубных кружков: музыкального и художественного. Но этот написал кто-то из его учеников... В центре площадки — белый обе-

Разговор с Москвой.

Е ТИТОВЫХ

лиск, памятник павшим в гражданскую войну и в борьбе с кулаками. Здесь вместе с другими лежит Яков Голиков, секретарь партийной ячейки, которого застрелили кулаки через окно, когда он вел собрание ячейки. Это помнят старики, это помнит старик Полушкин Игнатий Петрович, взявший первое слово на митинге. Он бывший коммунар, колхозный старожил.

— Сколько бед приняли! А теперь вот, гляди-ка, летит наш парень и со всем миром разговаривает!

Говорит Ирина Алексеевна Махова, ученица Титова-старшего и учительница Титова-младшего.

Говорит Николай Круглов, соклассник, как он сказал, Германа.

Говорит Степан Павлович... Я не записал его речи, я заслушался. Он говорит красиво, образно, умно, как может говорить человек очень образованный, много читавший, много видевший, настоящий интеллигент, к тому же еще и взволнованный до глубины души.

И снова мы в доме у Титовых.

Несут телеграммы. Первая в пачке — с Украины: «Счастлив знакомством с Вами, воспитавшим героя, который совершает сейчас космический подвиг. Юрий Гагарин, Герман Титов — лучшие питомцы таких неутомимых тружеников и честных людей, как Вы. Топоров».

И как вы, Адриан Митрофанович!

...А он все летит, сын. И мать следит за его полетом так же, как она следила за его первыми шагами, когда он «враз побежал» через комнату, через сенцы, на порожек... А сейчас она следит за оборотами его корабля вокруг земного шара!

Вот третий виток... «Пообедал, самочувствие отличное...» Покушал, сынок. Может, припасена у него там и баночка со смородиновым вареньем, которую она послала ему недавно в Москву... Он уже в пятом витке... Послал приветствие народам Азии, над которой пролетел, поздоровался с австралийцами, а в прошлых оборотах — с Африкой, с Южной Америкой. Он всегда был обходительный, вежливый! Шестой оборот, седьмой... Передали, что видели его в телевизор, улыбается. Хоть бы одним глазком увидеть его. Где-то ведь близко пролетел — над Новосибирском. Иль услышать. «На борту порядок...» Так это он и говорит, это его голос! Но и голоса мало. Самого бы обнять, прижать к груди!

В комнату вошла еще одна мать, мать Степана, бабушка Германа, Анна Ивановна, коммунарка, вдова. Она живет в другом районе, услышала радио, поспешила к Степану, к его семье. Высокая, прямая, в белом платке, вошла, поцеловала сноху, села с ней рядом.

— Не тревожься, Александра,— сказала.— Первый летел, все недостатки нашему указал... И все будет исполнено! Ты знаешь титовскую породу. Твердой ногой на земле стоять. И не колыбаться!

Седьмой оборот... «Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать».

— Слышишь, Шура? — сказал Степан Павлович.— Он спать ложится. Ложись-ка и ты, отдохни.

— Не засну, Степа.

— Ну, приляг, приляг, вздремни! Я в контору сбегаю, вернусь, тоже лягу.

...Утром я их увидел возле дома, в саду. Они возились около кустов малины, тихо переговаривались. Сын их проделал уже десять витков вокруг «шарика». И при этом поспал. А они и глаз не прикрывали.

— Когда дети в космосе, родители не спят...— сказал мне Степан Павлович.

...Теперь их сын на земле.

ОТАНГГЕ РАХМАТ!

Хамракул ТУРСУНКУЛОВ,
трижды Герой Социалистического Труда

Нет слов, чтобы выразить восхищение подвигом нашего нового космонавта, «Отангге рахмат!» («Вот молодец!») — говорят в таких случаях узбеки. В буквальном переводе это выражение означает: спасибо твоему отцу. И я говорю сегодня: спасибо Степану Павловичу, простому русскому учителю, вырастившему славного, бесстрашного сокола, верного сына нашей партии и народа.

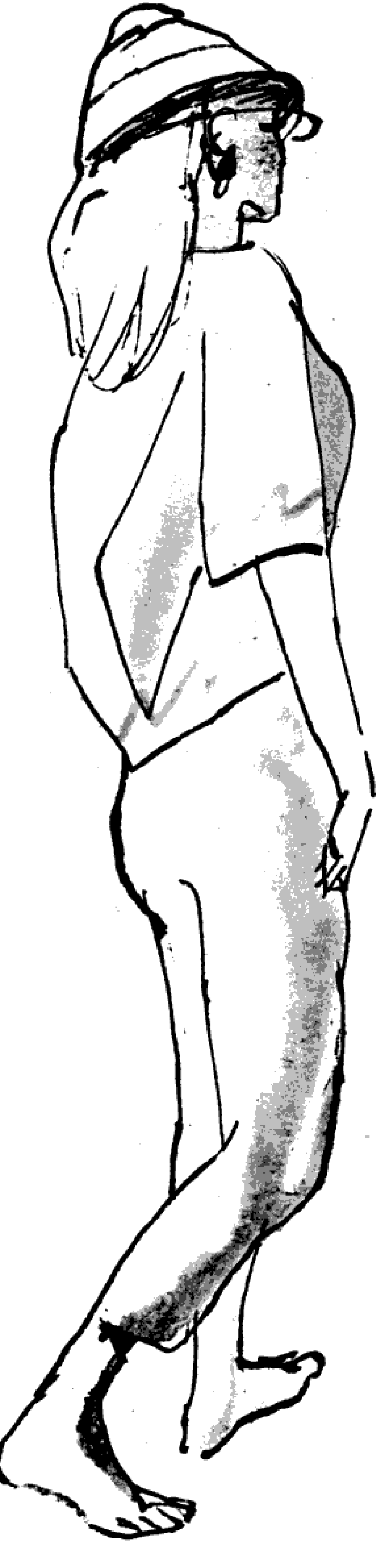
С. П. Титов со своей матерью Анной Ивановной Титовой, бабушкой космонавта.

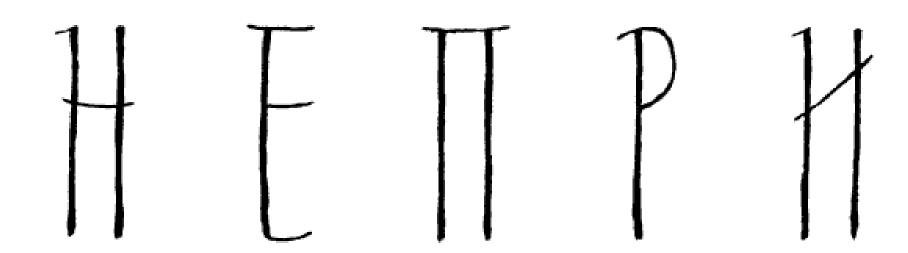

Семья Титовых с односельчанами.

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Глава пятая

Вокруг дома заросли сорняков, глыбы спекшегося цемента и плешины голой земли. Гай тяпкой обрабатывает возделанный им около дома огород; возле скал посажены цветы; завалившийся забор починен, и свежая травка поливается из парусинового рукава. Гай рыхлит землю на грядках со всходами овощей, с подбородка у него капает пот. Гудение в небе заставляет его поднять голову. Звук нарастает. Гай, задрав голову, медленно поворачивается.

На пороге появляется Розалин; она идет к нему, неся графин с лимонадом и стакан. Гул самолета приближается, и, когда Розалин подходит к Гаю, над домом, гудя и покачивая крыльями, пролетает маленький биплан. Гай кричит: «Гвидо!», — и машет. Самолет делает крутой вираж над склоном, Розалин машет ему тоже. Самолет исчезает из виду.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31, 32.

Розалин. Куда это он летит?

Гай. Т-с-с! — Прислушивается. Она смотрит на него с удивлением.— Он, может быть, сядет тут, рядом. Здесь есть такое местечко.— Они слушают. Тишина.— Видно, нет. Наверно, просто хотел поздороваться.

— На, выпей лимонаду.

— Спасибо.— Он берет лимонад и пьет, а она присаживается на камень.

— А что он делает? Просто летает?

Он отдает ей пустой стакан и вытаскивает занозу у себя из ладони.

— Наверно, охотится за орлами. Хозяева ранчо иногда нанимают Гвидо стрелять орлов.

— Зачем?

— Они губят много ягнят. Платят пятьдесят монет за птицу. Приятная работа.

— А почему он никогда к нам не заглянет? Надеюсь, он на меня не в обиде?

— Нет. Женщины не больно-то его занимают. Верно, валялся и читал свои дурацкие книжки, вот и все.

Снова принимается рыхлить почву. Примостившись на камне, она словно вместе с солнцем и землей наблюдает за ним, следит, как его мотыга оживляет землю вокруг растений. Он чувствует, как ей дорого его умение, и подмигивает ей.

Улыбнувшись, она отводит глаза.

— Ты мне нравишься, Гай.

— Вот это приятная новость.

— А я тебе нравлюсь?

— Видишь ли, солнце палит, как огонь, а я копаю землю в первый раз с тех пор, как был десятилетним мальчишкой,— стало быть, ты мне очень нравишься!

Она протягивает руку и дотрагивается до растения.

— Я ведь никогда не видела, как что-нибудь растет. Какие крохотные зернышки, а ведь знают, что им суждено стать салатом!

— Чего только ты не скажешь! Просто удивительно!

Они тихонько смеются. Он работает. Она теперь глядит уже мимо него, на далекие холмы. Она почти счастлива и знает, что может быть совсем счастлива, но что-то ее точит, и она прислушивается к этому беспокойству в себе.

— В Чикаго всем постоянно некогда...

Он поднимает на нее глаза, не совсем понимая, что она хочет этим сказать, но не чувствует в ее словах никакой враждебности и пропускает их мимо ушей.

— Ты когда-нибудь скучаешь по детям?

Минуту он работает молча — в этом, может быть, сдержанность или тяжелые воспоминания. Она хочет переменить тему, но он говорит:

— Я их вижу раза два в год. Они приезжают всякий раз, когда я участвую в родео. Я кидаю лассо.— Он продолжает работать, потом наклоняется, поднимает камень и отбрасывает его в сторону.— Да, я по ним скучаю. Еще бы!

— Ты им должен нравиться.

— По-моему, да. Дочь у меня уже почти такая, как ты. Ты какой носишь размер? Сорок два?

— Ага.

— И она тоже. Я на рождество купил ей платье сорок второго размера.

Она легко, без усилия вскакивает и подходит к нему; движения ее настолько порывисты, что он удивлен. Она обнимает его и горячо целует. Лицо у нее очень серьезное, почти страдальческое. Он роняет мотыгу. Розалин видит, что он в недоумении.

— Работай.— Она отходит от него и снова садится на камень. Он опять принимается мотыжить грядку.— А что у вас случилось, ты просто разлюбил жену?

Воспоминания еще очень живы, и рассказывать ему как-то неловко.

— Видишь ли... Я раз пришел домой и застал ее в машине с одним парнем. Оказалось к тому же, что это мой старый друг. Даже двоюродный брат.

— Фу ты! И ты никогда раньше ничего не замечал?

Краска заливает его лицо:

— Господи, конечно, нет! В те времена я считал, что если уж ты женился, значит, так и живи. Но, видать, этого не бывает, чтобы навсегда.

— Вот и я к этому не могла привыкнуть — что все меняется, да?

Гай смотрит на нее, опершись на мотыгу.

— Тебя тоже здорово надували, правда?

Со стыдом, но без всякой жалости к себе она шепчет:

— Да.

— Ну что ж, поглядим, не будет ли на этот раз иначе. Ты никуда не уедешь?

— Я же здесь.

— Ну вот, пока давай так и оставим. Ладно?

— Ах ты, мой милый! Ты на меня даже не рассердился.

Она снова его быстро целует, а потом, чувствуя безмерное облегчение, словно ее помиловали и признали, она сжимает руками лицо и смотрит на небо — всем телом она тянется к нему.

— Ах, до чего же я люблю этот край!

Она смеется над собой, а он от удивления тоже улыбается. Розалин поднимает мотыгу и подает ему, словно боится, что в нем произойдет какая-то перемена и он уже не будет таким, как был.

— На. Я люблю смотреть, как мужчина работает в своем доме.

Но он что-то заметил у себя под ногами. Нагибается и внимательно рассматривает растение.

— Что это тут у нас?

Расправляет листья объеденного салата. Разглядывает остальные кустики и видит на грядке несколько попорченных листьев. Вглядывается в густые заросли, окаймляющие участок.

— Старый бродяга, заяц! Ну, я ему задам!— Бросает мотыгу и направляется к своей машине, возле дома, крича на ходу: — Маргарет! Иди-ка сюда!

Из-за угла выходит собака, она взволнована и готова к охоте. Гай подходит к «пикапу» и достает из-под сиденья охотничье ружье, потом пригоршню патронов. Когда он заряжает ружье, к нему подходит Розалин, держа в руках графин с лимонадом. Она пытается улыбаться, но явно встревожена.

— Может, они больше не будут ничего грызть?

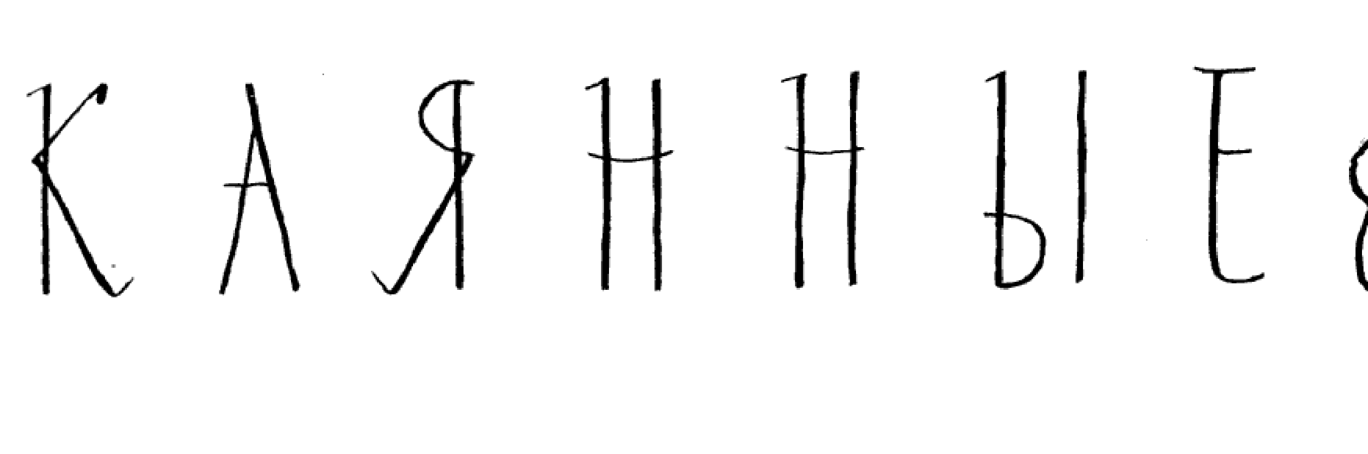
Гай возится с ружьем; в охотничьем азарте он бегло ей объясняет:

— Ну нет, мадам! Раз они напали на этот сад, тут уж одно из двух: мы или они. Не то к концу недели у нас ничего не останется.

Идет мимо нее с ружьем. Она дотрагивается до его руки. Пытается совладать со своим волнением, от этого голос у нее становится звонче:

— А нельзя подождать еще денек? Давай посмотрим... Я не выношу, когда убивают, Гай.

— Золотко, ведь это только заяц!

— Но он живой, и.. он ведь не понимает, что виноват, правда?

— Иди-ка ты в дом и дай мне...

Она хватает его за руку — ее упорство удивляет его.

— Прошу тебя, Гай, пожалуйста! Я знаю, как тебе тяжело досталось...

— Да уж, черт возьми, тяжело! — Он сердито показывает на огород и пытается пошутить: — Я в жизни ни для кого этого не делал! И уж, во всяком случае, не для какого-то лупоглазого зайца!

Он идет в огород, собака, дрожа от предвкушения охоты, бежит следом. Розалин хочет уйти в дом, но что-то толкает ее за ним... Уже тяжело дыша, от чего в графине с лимонадом позвякивают кусочки льда, она зовет:

— Гай, послушай...

Гай оборачивается к ней с улыбкой, но глаза у него колючие.

— Ступай, пожалуйста, в дом и не дури!

— Я не дурю!

Он делает еще шаг, но она кричит:

— Ты меня не уважаешь!

Гай оборачивается, вдруг придя в ярость, весь красный.

Теперь она его умоляет:

— Гай, я не люблю салат!

— Да, но я его люблю! Где же твое уважение к человеку?

Шум, который слышится за домом, вынуждает их обернуться. Гай делает несколько шагов в сторону, но на дорожке, которая вьется вверх по холму за домом, появляется Гвидо. Он поддерживает под руку Изабеллу. Рука у нее больше не на перевязи, но еще забинтована.

Розалин бежит ей навстречу с радостным облегчением.

— Изабелла, Гвидо, здравствуйте!

Изабелла. Деточка!

Женщины обнимаются. Гай подходит и пожимает руку Гвидо, довольный его приездом.

— Как живешь, дружище? Мы не слышали, как ты садился.

Изабелла слегка отстранила Розалин, чтобы получше ее разглядеть.

— Ого, вид у вас превосходный!

Гвидо поглядывает на свои владения и выходит вперед, чтобы рассмотреть их получше.

— Я, кажется, не туда попал.— Голос его дрогнул, и он неестественно захихикал.

Розалин необычайно с ним приветлива. Гвидо взволнован тем, что видит, хоть и не высказывает этого.

— А какой у нас огород! — Розалин оборачивается к Гаю, хочет втянуть его в разговор и показать, что он здесь главный.— Это все Гай. Целая неделя ушла у него только на то, чтобы перекопать эту землю.

Гай подходит к ней и теперь, когда чувство ее к нему вернулось, обнимает ее за талию. Она продолжает с иронией, но все же гордо:

— Да, еще скосил траву и посадил цветы. Даже рамы подстругал, чтобы окна открывались, а камин больше не дымит!

Гвидо переводит взгляд с Гая на Розалин — в глазах у него какая-то обида на них обоих; и в то же время он смотрит мимо вдаль, словно что-то там видит.

— Розалин,— говорит он,— вы колдунья. Единственная услуга, которую этот парень мог оказать женщине,— это достать лед из холодильника.

Все смеются, стараясь его развеселить. Розалин тащит его за руку и показывает садовую мебель.

— Смотрите, мы купили стулья! Пойдем, сядем.

Гай преграждает им путь:

— Давай покажем ему, как у нас стало внутри. Вот увидишь! Я столько раз перетаскивал с места на место мебель, что у меня уши стали длинные, как у вьючного мула.

Они с Гвидо подходят к двери. Розалин с Изабеллой идут сзади. Мужчины переступают порог.

Изабелла. Детка, как вы прелестно выглядите! Вы, я вижу, нашли свое место?

Розалин хочет побороть свою неуверенность, но не знает, как это сделать, и, в конце концов, просто обнимает Изабеллу:

— Я так рада, что вы приехали! Смотрите, теперь у нас есть ступенька.

Помогает Изабелле подняться. Та с изумлением смотрит на цветочную клумбу у входа.

— Осторожно руку, как она у вас?

— Еще слабенькая, как крыло у птицы, но...— Войдя в гостиную, умолкает.— Боже ты мой!

Гвидо и Изабелла разглядывают комнату. Обнаженные стояки завешены индейскими одеялами; на столах и подоконниках расставлены полевые цветы; мебель передвинута, вычищена; на окнах, где больше нет ни пыли, ни паутины, повешены занавески; камин сверкает белизной. В комнате царит домашний уют.

Глаза Изабеллы наполняются слезами.

— Ну и ну! Ха! Да это просто волшебство!

Смотрит на Розалин, потом обращается к Гаю чуть ли не с упреком:

— Надеюсь, вы поняли, что жизнь наконец-то свела вас с настоящей женщиной! — Внезапно обнимает Розалин: — Ах ты, моя детка!

— Пойдем посмотрим спальню. Идемте, Гвидо.— Розалин тащит их обоих в спальню.— Надеюсь, вы не возражаете, что мы тут кое-что переставили...

Гай с непривычным волнением достает из холодильника ледяные кубики. Розалин, Гвидо и Изабелла входят в спальню; там тоже все изменилось: яркие занавески, свежая краска, ковер на полу, на стенах репродукции с изображением цветов, туалетный стол, яркое покрывало на кровати. Гвидо оглядывается и смотрит на то место над кроватью, где прежде висела фотография, где он снят с покойной женой. Теперь там висит пейзаж Дальнего Запада.

Розалин видит, куда направлен его взгляд.

— Я поставила вашу фотографию в гостиной.

— Ага. Сделали стенной шкаф?

— Да. Это все Гай.

Она отворяет дверцу и показывает ему шкаф. Внутри приколото кнопками несколько ее фотографий. Это рекламные фото для витрины второразрядного кабаре, где она изображена в прозрачном трико, лежа на спине в каких-то невероятных позах. Гвидо краснеет, и тогда она понимает, что́ она ему показала.

— Не смотрите на эту чепуху! — говорит она, захлопывая дверь.

Он явно смущен за нее, растерян.

— Гай повесил их шутки ради. Пойдем. Давайте выпьем.

Она выпроваживает их в гостиную и отправляется на кухню за сыром и крекерами. Гай выходит навстречу, неся выпивку.

Лицо у Гвидо красное: он борется с обуревающей его завистью.

— Да, скажу, на этот раз тебе повезло.

Розалин весело кричит из кухни:

— Скорей садитесь! У меня замечательный

сыр. Ну до чего же приятно, когда приходят гости!

Они рассаживаются на кушетке и на стульях. Гвидо хочет сесть на кушетку, но Розалин к нему подбегает:

— Нет, садитесь в кресло! — И ведет его (он очень смущен) к самому внушительному креслу.— Ведь это же, наверно, было ваше место?

— По правде говоря, да. Я всегда занимался в этом кресле. Пока у меня еще было честолюбие.

Он сидит напряженно, как человек, который ждет удара.

Розалин опять выбегает на кухню.

— А вдруг в вас снова заговорит честолюбие, кто знает? Я сейчас подам вам сыр.

Приносит из кухни тарелку с сыром и показывает на свадебную фотографию Гвидо, стоящую на одном из столов.

— Я поставила вашу фотографию здесь. Не возражаете?

— Вы вообще могли ее убрать.

— Почему? Ведь это часть вашего дома, правда? — Ставит тарелку и садится рядом с Гвидо, берет бокал, который он ей налил. Теперь все наконец уселись.— Я хочу сказать, что дом все равно ваш. Возьмите, Изабелла, положите руку.

Вскакивает, берет диванную подушку и подкладывает под забинтованную руку Изабеллы.

— Не беспокойтесь обо мне, детка!

— Почему? Так ведь удобнее.

Розалин садится на кушетку рядом с Гаем. Гвидо говорит с неожиданной серьезностью:

— Послушайте, Розалин, я хочу вам что-то сказать.— На губах у него застыла напряженная и чуть-чуть униженная улыбка, которая придает его словам особую значительность.— Надеюсь, Гай, ты не обидишься, но я люблю эту женщину, так и знай.

По-хозяйски обняв Розалин за плечо, Гай улыбается.

— Что же, надо быть полоумным, чтобы ее не любить.

Гвидо смотрит прямо в глаза Розалин. Речь его звучит церемонно, не без жалости к себе и как-то угрожающе.

— Я провоевал четыре года, в два приема. У меня на счету пятьдесят боевых вылетов. И каждый раз, когда я возвращался на базу, я рисовал план этого дома. Но почему-то мне так и не удалось сделать его таким, каким я мечтал. А вот теперь он почти такой. Стоило вам, чужому человеку, появиться неизвестно откуда и войти в него, как все в нем посветлело. И вы-то, наверно, знаете почему.

Розалин, притихшая от неожиданной страстности его слов, шепчет:

— Почему?

— Потому, что вам дано умение жить, Розалин. Вы ведь очень хотите жить, правда?

Его беспощадная искренность сковывает им язык.

Р о з а л и н. А разве не все этого хотят?

Гвидо, кинув взгляд на фотографию:

— Нет, мне кажется, что большинство из нас... хочет забиться в нору и смотреть, как жизнь проходит мимо.

И з а б е л л а. Аминь.

Гвидо поднимает бокал и все так же торжественно:

— Выпьем за вашу жизнь, Розалин, и пусть ей не будет конца!

Она порывисто протягивает к нему свой бокал, и они чокаются.

— И за вашу. И за вашу, Изабелла.

Потом, чуть помедлив, добавляет:

— И за твою, Гай.

В глазах Гая что-то сверкнуло, он понял, что его слегка отстранили. Они пьют.

Розалин придвигается к Гаю.

— Но, знаете, все это сделал Гай.

— Ну да, и зайцам теперь здесь лафа,— смеется тот и только теперь обнимает ее за плечи.

Гвидо замечает эту безмолвную стычку, а потом примирение, делает вид, будто ничего не понял, но в тоне его звучит снисхождение:

— А ты теперь сможешь хоть ненадолго вырваться из этого рая и половить мустангов?

— Мустангов? — Глаза у Гая загорелись.— Вот это разговор. Ты был в горах?

— Утром туда заглянул. Правда, мельком. Приметил пятнадцать лошадей.

— Неплохо. Я бы, конечно, не прочь подержать в руке лассо. А ты как на это смотришь?

Изабелла поворачивается к Розалин и качает головой.

— Нет, не понять мне этих ковбоев. Помешаны на животных, а стоит выдаться свободной минуте, и они сразу бегом в горы — допекать бедных лошадей.— Невозмутимо: — И не стыдно вам?

Р о з а л и н. Каких лошадей?

Г а й. Обыкновенных, золотко. Невадских мустангов. В прежние времена их отправляли отсюда во все концы страны. Теперь уж их почти истребили.— Отворачивается к Гвидо.— Надо взять с собой еще одного человека.

— Сегодня родео в Дейтоне. Там наверняка кого-нибудь подберем.

— А что ж, это мысль! Розалин, ты когда-нибудь видела родео?

И з а б е л л а. Это вам надо посмотреть!

Р о з а л и н. Да, мне очень хочется. Если вы поедете с нами, Из.

— С удовольствием.

Розалин вскакивает с дивана.

— Сейчас оденусь! — Быстро взглянув на Гая: — Давайте сегодня повеселимся!

Г а й. Вот молодчина! Ну-ка, собирайся.

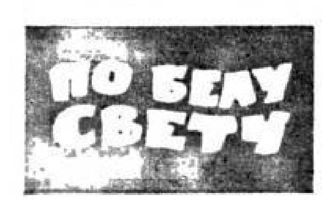
Он встает и легонько подталкивает ее к спальне, но когда она отходит, хватает ее за руку, и она снова оборачивается к нему — лицо ее согрето ощущением вернувшейся близости.

— Когда ты улыбаешься, словно солнышко всходит на небе.

Он ее отпускает, и она убегает в спальню.

Глава шестая

Машина въезжает на освещенное солнцем пустое шоссе. Все четверо пассажиров молчат. За рулем сидит Гай, он правит одной рукой, а другая лежит на ярком шелке платья Розалин, там, где оно свободно падает с ее бедра.

Коричневая новинка

Западногерманское издательство «Штутгартер дейче ферлагсанштальт» с благословения боннского правительства выбросило на книжный рынок ФРГ, и без того заваленный шовинистической и милитаристской литературой, еще одну новинку — «Вторую книгу Гитлера». В ней собраны рассуждения бесноватого фюрера по внешнеполитическим проблемам. Намерен ли Бонн рекомендовать новое издание в качестве пособия для средних школ, офицерских курсов бундесвера или как настольную книгу для чиновников дипломатического ведомства, не знаем. Но нам кажется, что для этой цели больше подходило бы другое: материалы Нюрнбергского процесса.

Торпеда-бумеранг

Австралийский военно-морской флот опробовал новое оружие — торпеду «Угорь», которая автоматически берет курс на работающие гребные винты корабля противника. Испытание едва не закончилось трагически: торпеда прошла некоторое расстояние, а затем повернула обратно и ударила по винтам торпедного катера, выпустившего ее. К счастью, торпеда-бумеранг не несла взрывного заряда.

Этот шлем практичнее...

Один из западногерманских политических деятелей выступил с предложением изъять из войсковых частей бундесвера шлемы американского образца и надеть на солдат шлемы времен гитлеровского вермахта, так как нынешний шлем «недостаточно хорошо прикрывает затылок солдат».

Что ж, учитывая опыт последней войны, замечание следует признать правильным: надо своевременно позаботиться о затылках бундесверовских вояк...

Мода с криком

Мода — дело совсем не простое. Для тех модниц, которые не обладают ножками Золушки, мучительно носить туфли с узкими носами. Некий мистер А. Джонсон из Техаса пришел на помощь американским модницам. Он делает им операции, удаляя часть большого пальца на ноге, после чего узкие туфли, как он уверяет, перестают жать. Журнал «Лайф» напечатал это сообщение под рубрикой «Приметы будущего».

«В интересах дела»

В лондонском суде шел процесс владельца бара «Рэймонд-Ревью», который обвинялся в демонстрации непристойных танцев. По требованию суда «в интересах лучшего ознакомления с делом» было организовано выступление девушек из «Рэймонд-Ревью», исполнивших свою обычную программу. На представление явился полный кворум чиновников, работающих в суде...

Позади них рассеянно щурится Гвидо.

— Обидно, что не заехал домой и не привел себя хоть немножко в порядок...— Щупает щетину на подбородке, поглядывая на аккуратно причесанные волосы Розалин.

Она к нему оборачивается.

— Зачем? Вы чудно выглядите, Гвидо. Правда, Из?

— Лучше многих, кого я знала.

Гвидо мрачновато улыбается.

— Из вас так и сыплются комплименты, Изабелла. Эй! Остановись! — Он хватает Гая за плечо, оборачиваясь назад.— Стой!

Гай тормозит, и Гвидо показывает рукой на бар и бензоколонку.

— Видишь там, возле телефонной будки? По-моему, это он, тот парнишка из Калифорнии. Давай задний ход!

Гай высовывает голову из окна.

— Какой парнишка?

— Да тот ковбой, как его? В прошлом году участвовал с тобой в Стинсонском родео.

— Пирс Хауленд? — кричит Гай и поспешно дает задний ход.

Пирс Хауленд сидит на седле, прислонившись спиной к стеклянной телефонной будке у края шоссе. Он оперся подбородком на руки и уставился в землю. Заметив подъезжающую задним ходом машину, сонно смотрит в ту сторону. Ему лет под тридцать, он ковбой, иначе говоря, птица перелетная, которая часто спит, не раздеваясь, в один день богатеет и разоряется, его чествуют в холлах маленьких гостиниц, хотя еще месяц назад его же оттуда выгоняли за бродяжничество. У него еще нет рваного уха, выбитых передних зубов и отупелого взгляда людей его ремесла, но лицо его уже зашивали и не раз сращивали переломанные кости.

При виде приближающейся по пустынному шоссе машины в глазах его появляется выжидательное выражение, надежда. В его удивительно мягких, нежных движениях какое-то мальчишеское простодушие, что уже само по себе — сила.

Когда машина останавливается и он в нее заглядывает через боковое стекло, на лице его расцветает широкая, довольная улыбка. Он встает и подходит к машине.

— Гай Ленгленд! Ах ты, старый ястреб!

Гай хлопает его по плечу.

— Ты что здесь сидишь?

— Я попросил подвезти меня на Дейтонское родео, но парень вдруг передумал и бросил меня на дороге. А, Летчик, как живешь? О господи, ну до чего же приятно видеть ваши поганые рожи!

Гай тянет Розалин поближе к окну.

— Познакомься с этим парнем, Розалин. Пирс Хауленд.

Она кивает.

Пирс снимает шляпу.

— Да, старый Гай у нас идет в гору! Как поживаете, мадам?

Неуклюже трясет ее руку. Он считает ее женщиной, приехавшей сюда разводиться,— одной из мимолетных привязанностей Гая.

Гвидо хочет познакомить его с Изабеллой, но в телефонной будке трещит звонок. Пирс поспешно направляется туда, на ходу старательно поправляя шляпу, будто в кабине кто-то его ждет.

— Извините, пожалуйста, я никак не мог дозвониться домой, меня все время соединяют со штатом Вайоминг!

Он входит в будку и притворяет за собой дверь.

— Алло, мамаша! Это я, Пирс.

Четверо в машине молча прислушиваются к приглушенному разговору. Но темперамент Пирса берет верх, и голос его достигает их ушей.

— Алло! Это ты? Это я, мамаша, Пирс. Все в порядке. Нет, я сейчас в Неваде. Я уже был в Колорадо. Выиграл в езде на быках. Сто долларов. Да, родео — что надо! Хотел купить тебе именинный подарок, но у меня сапоги прохудились. Нет, в больнице я не был с тех пор, как тебе говорил. Просто купил сапоги, вот и все.— С удивлением: — Какого черта я стану жениться? Я просто купил... — Не окончив фразу. — Почему бы тебе раз в жизни мне не поверить, ей-богу же, всем было бы легче! — Она явно его за что-то ругает. — Ладно, ладно, извини. — Пытаясь снова принять веселый тон: — Я выиграл серебряную пряжку. Кроме денег! — Подвигая пряжку на поясе поближе к телефонной трубке.— На ней скачет лошадь, и внизу мое имя полностью. Тебе приятно, а? — Улыбка гаснет на его лице, он трогает свои щеки.— Нет, нет, лицо у меня совсем зажило! Ты меня теперь сразу узнаешь! Ладно, дежурная, ладно! Мамаша? Кланяйся Фриде и Виктории, слышишь? — Молчание. Он, видно, получает строгое наставление, и выдержке его приходит конец. Отворяет дверь, чувствуя, что задыхается. Глаза ему жжет пот. — Ладно, ладно, кланяйся и ему тоже. Да нет, мамаша, я просто забыл, вот и все... Ладно, ладно, теперь передаю! — Почти взрываясь: — Ты же за него выходила замуж, а не я! Передай ему от меня привет. Может, позвоню на рождество... Алло! Алло! — Его разъединили, но он бурчит в трубку с волнением: — Дай и тебе бог здоровья!

Когда он выходит на дорожку, всю его мрачность как рукой снимает. Ему неловко, что он проявлял свои чувства перед посторонними людьми, и он смущенно ухмыляется, отирая лицо и качая головой.

— А вы часом не в Дейтон ли едете, на родео?

Гвидо. А что? Ты разве записался?

Пирс. Да, собираюсь, если меня кто-нибудь туда подвезет... И если смогу перехватить десятку, чтобы уплатить за участие. И если мне дадут взаймы лошадь, когда я туда попаду. — Смеется. — Видишь, как я здорово снарядился!

Гай. А ты не хотел бы половить с нами мустангов? Нам нужен третий.

Пирс. Эх, милый, да неужто ты до сих пор летаешь на своей жестянке?

Гвидо. Она куда вернее, чем твой конь.

Пирс. Но падать с нее куда дальше.

Розалин. Неужели у вас такой плохонький самолет?

Гай. Ты только, золотко, не начинай за него переживать!

Розалин (смеясь). Да я так просто спросила.

Гай (Пирсу и Гвидо). Если она начнет переживать, ее уж не уймешь, такой у нее характер!

Пирс удивлен, ему нравится ее пылкость.

— Да и не зря. Если бы вы видели, на чем он летает! Но я не знал, что тут еще водятся мустанги.

Гвидо. Я заприметил сегодня утром пятнадцать.

Гай (поспешно). Но их там может быть гораздо больше!

Пирс. А что вы получите за эти пятнадцать? — Смеется, сам не зная почему. — Вот если бы их была тысяча или вроде того,— тогда бы стоило мараться. Но тащиться туда наверх, чтобы взять пятнадцать лошадей... Смешная затея, а? Что-то она меня не греет.

Его душевность находит отклик у Розалин. По лицу ее видно, что она ему рада.

Гай. Но все лучше, чем где-то гнуть спину за жалованье, правда?

Пирс. Черт! Все на свете лучше, чем гнуть спину за жалованье.

Гай. Вот как мы сделаем: мы свезем тебя на родео, заплатим десять монет вступительных, и я достану тебе взаймы хорошую скотину. А завтра утром ты поедешь с нами и поможешь загонять мустангов.

Пирс, подумав минуту, добавляет:

— И вы тут же покупаете мне бутылку хорошего виски, чтобы я подбодрился для родео...

Гай. Ладно, обожди.— Шаря в кармане, направляется в бар.

Пирс поворачивается к Розалин. На лице его живейшее любопытство. Он никак не может определить, что она такое.

— Вы... давно знаете Гая?

— Довольно давно.

Он растерянно кивает, отворачивается, словно отчаявшись решить эту загадку, и идет за своим седлом, чтобы погрузить его в машину.

Продолжение следует

Перевели с английского
Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ.

Записки гримера

Владимир ЯКОВЛЕВ,
художник-гример киностудии «Мосфильм»

В последнее время в больших городах мы иногда встречаем на улицах или учреждениях, в магазинах, институтах загримированных женщин. Да, именно загримированных. Причем особенно обидно, что в большинстве своем это молодежь.

Смешно видеть молоденькую девушку, спешащую на работу в рабочем платье, с... толстым слоем грима на лице. Ее вид чужд всей деловой обстановке, чужд и ее собственному, наверное, миловидному, свежему личику. Так и хочется подвести за руку эту девицу к первому попавшемуся крану отмыть и пальцем погрозить — на будущее.

А ведь занимаются всем этим камуфляжем девушки в угоду моде, думая, что приобретают «современный» вид. Какое заблуждение! Еще в далекие-далекие времена первобытный человек, особенно первобытные женщины, достаточно умело украшали себя. К ушам они подвешивали раковины, а лицо раскрашивали разноцветными глинами — в соответствии с «модой» каменного века. У египтянок по правилам моды «до нашей эры» было принято оттенять глаза — подкрашивали веки зеленой краской из углекислой меди. То же самое модно сейчас на Западе, лишь краски добываются, надо полагать, более прогрессивным способом. Женщины Ассирии лакировали свои лица особым составом, который, подсыхая, превращался в блестящую твердую эмаль... Вообще-то все было: чернили копотью брови и ресницы, красили краской щеки и ногти, белились, золотили губы; мавританки выводили голубоватой краской узоры на лицах... Так что из истории косметики, при желании, можно еще черпать и черпать... Но стоит ли?

Не вспомнить ли лучше закон английского парламента, существовавший до последней четверти XVIII века, согласно которому брак мог быть расторгнут, если женщина румянами и белилами ввела мужа в заблуждение относительно своей природной красоты?!. Во всяком случае, если возвращаться к этому закону было бы жестоко, то вспоминать его иногда неплохо.

Моду сейчас на Западе «придумывают» на глаза, рты, ресницы; с носами пока хуже: трудно изменить. Сейчас «модно» выглядит, например, раскошенный разрез глаз — кошачий. И вот карандашом или кисточкой чертят от глаз к вискам палочки — и гордо вышагивают в таком виде по улицам на работу, в театр... Но ведь если от природы разрез глаз совсем иной, то этот грим только смешон.

Главный закон грима и в театре, и в кино, и в жизни один — грим не должен быть заметен! Иначе теряется всякий смысл и остается маска — грубая, вульгарная, отталкивающая.

Некоторых девушек, наверное, сбили с толку приезжавшие к нам в гости заграничные кинозвезды, которые с утра выходили из гостиницы в «полном гриме». Вблизи это очень некрасиво. Но ведь актрисы знали, что их будут в течение целого дня снимать фотокорреспонденты, кинооператоры... Актрисам приходилось выступать в больших кинозалах, где зритель сидел далеко. И в этом была какая-то логика. Ее вовсе нет в нелепом подражательстве.

Конечно, женщина должна следить за собой. Приглядитесь к снимкам, насколько обе девушки стали милее, когда привели себя в порядок и причесались к лицу. Но все обаяние, женственность, своеобразие уходят, как только женщины становятся вульгарной жертвой моды.

Впрочем, безропотное служение моде всегда нелепо. Сейчас носят высокие прически, и для круглолицых и не очень высоких женщин они очень милы. Но когда их делают женщины с продолговатым овалом лица да к тому же высокие, они себя уродуют. Становятся похожими на колокольню под куполом!

В некоторых странах на Западе в магазинах продаются резиновые губы, искусственные ресницы, ногти... Клейте, крепите, мажьте веки серебряной краской! И вы будете похожи на рекламу Голливуда! Что может быть «заманчивее»?!. Ну как тут не вспомнить давний закон английского парламента!..

Я очень люблю свою работу гримера. Мне интересно, прочитав сценарий, вместе с автором, режиссером, актером, придумывать, искать и создавать облик героя: ведь внешность всегда отражает характер, поэтому актеры говорят, что в хорошем, точно найденном гриме легче играть.

Вот так и в жизни — внешность обязательно отражает характер.

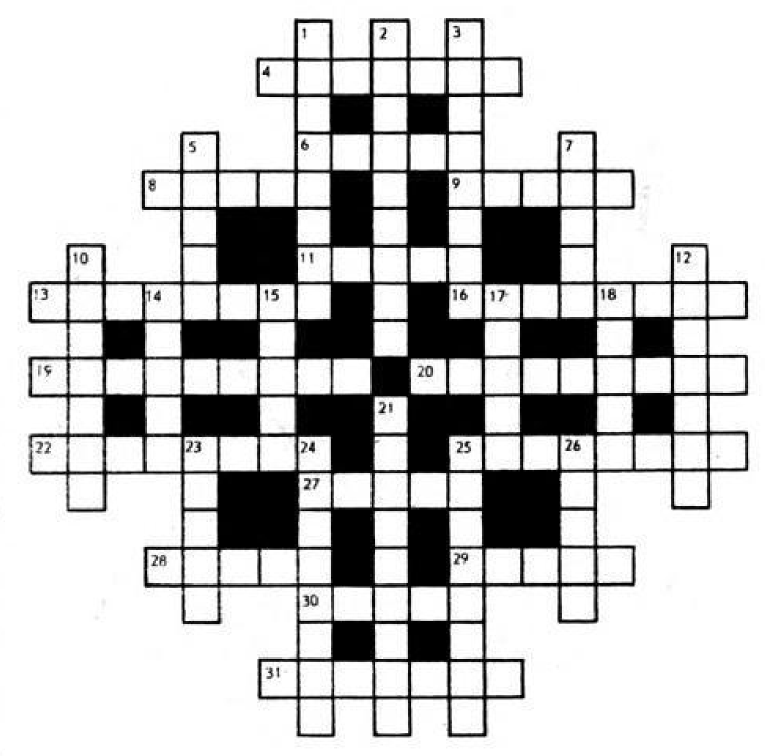
Конечно, мне, да и каждому человеку с нормальным вкусом, больше всего нравится тот самый «грим», который создает природа и добавляют вода и солнце. Но иногда природа скупится. А так как быть привлекательной хочет каждая женщина, то несколько «прокорректировать» дары природы порой не грех.

Почему, если брови, например, слишком широки, коротки или бледны, не улучшить их, коль скоро это украсит внешность. Но... очень плохо, если это сделает холодная рука ремесленника, которая быстро и безразлично на всех лицах вычерчивает одни и те же тоненькие палочки-брови, выпуская их по прейскуранту.

Наверное, даже те люди, которые никогда не изучали пластическую анатомию, могут заметить, что от рисунка бровей, от их движения во многом зависит выражение лица. Ведь лицевые — мимические — мышцы передают чувства человека. Я, конечно, не призываю устраивать экзамены по пластической анатомии посетительницам косметических кабинетов, но для тех, кто там работает, такой экзамен обязателен!

Да и женщинам, прежде чем совершить косметическую манипуляцию со своим лицом, надо присмотреться к нему и понять, что подходит к цвету волос, фигуре, манерам, одежде, а главное, ко всему облику. Тогда сохранится своеобразие и неповторимость этого облика. Человек будет выглядеть да и вести себя просто, естественно, а значит, мило и умно. И привлекать к себе внимание «лица не общим выраженьем»...

А во многих случаях можно и должно обходиться без всяких косметических гримов, ибо естественная прелесть и миловидность куда лучше искусственной «красоты». Во всем нужен вкус, а вкус — это культура.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Африканское государство 6. Река в Англии. 8. Художественное текстильное изделие. 9. Автор романа «Буря». 11. Экваториальное созвездие. 13. Музыкальный инструмент. 16. Город в Донбассе. 19. Глубоководная впадина Тихого океана. 20. Соразмерность. 22. Часть рыболовной снасти. 25. Декоративное обрамление окна. 27. Узкая дощечка, планка. 28. Устройство, закрепляющее обрабатываемые детали. 29. Учреждение для хранения старых документов. 30. Стихотворная форма. 31. Нападающий футбольной команды.

По вертикали:

1. Двугорбый верблюд. 2. Средства ухода за кожей. 3. Подводный дыхательный аппарат. 5. Злаковое растение. 7. Начальная страница в книге. 10. Персонаж комедии «Горе от ума». 12. Радиоактивный элемент. 14. Ловчая птица. 15. Металл. 17. Рама с земляной литейной формой. 18. Гимнастический снаряд. 21. Чешская писательница. 23. Стихотворение А. С. Пушкина. 24. Русский художник XIX века. 25. Порошок для пайки и лужения металлов. 26. Фиговое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

5. Владивосток. 8. Плато. 9. Декан. 12. «Слава». 13. «Нашествие». 14. Киоск. 17. «Вратарь». 23. Стапель. 24. Ротатор. 25. Рекогносцировка. 26. Негатив. 27. Бригада. 28. Барабан. 35. Свифт. 36. Викторина. 37. Литий. 38. Фибра. 39. Хорей. 40. Селекционер.

По вертикали:

1. Плотина. 2. Гипотеза. 3. Хохлатка. 4. Гобелен. 6. Алмаз. 7. Банка. 10. «Электричество». 11. Остроградский. 15. «Спартак». 16. Флексия. 18. Разница. 19. Трясина. 20. Радиола. 21. Конверт. 22. Хатанга. 29. Риторика. 30. Барбарис. 31. Отлив. 32. Квартет. 33. Затопек. 34. Аллея.

На первой странице обложки:
Фото В. Жихаренко.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

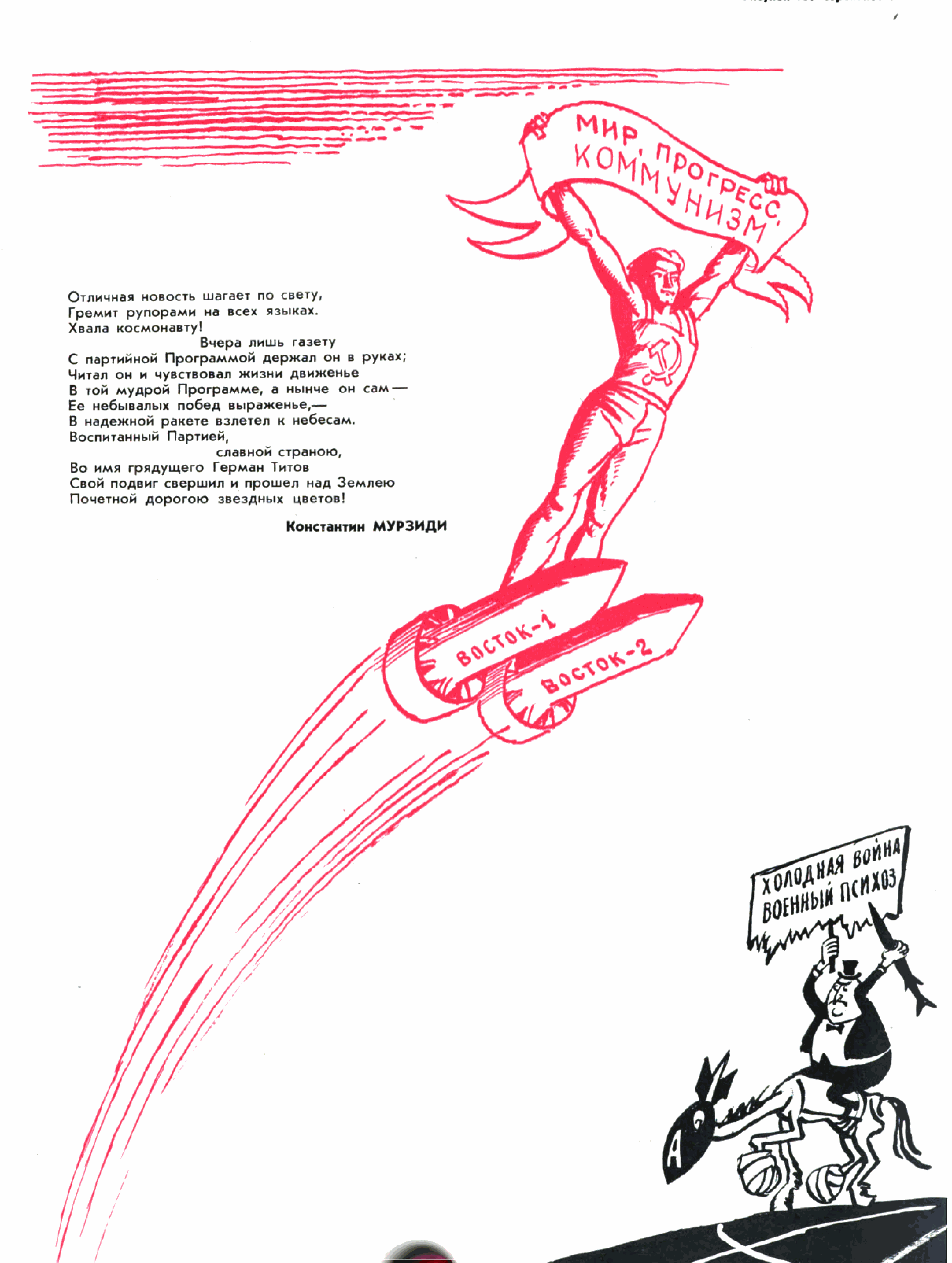
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05269. Подписано к печати 10/VIII 1961 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. 2,5 бум. л — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1426. Заказ 1979

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

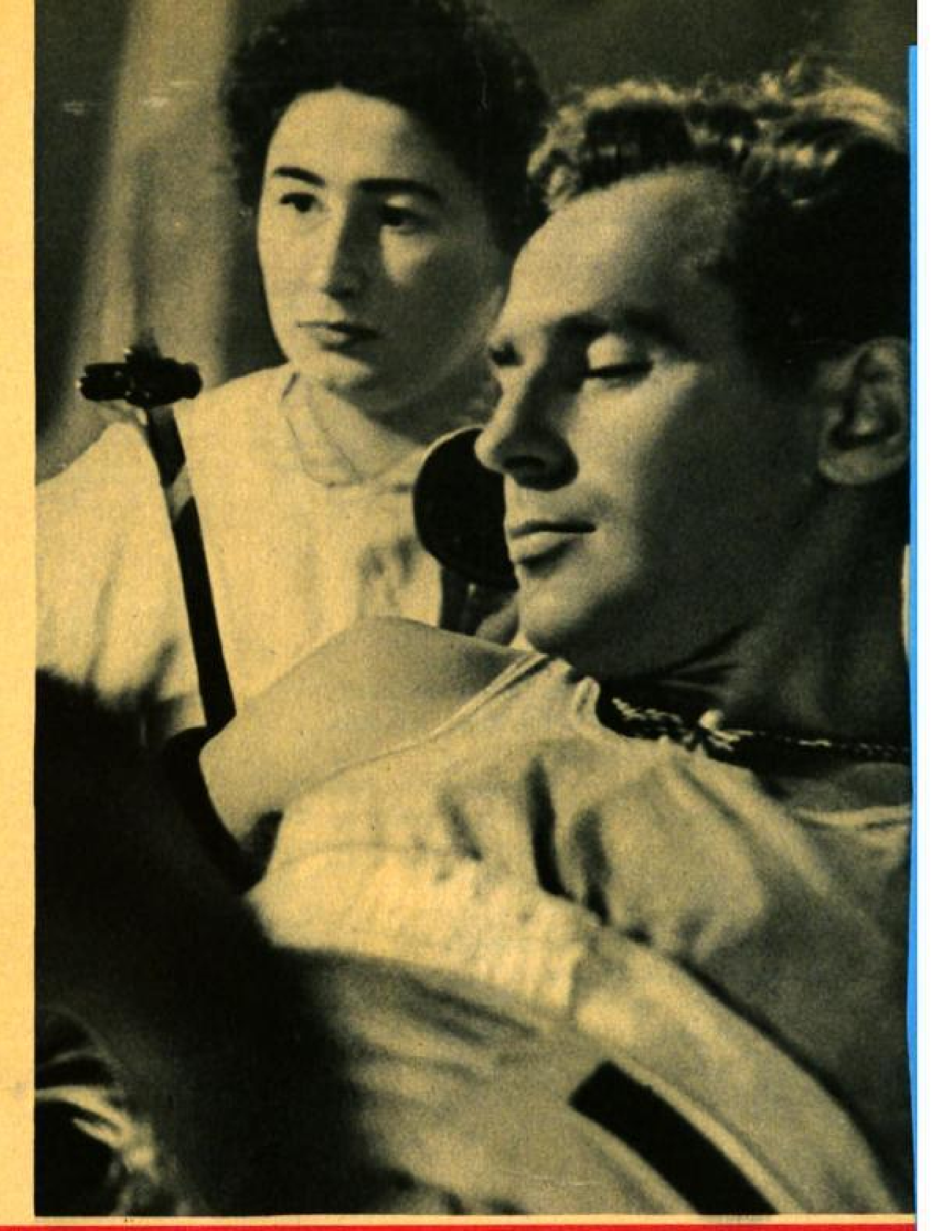
Рисунок Ю. Черепанова.

Отличная новость шагает по свету,
Гремит рупорами на всех языках.
Хвала космонавту!
Вчера лишь газету
С партийной Программой держал он в руках;
Читал он и чувствовал жизни движенье
В той мудрой Программе, а нынче он сам —
Ее небывалых побед выраженье,—
В надежной ракете взлетел к небесам.
Воспитанный Партией,
славной страною,
Во имя грядущего Герман Титов
Свой подвиг свершил и прошел над Землею
Почетной дорогою звездных цветов!

Константин МУРЗИДИ

Итак, скоро в космос! Еще одна тренировка Германа Титова.
Фото В. Жихаренко.

Сейчас начнется путешествие вокруг оси центрифуги.
Фото В. Жихарен

Нужно уметь и это — укладывать парашют...
Фото В. Батурина.

И такое упражнение входит в программу подготовки космонавта.
Фото А. Се

